

Люди
науки

В. И. МАКАРОВ

А. А. ШАХМАТОВ

Пособие для учащихся

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1981

Рецензенты:

доктор филологических наук проф. Теченградского педагогического института им. А. И. Герцена В. Л. Богородский; кандидат филологических наук доцент Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова М. А. Шахматова, учитель русского языка и литературы средней школы г. Москвы Ю. И. Ривенский

ОТ АВТОРА

Эта книга — рассказ о жизни и деятельности выдающегося русского лингвиста, замечательного человека, прославившего нашу науку, открывшего не одну новую страницу в ее истории, — об Алексее Александровиче Шахматове (1864—1920). Имя этого ученого ныне известно во всем мире, без знания его трудов по истории русского языка, синтаксису современного русского языка, языку летописей невозможны дальнейшие исследования в этих направлениях. А. А. Шахматов оставил также заметный след в истории нашей Академии наук, где долгие годы возглавлял Отделение русского языка и словесности (ОРЯС). Это время в академии было периодом необычайного расцвета филологических наук.

Великая Октябрьская социалистическая революция — крупнейшее событие в истории человечества — открыла новую эпоху в развитии культуры, науки, просвещения. У истоков этой новой эпохи стояло немало деятелей русской науки, проставивших Россию, видевших весь смысл жизни в любви к людям, родному народу, служении ему. Одним из таких ученых был Алексей Александрович Шахматов.

В 1925 г. вся страна отмечала двухсотлетие Академии наук. И в ознаменование этого события были опубликованы два труда А. А. Шахматова — «Очерк современного русского литературного языка» и незавершенное исследо-

Макаров В. И.
М 15 А. А. Шахматов: Пособие для учащихся. — М.: Просвещение, 1981. — 159 с., ил. — (Люди науки).

В книге в доступной для учащихся форме рассказано о жизни и деятельности выдающегося отечественного лингвиста, вклада русского языка, исследователя, проложившего новые пути в русском языкознании. Труды ученого известны не только в нашей стране, но и за рубежом, оказали влияние на всю славистику мира.

При создании книги автор использовал опубликованные материалы, архивные данные, документы, относящиеся во многих краях наших стран.

Книга предназначена для ознакомительного чтения.

М 60601-551
103(03)-81 241-81

4306020100

ББК 81.2Р
4Р

© Издательство «Просвещение», 1981 г.

вании «Синтаксис русского языка». Издание этих не опубликованных при жизни ученого работ в ознаменование столь замечательного события говорит не только о значении самих трудов ученого, но и о том, сколь значимо было имя этого ученого в истории Академии наук, сколь велика была его роль в развитии отечественной науки.

Известный поэт конца XIX — первой четверти XX в. В. Я. Брюсов писал об этом оригинальном ученом и великодушном человеке: «Это была вершина русской филологии, человек необыкновенный и своими способностями ученого, и характером деятельности, и своей биографией».

Великий физик XX в. Альберт Эйнштейн писал: «Моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения».

Жизнь и деятельность А. А. Шахматова может быть в какой-то степени подтверждением этих слов. Целеустремленность, преданность науке, принципиальность, высокая общественная активность и ответственность, человечность и доброжелательность, предельная скромность и требовательность к себе — эти черты пронес А. А. Шахматов через всю жизнь, об этих качествах ученого говорят все его современники, которым приходилось соприкасаться с великим русским лингвистом.

Конечно, писать о А. А. Шахматове очень трудно. Трудно рассказать обо всем том, что сделал ученый, трудно донести до читателя все особенности характера этого необычайного человека. Трудно, вообще, писать о великом человеке. Но необходимо, чтобы с жизнью и деятельностью А. А. Шахматова познакомилась молодежь, новое поколение, воспитанное в Советской стране. В предисловии к сборнику «Алексей Александрович Шахматов. 1864 — 1920», изданному в 1930 г. в память о десятой годовщине со дня смерти ученого, справедливо отмечено: «Память об ученом сохраняют нам его труды и его трудовая жизнь... У человека Шахматова можно многому научиться, так же как многому научились у ученого Шахматова».

Цель этой книги — познакомить наше юное поколение со всеми этапами жизни А. А. Шахматова, рассказать о тех направлениях в его научной деятельности, в которых он оставил заметный след, популярно, в доступной для учащихся форме изложить положения некоторых его ис-

следований. Но прежде всего автор стремился рассказать о том, как Шахматов стал ученым и что он сделал для развития отечественной науки.

При подготовке книги автор использовал работы ученого, воспоминания современников, исследования других русских лингвистов, анализировавших труды А. А. Шахматова, а также материалы ряда советских архивов (Архива Академии наук СССР, Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР, Государственного архива Одесской области, Отдела рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук УССР), в которых бережно сохраняются рукописи и документы как самого Шахматова, так и рассказывающие о его деятельности.

Книга состоит из десяти книжных разделов, первые из которых дают последовательный рассказ о жизни ученого, а последние посвящены разным сторонам его научной и общественной деятельности.

В конце книги, в приложении, приводится автобиография А. А. Шахматова. Она дополняет наш рассказ.

Завершает книгу небольшой список литературы, который поможет любознательному юному читателю более подробно ознакомиться с той или иной стороной жизни и деятельности А. А. Шахматова.

И в заключение автор выражает благодарность строгим, но доброжелательным рецензентам: доктору филологических наук, проф. Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена Б. Л. Богородскому, внучке А. А. Шахматова — кандидату филологических наук, доценту Ленинградского университета им. А. А. Жданова М. А. Шахматовой, учителю Московской средней школы Ю. И. Равенскому, которые ознакомились с рукописью будущей книги и высказали ценные рекомендации, способствовавшие ее улучшению.

В 1864 г. скончался великий русский филолог Александр Христофорович Востоков.

В 1864 г. родился в России другой великий филолог — Алексей Александрович Шахматов.

Что день этот, 5 июня 1864 г., подарит миру будущего великого ученого, писка, конечно, предполагать не мог. Но матери его, Марии Федоровне Шахматовой, в тревожно-радостные дни ожидания ребенка привиделось во сне: у нее будет сын и он прославится на весь мир...

...Семья, в которой начинается жизнь Алеша, отличалась многими завидными качествами: в ней царил любовь и взаимное понимание.

Мать Алеша, Мария Федоровна, с раннего детства увлеченно изучала европейские языки: она унаследовала от отца недолжные лингвистические способности. Идеалом образованной девушки в первой половине прошлого века, когда обучению дворянских детей иностранным языкам придавалось огромное значение, была такая девушка, которая отлично говорила по-французски, получила литературное образование, умела сочинять стихи, имела превосходные манеры и знала толк в домашнем хозяйстве. Стремясь дать дочери именно такое воспитание, родители отправили двенадцатилетнюю девочку в Екатерининский женский институт в Петербурге. За шесть лет затворничества в его стенах девушка не очень обогатилась познаниями по

верхности преподававшихся там наук (женской учености в дворянских кругах просто-таки боялись), но зато прошла превосходную эстетическую и филологическую школу.

Впоследствии Мария Федоровна не только не изменила своей глубокой привязанности к филологии, не только зачитывалась русской, французской литературой, но продолжала изучать и новые языки. У своего родственника по мужу А. В. Трирогова, окончившего факультет восточных языков в Петербурге, она брала уроки турецкого языка.

Отец будущего ученого, Александр Алексеевич, получив в Петербургском училище правоуказания высшее юридическое образование, начал служебную карьеру в невысокой должности младшего помощника секретаря Сената, а затем коллежского assessora¹ в Министерстве юстиции. Во время севастопольской кампании 1856 г. его зачислили ординарцем к начальнику саратовского ополчения, но вскоре по собственной просьбе перевели в действующую часть, где в чине штабс-капитана² он принял командование ротой. По расформировании ополчения в 1857 г. А. А. Шахматов назначается прокурором в Смоленск, а спустя три года ему предоставляется та же должность в Пензе. Здесь 8 января 1861 г. он женится на Марии Федоровне.

Купив небольшое имение, горячий сторонник освобождения крестьян, либерально настроенный прокурор А. А. Шахматов принимает активное участие в судьбе крестьян. Из-за столь «странного» поведения прокурора губернатор вскоре начинает метать на него громы и молнии. Атмосфера неприязни, постепенно окружившая А. А. Шахматова плотной стеной, вынуждает его круто изменить свои планы и в январе 1862 г. переехать в Воронеж. Но и здесь порвать с чувством высокого уважения к правде, справедливости он не может, да и не хочет. В ряде судебных дел о временнообязанных крестьянах Шахматов откровенно встает на сторону бедняков.

В этот воронежский период жизни Шахматовых появляется в их семье Алеша. Местом рождения его была Нарва, куда незадолго до знаменательного события поехала погостить к тете Мария Федоровна.

¹ Коллежский ассессор — в России прошлого века гражданский чин 8-го класса, равный военному чину капитана.

² Штабс-капитан — в царской России обер-офицерский чин в пехоте или кавалерии, соответствовавший лейтенанту гражданского чина 9-го класса.

Первые годы жизни мальчика пробегают в еще более частых переездах родителей: в 1865 г. — Харьков, в 1866 г. — переезд в Москву, в 1867 г. — снова возвращение в Харьков, куда А. А. Шахматова назначают прокурором судебной палаты³. Таких постов на всю Россию было всего три, и под опеку Шахматова попадает ни много ни мало — шесть губерний. В предчувствии частых служебных отъездов мужа Мария Федоровна с детьми — Алешей и старшей дочерью Женей — уезжает в село Губаревку Саратовской губернии — на родину родителей мужа, в имение его брата Алексея Алексеевича Шахматова.

За усердие по службе отца будущего ученого в 1868 г. жалуют в сенаторы⁴ с одновременным производством его в тайные советники⁵, назначают старшим председателем Одесской судебной палаты. Теперь, казалось, все определилось в семье: хорошо развивающиеся, послушные дети составляют все родительское счастье, отец занимает высокое служебное положение. Довольно скоро и в Одессе о тайном советнике Шахматове начинают говорить как о благородном и неподкупном вершителе правосудия.

В то время когда Александр Алексеевич пребывает в отъезде, все в доме скучают и томительно ожидают с ним встречи. Мария Федоровна коротает время за рукоделием, чтением русских и зарубежных писателей, изучением языков. Женя и Леля, как зовут в семье маленького Алешу, подражая маме, тоже почти не выпускают из рук книгу. День возвращения самого доброго, самого умного и красивого во всем свете папы в этой семье — истинный праздник. И никому из них не ведомо, что семья уже подстерегает неотвратимая беда.

Еще в Губаревке здоровье Марии Федоровны как-то сразу пошатнулось. Здесь же, в Одессе, оно, против всех ожиданий, стало ухудшаться еще быстрее. Чахотка. Прописанный доктором кумыс и виноград Феодосии не помо-

³ *Судебная палата* — до революции судебный орган, учрежденный на несколько губерний, составляющих судебный округ. Ведала уголовными и гражданскими делами и подчинялась непосредственно Сенату.

⁴ *Сенатор* — член Сената, правительственного органа, формально призванного вырабатывать проекты государственных законов, но к середине XIX в его функции были ограничены лишь надзором за соблюдением законов.

⁵ *Тайный советник* — высокий гражданский чин 3-го класса, соответствовавший военному чину генерал-лейтенанта.

ают: местный климат, ветры окончательно подтачивают ее здоровье. Но, несмотря на это, в стремлении не сдаться судьбе без боя М. Ф. Шахматова зимой 1869/70 г. все еще много выезжает в свет, на концерты, в оперу, слушает гастролирующую в Одессе венскую оперетту с ее атмосферой неукротимой жажды жизни, радости земного бытия. Стараясь поддержать друг друга, родители пунктуально соблюдают обычай высшего света, устраивают званные обеды, вечера, приемы. Но, оставшись наедине с самим собой, каждый из них тотчас, как маску после маскарада, «снимает» с лица улыбку, физически ощущая неумолимо надвигающуюся развязку. В конце апреля 1870 г. побывавший в городе проездом выдающийся отечественный врач, всемирно известный Н. И. Пирогов выносит последний приговор, найдя состояние больной фактически безнадежным. К несчастью, знаменитый хирург не ошибся. 3 мая, не дожив и до 32 лет, Мария Федоровна едва успевает дать детям последнее, предсмертное благословение. Но за одним горем, как это часто случается, не медлит прийти и другое. Смерть жены, преданного друга, самого близкого человека, тяжелым, непосильным ударом падает на плечи Александра Алексеевича. При ней вся жизнь ему казалась впереди, вместе в мечтах своих они представляли жизнь детей до мельчайших подробностей на много лет вперед... И вот все вконец разрушено. Впереди — пустота, отчужденность; в сущности, жизнь прожита... Вмг отстучало, устав, еще одно преданное сердце, отлюбило, отненавидело, и осталось потомкам всего несколько строк в одесских газетах: «В ночь с 21-го на 22-е января 1871 года около 3 часов утра неожиданно от аневризма сердца скончался старший председатель Одесской судебной палаты, сенатор, тайный советник А. А. Шахматов».

Осиротевших детей — восьмилетнюю Женю, трехлетнюю Олю и шестилетнего Алешу — забирает к себе в Губаревку дядя Алексей Алексеевич. К счастью для детей, их и здесь окружает та же шахматовская атмосфера взаимной привязанности и жажды духовного развития. Много кажется детям простым продолжением жизни в родном их доме. В отличие от старшего брата, дядя не был человеком служебного долга, его не считают хозяйственным человеком. Но детям эта семья смогла дать многое. Алексей Алексеевич, на редкость жизнелюбивый человек, серьезно занимается музыкой, сам сочиняет романсы и с приез-

дом племянников пишет для них шуточные музыкальные пьески. Прожив четыре года в Париже, сделавшись страстным поклонником французских классиков, он привез на родину собранную им прекрасную библиотеку, и теперь все в семье читают Руссо, Гого, Расина, Ламартина...

Самозабвенно любящий театр и обладающий актерскими способностями, дядя превосходно читает детям, нередко со слезами на глазах, произведения великих французских писателей. В такие минуты нелегко удержаться от слез. Вскликивает Женья, надувает губы «капюшоном» Алеша. Вскликивает и без того совсем не грудно разжалобить, а глядя на них, плачет и совсем еще маленькая Оля. Но вот уже Женья и Алеша сами учат наизусть отрывки из Расина и Корнеля. Иногда, в долгие зимние вечера, облачившись в самодельные бумажные костюмы, они, ко всеобщему восхищению, на несколько минут переносятся в древние века, становятся Креантом и Медеей, Электрой и Орестом, Агамемноном и Ифигенией — героями многих античных пьес, и при этом всеми своими манерами и голосом стараются подражать дяде.

Французский, английский, немецкий и латинский языки детям преподает тетя, Ольга Николаевна. Она во многом кажется полной противоположностью мужу: всегда ровная, сдержанная, а в представлении детей даже отчужденно холодная, требует от них, а особенно от старшей, Жени, внимания к своим наставлениям, выдержки, аккуратности и порядка. Только много лет спустя дети узнают, да и сердцем своим почувствуют, какой это добрый человек, их тетя, и как она полюбила всех их, безвременно осиротевших, преданной, материнской любовью.

В одном из своих писем в октябре 1872 г. Ольга Николаевна пишет о детях: «Маленькой Оленьке часто нездоровится. Это крохотный ребенок, который мало разговаривает. Такая замкнутость, столь несвойственная этому возрасту, меня подчас беспокоит. Моло (так в этой семье называют Алешу. — В. М.) — полная ей противоположность. Олицетворение живости и ума. Он всем интересуется, все понимает, учится с громадным удовольствием, много читает, развит не по годам. Он занимается со старшей сестрой вместе и мало сказать, что не отстает от нее. Кроме четырех языков, они учатся географии, истории и естественным наукам. У Жени, кроме того, ежедневно урок музыки, которую

она очень любит... Оленька же очень музыкальна и, вероятно, со временем превзойдет сестру...»⁶.

В феврале 1875 г. хорошо подготовленный дома А. Шахматов поступает в Московскую частную гимназию Ф. И. Креймана. Мальчик оказывается оторванным от родственников, о разлуке с которыми никогда раньше и не думал, от милой Губаревки, где у водопада «Зеленый родник» под столетними вязами он так любил играть с сестрами, где будоражило восприимчивое детское сердце пение соловьев, изволг, где все было так дорого и близко.

Уровень знаний у многих сверстников А. Шахматова оказывается весьма невысоким: за месяц пребывания в гимназии на занятиях у самого ее директора, преподававшего географию, из 40 гимназистов 28 получают «единицы» и почти все остальные «двойки».

— Посмотрите, — с удивлением обращается к классу Ф. И. Крейман. — Алексей Шахматов здесь уже месяц, а еще «двоек» не получал. Старайтесь, Шахматов, старайтесь...

Но гимназическим стараниям А. Шахматова суждено было длиться недолго. Заболевшего корью, истосковавшего по дому, мальчика уже в мае возвращают в Губаревку. Нужно сказать, что вдали от домашнего очага А. Шахматов в течение всей жизни чувствовал себя как-то неутоно, подавленно и только под кровлей родного дома мог проводить время спокойно. «Я вообще люблю, — признается он в четырнадцать лет, — всякое семейство, люблю эту семейную, блаженную гармонию, обожаю начала, на которых зиждется семья...»

В Губаревке продолжается его серьезное домашнее воспитание и обучение. Русскую словесность преподает детям А. П. Ясневич. Благодаря ему дети рано знакомятся с классическими образцами русской литературы — произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. С упоением читают они «Первую любовь», «Рудина», «Дворянское гнездо», «Накануне» И. С. Тургенева. Детям продолжают старательно прививать любовь к музыке, в особенности к русской народной. Шахматовы хорошо понимают, что народное искусство, выражая высокую муд-

⁶ Источником сведений о детских годах А. А. Шахматова в значительной мере послужила книга его старшей сестры Е. А. Массальской «Повесть о брате моем А. А. Шахматове» (М., 1929, ч. 1).

рость простоты, развивает в человеке нежность, делает сердце мягче, а мысли благороднее. Дети и сами как будто спешат навстречу освежающему влиянию этого неиссякаемого источника. В гости к дяде нередко приезжает его друг — музыкальный критик, собиратель народных песен и композитор И. П. Ларионов. Целый вечер он то наигрывает народные песни или напевает их своим мелодичным красивым голосом, то, организовав семейный хор, выступает в роли запевалы и дирижера. И все поют «Вниз по матушке, по Волге...», «Уж я золото хороно», «Ах вы, сени мои, сени» и другие народные песни. Через приходит и песням более современным, любимым дядей: «Из леса, леса темного», «Не пой, красавица, при мне...», «В долине Дагестана». Особенно трогает Лоло песни родственницы Софьи Григорьевны Трироговой. Ее низкое драматическое контральто, исполнение дидактических романсов готов он слушать затаив дыхание весь вечер. Здесь, на музыкальных вечерах у Шахматовых, И. П. Ларионов выносит на суд друзей фрагменты будущей оперы «Барышня-крестьянка». Ее премьера состоялась 14 марта 1875 г. в Собрании санкт-петербургских художников и имела большой успех.

Все остальное время одиннадцатилетний Алексей Шахматов проводит в классной комнате, окруженный горами книг по русской истории, осмысливает их, работает над собственными «Посланиями по истории». Теперь он твердо решил стать историком!

Летом 1876 г., взяв с собой крепко привязавшегося к нему за эти годы Алешу, А. А. Шахматов уезжает для лечения за границу. В Мюнхене мальчик не прекращает обычной напряженной работы. В Королевской библиотеке он принимается за изучение античных историков и географов: читает немецкие издания «Географий» древнегреческого географа и историка Страбона, александрийского ученого Птолемея, «Германию» Тацита. У античных ученых он ищет сведения о древнейших обитателях территории России, упоминания о племени венедов, являвшихся, по всей вероятности, древними славянами. С некоторыми из этих материалов А. Шахматову удалось познакомиться еще в Губаревке, правда «из вторых рук» — в изложении русских историков. Алеша уже тогда приходит к мысли, что всякий уважающий себя исследователь должен прежде всего основательно изучить первоисточники. «Когда я взял эти книги, — признается он в августовском письме до-

мой, — мне показалось, что я приступил к порогу, куда мне так хотелось, что я сломал стену, отделяющую меня от этих источников, что я теперь буду ссылаться на Карамзина и Соловьева, которые сами ссылаются на Страбона и др., что я теперь могу собственным трудом (выделено мною. — В. М.) достигнуть имени историка, но не трудами Карамзина и Соловьева...»

Переехав с дядей в Лейпциг, А. Шахматов уже на следующее утро спешит в Университетскую библиотеку. Кажется, даже немного сожалел, что это серьезно помешает его исследовательской работе, но вместе с тем и стремясь расширить свое начальное образование, А. Шахматов поступает учиться в одну из лейпцигских гимназий.

Но что может помешать человеку добиться своей цели в науке, если он этого очень хочет? Нужна лишь одержимость и работа до самозабвения. Лейпцигская гимназия — не московская гимназия Креймана, и к мотивам успешного учения здесь, на чужбине, присоединяется еще один, куда более высокий: нужно быть учеником, достойным своего российского происхождения! И мальчик из русской деревни, затерявшейся где-то в не ведомой здесь никому саратовской глуши, становится одним из лучших учеников класса.

Как раз в 70-е гг. в Лейпцигском университете бурно развивается лингвистическая теория, совершенствуются методы и принципы сравнительно-исторического языкознания, основы которого были заложены еще М. В. Ломоносовым, а развиты в первой половине XIX в. русским филологом А. Х. Востоковым и рядом немецких ученых. В Лейпциге с 1870 г. первую немецкую кафедру славянской филологии возглавляет замечательный ученый Август Лескин; здесь же преподают его ученики — известные лингвисты Георг Остроф и Карл Бругман, в 1878 г. обосновавшие новое, так называемое младограмматическое направление (нем. Junggrammatiker), которое обогатило сравнительное языкознание многими свежими идеями. А. Шахматов, таким образом, оказывается в эпицентре новых языковых теорий. Его одинаково увлекают и историзм этих теорий, что естественно для каждого, кто изучает историю народа, и их направленность к максимальной точности факта.

В воссоздании насчитывающей миллион лет истории человечества неопределимую услугу оказывают нам памятники языка. И хотя письменный период истории языков в сопо-

ставлении с бесписьменным предельно краток, именно с помощью языка мы раскрываем многие тайны древнейшей эволюции и его самого, и обслуживаемого им человеческого общества. Помогает нам в этом «учебный волшебник» — сравнительно-исторический метод. С его помощью можно, сравнивая факты разных языков письменной эпохи, с большой степенью точности восстанавливать дописанные языковые явления и процессы, а приводя разрозненные факты в систему, реконструировать даже целые состояния языка того или иного периода. Сравните, к примеру, ряд слов в славянских языках: русск. *мать*, укр. *мати*, белор. *маці*, польск. *mat*, чешск. *matka*, сербск. *маћи*, болг. *майка*; русск. *брат*, укр. *брат*, белор. *брат*, польск. *brat*, чешск. *bratr*, сербск. *брат*, болг. *брат*; русск. *сестра*, укр. *сестра*, белор. *сястра*, польск. *siostra*, чешск. *sestra*, сербск. *сестра*, болг. *сестра*. Совершенно очевидно почти полное совпадение корней слов в названных языках. Отчего это? Сразу ответить на вопрос не легко, да в науке и нельзя делать поспешных выводов. Обратимся к неславянским языкам: англ. *mother*, нем. *Mutter*, лат. *māter*, санскр. (санскрит — ныне уже мертвый письменный язык древнеиндийской литературы, который донес до нас множество древнейших корней индоевропейского языка) *matár*; англ. *brother*, нем. *Bruder*, санскр. *bhā-rāta*; нем. *Schwester*, англ. *sister*. Здесь также наблюдается близость корней, хотя уже и более отдаленная. Вернемся к славянским языкам: русск. *ворона*, болг. *врана*, польск. *wrona*; русск. *корова*, болг. *крава*, польск. *krowa*.

Обнаруживаем уже не совпадение звуковых оболочек слов, а последовательно проводимое соответствие определенного сочетания звуков одного языка сочетаниям звуков двух других языков. В чем причина? Быть может, оно — результат заимствования форм одного языка двумя другими? Но тогда как объяснить причины таких же соответствий в великом множестве слов? Ученый остается предположить, что эти три формы развиваются из какой-то четвертой, древнейшей. Эта форма восстанавливается теоретически, путем логических умозаключений. Таким приблизительно путем лингвисты пришли к выводу, что этой древнейшей, общеславянской формой была форма *or* в положении между любыми согласными (такая структура условно обозначается *tort*), которая впоследствии по-разному преобразовалась в разных славянских языках: в русском

tort → *torot*, в болгарском *tort* → *trat*, в польском *tort* → *trot* (сравните с приведенными выше примерами из этих языков).

В русском и украинском языках широко представлено соответствие: русск. *лес, хлеб, свет, дело*, укр. *ліс, хліб, світ, діло* и под.

Читатель, видимо, сам догадался, что у соответствующих друг другу звуковых элементов — русского [e]: украинского [і] — тоже был какой-то общий предок. Вполне логично предположить, что им был звук, сходный с каждым из указанных звуков и близкий к ним по своему звучанию. Оказывается, в диалектах русского, украинского и белорусского языков до сих пор можно слышать особый дифтонгический звук [iэ] и звук [é] — так называемое «э-закрытое, по своему звучанию представляющее собой нечто среднее между [e] и [і]». Видимо, эти-то звуки и явились в прошлом «родителями» указанных звуков украинского и русского языков.

Но если языки имеют множество звуков, корней и слов, восходящих к каким-то общим первоисточникам, то, видимо, и сами языки восходят к какому-то более древнему языку-предку. А если есть языки-родители, то, значит, есть и языки-дети, языки-братья, племянники, внуки... Определить степень родства языков, изучить общее и различное в них, установить причины и время появления таких различий — задачи исторического языкознания. К началу деятельности А. Шахматова языкознанием было установлено, что некогда существовал общий индоевропейский язык, который постепенно распался на несколько языков, условно называемых общегерманским, общероманским, общеславянским и т. д. Из общеславянского языка в середине первого тысячелетия нашей эры выделились западнославянский, южнославянский и восточнославянский, из которого в XIV — XV вв. выделяются в свою очередь три самостоятельных восточнославянских языка: русский, украинский и белорусский.

Первое знакомство с принципами сравнительно-исторического исследования происходило у А. Шахматова под влиянием лейпцигского учителя словесности Бругмана — брата известного лингвиста XIX в. Карла Бругмана. Увлечение историей народов у юного А. Шахматова не угасает. Письмо сестре Жене от 21 сентября 1876 г. мальчик начинает категоричным предупреждением: «Мое письмо будет серьез-

ныи и отноди не может быть пренебреженными...» Зная, что тети с девочками собирается приехать к ним за границу, Алеша просит сестру взять с собой из его секретера «Несторову летопись» (летописный свод, составленный в конце XI — начале XII в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором), а также три части «Истории» С. М. Соловьева, три части популярной в конце XIX в. «Истории России» Д. И. Иловайского, обе части «Русских людей» Вольфа, все его тетради по русской истории — записи прочитанного и первые самостоятельные научные опыты. Как видим, работ западных ученых юному исследователю оказывается недостаточно для целиком захватившего его сочинения по истории скифов, бывших одними из древнейших обитателей Северного Причерноморья — будущей территории восточных славян.

В письме из Парижа от 24 декабря того же 1876 г., поздравив в трех строках добрых знакомых семьи с наступающим праздником, Алеша продолжает: «Чем же другим выразить Вам мою любовь, мое уважение к Вам? Историей — каким-нибудь историческим выводом? Но история, начиная со скифов до самого Рюрика, всем надоела (исключая меня), потому что я дальше не двигаюсь...» Шахматов сетует на недостаточно быстрое изучение и описание им скифо-славянской истории, хотя период этот довольно продолжителен и охватывает более полутора тысяч лет. Затем в письме идут слова, звучащие как клятвы, как торжественный обет двенадцатилетнего мальчика посвятить себя святому делу науки: «Я люблю историю и буду любить ее: я влезаю на лестницу, начиная с низших ступеней, и влезаю медленно, часто спускаясь назад, но влезаю, я больше не спущусь...» Это уже не детское восприятие тернистого пути ученого, а совсем взрослое осознание своих жизненных принципов.

К началу 1877 г. относится зарождение у А. Шахматова привязанности к словесности. В январском письме домой он признается уже: «История в, особенно, словесность имеют прелесть для меня».

В наши дни многие коллекционируют марки, значки, спичечные этикетки, пуговицы, календари, зажималки. А в ту далекую для нас эпоху было обычным даже среди гимназистов коллекционировать слова. Во всяком случае, никто из обучающихся в гимназии Креймана, куда вернулся А. Шахматов, не только не удивляется предмету его

одержимости, но, напротив, многие вступают с ним в обмен словами и даже выдвигают свои довольно жесткие условия. Увлечение это разделяют с гимназистами и их родители. В начале марта мальчик располагает уже 700 санскритскими словами, вскоре приобретает еще 340. У отца ученика 4-го класса за 50 санскритских и 3 готских слова он выменивает 60 исландских, за 40 персидских и 8 арабских — 50 финских и литовских, в обмен на 257 древнегерманских слов приобретает 60 редких готских, а отдав 641 санскритское слово, получает еврейскую азбуку и готские спряжения и склонения (естественно, им отдаются лишь копии слов). Неожиданно домой приходит переполненное величайшей тревогой письмо. «У меня критическое положение, — сообщает он родственникам. «Что с Лоло? Что с мальчиком?» — почти в один голос провозносят тети и дядя и резко наклоняются к читающей письмо Жене. «У меня критическое положение. Желая купить армянскую азбуку и несколько мифологических песен, но за них требуют 1200 слов санскритских. Такого у меня нет капитала...» Все облегченно вздыхают, улыбаются, особенно когда узнают из письма о найденном мальчиком выходе: Алеша просил поступившего в гимназию армянина Кочкарева написать ему армянские числительные и азбуку за... несколько привезенных из дома... миндалей.

Соученик Шахматова Прогульбицкий, выполняя поручение отца, пытается купить у своего товарища сочинение «Взгляд на историю с филологической точки зрения», а также собранные им слова и примечания к ним, но автор наотрез отказывается от денег и отдает работу даром. Какой пустяк: он напишет сколько угодно таких сочинений!

Вы, возможно, обратили внимание, что особый интерес у гимназистов вызывают слова санскритского языка. Это не случайно. Сопоставляя богатства этого мертвого языка с другими мертвыми (древнегреческим, латинским, готским, старославянским и др.) или живыми языками, ученые с немалой достоверностью воссоздают картину индоевропейского языка. Книга А. С. Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими» убеждает А. Шахматова в реальной близости санскрита к славянским языкам. Об этом говорят сопоставления: русск. *дом*, санскр. *damā*, русск. *бык*, санскр. *go* (ср. русск. *говядина*), русск. *новый*, санскр. *nāva*, русск. *нить*, санскр. *pātha*, русск. *сын*, санскр.

siná, русск. *имя*, санскр. *nāman*, русск. *два*, санскр. *dua*, русск. *свой*, санскр. *sva*.

Новое увлечение А. Шахматова не заслоняет, а скорее усиливает его тоску по дому, по родным, которым ему хочется поведать о всех находках, сомнениях, планах. Он считает дни, часы до новой встречи с ними, счастливыми и хорошими людьми, когда, как он пишет, «припавши к тебе, буду лобызать ее ароматные ручки и целовать дядю сильно и крепко, сильнее и крепче любящего сына... С ужасом жду то время, когда я вас лишуся! Кто будет тогда порицать, кто хвалить, кто гладить по головке?» Серьезное отношение к своей цели в жизни заставляет мальчика нередко соизмерять свои возможности с тем, что уже им сделано: «Мне часто приходит в голову мысль, как коротка человеческая жизнь. Может статься, что я уже прожил половину всей жизни: и что же, я ничего не сделал. Ничто в моей жизни не достойно похвалы...»

Изучение А. Шахматовым литературы о древней истории славянства, ее вдумчивый анализ помогают юному историку критически осмысливать работы, еще недавно считавшиеся им верхом совершенства. Перечитав еще раз первый том «Истории» Соловьева, мальчик смотрит на него другими глазами и отвергает ряд концепций автора. В результате такого же критического разбора авторитетных для своего времени исследований Н. М. Карамзина и А. Д. Градовского А. Шахматов приходит к выводу о преобладающей важности многих научных положений. Еще вчера теории Карамзина и Соловьева казались неопровержимыми, сегодня ему представляется более правильной собственная точка зрения, а завтра, наверное, кто-то будет опровергать и его взгляды, чтобы отступить со временем перед логикой чужих новых научных доводов. Удивительная вещь наука!

Креймановская гимназия с ее недостаточно высоким уровнем преподавания, низкими запросами гимназистов, многие из которых куда больше жаждут кулачных боев, чем знаний, уже не может удовлетворить переросшего ее А. Шахматова, и поэтому в январе 1879 г. он переходит учиться в Московскую 4-ю гимназию, где с еще большей страстью продолжает изучение истории и словесности. Его собственные материалы составляют теперь уже восемь тетрадей, извлечения из других источников — три. В собиравании, систематизации и описании слов Алексей Шахматов видит теперь одну из основных своих научных целей. Помо-

гает ему уже и младшая сестра: «Оленька обрадовала меня двумя грузинскими словами, а лакомо и сладко узнать еще с десяток: так и текут слюнки», — пишет он домой. «Язык, — делится Алеша своими чувствами с родными в феврале 1879 г., — может сделать меня поэтом и отчасти сделал, это язык перенес меня в отвлеченный мир, язык познакомил меня с мыслями человека. Филологины вовсе не свойственна сухость, филология — это наша жизнь...» — открывает он для себя.

Так увлечение языком перерастает у мальчика в страсть. А. Шахматов принимается за углубленное изучение работ русских филологов своего века. Особо сильное впечатление производит на него книга выдающегося отечественного лингвиста середины XIX в. Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844), в Приложении к которой излагаются вопросы теории и истории русского языка.

Говоря о важности языка, Ф. И. Буслаев подчеркивает, что в нем выражается вся жизнь народа и познать эту жизнь можно, лишь проводя историческое исследование языка. Давая предмету название, человек выражает свое отношение к этому предмету указанием в самом названии на какой-то его признак, свойство. Всякий предмет, считает Ф. И. Буслаев, существует для человека только тогда, когда он им осознается и обозначается словом. Поэтому в языках название понятия «вещь» связывается со словами *мыслить*, *ощущать*. В немецком *Ding* (вещь) — от *denken* (думать), *Sache* (вещь) — от *sagen* (сказать), польск. *rzecz*, укр. *рiч* (вещь) — от древнего *pekiti* (говорить)

Как удивительно образны народные, чисто славянские названия месяцев: *просиень* (январь), *сечен* (февраль), *сухин* (март), *брезозор* (апрель), *травен* (май), *изок* (июнь), *червен* (июль), *роин* (сентябрь), *листопад* (октябрь) и др. В древнерусском языке слово *роин* имело значение «плачущий, влажный» (ср. в современных говорах *роми рочить* — плакать), *изок* — «кузнечик, стрекоза». Близкие этим названиям месяцев до сих пор сохраняет украинский язык.

Внутреннюю силу древнего языка Ф. И. Буслаев сравнивает с острым зрением, чутким слухом, обонянием дикаря, пастуха или охотника. Современные языки потеряли эти качества, но взамен они приобрели большую ясность и определенность.

Из этой книги А. Шахматов узнает и о том, что в современном русском языке есть немало слов, полностью или частично утративших свое древнее значение: *жадный* раньше означало 'жаждущий', слово *предель* бытовало в древнерусском языке в значении 'лесть, обман, соблазн', *строгий* понимали как 'острый' (отсюда *острога*), *труд* — как 'бедствие, болезнь, душевное страдание' (в «Слове о полку Игореве» прочтете: *чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смешено*, т. е. 'наливали мне синего вина, смешанного со страданием') и др. Многие слова, встречающиеся в древних памятниках русской письменности, и сейчас еще сохраняются если не в литературном языке, то в говорах. Летописец Нестор сообщает, что переславский епископ Ефрем в 1090 г. построил *банное* строение. Стоило ли летописать о таком ничтожном факте потомкам? Оказывается, стоило. Нестор имел в виду 'церковный купол'. В таком значении слово бытует в ряде белорусских говоров. Н. М. Карамзин, используя выражение из «Русской правды» *следъ на гостиници на велиць*, ошибочно перевел слово *гостиниць* как *гостиница*. На самом же деле слово употреблено в диалектном значении 'большая дорога' (ср. польск. *góscinieć* — 'дорога, тракт').

Увидя с головой в теоретические построения и богатейший фактический материал работы Ф. И. Буслаева, А. Шахматов проникается глубоким уважением к этому ученому, мечтает стать его учеником. Юношу поражают сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия, присущие этому ученому.

Под влиянием работы Ф. И. Буслаева А. Шахматов начинает видеть в языке не бесстрастное хранилище звуков, слов, а отражение духовного мира человека и человечества, его истории, культуры, быта, словом, всей жизни вообще. Язык облагораживает и историю, и религию, и литературу.

Теперь гимназист много времени отдает поискам книг по филологии, стремясь создать свою научную библиотеку. Чтобы купить нужную книгу, ограниченному в средствах мальчику приходится продавать почти за бесценок что-нибудь из своего гардероба. Но зато какая радость: теперь у него на одну книгу больше, да не на простую книгу, а книгу о языке! «Тетья и дядя! Я не знаю почему, но мне известно всегда перед другими и тоже перед собой, что я трачу

деньги на книги — будто цены деньгам не знаю. Нет, я хорошо знаю, что деньги приобретаются трудом, трудом большим, но видя книгу по филологии, я не могу удержаться, чтобы не купить ее!»

Гимназическая жизнь почти не интересует мальчика, не в ней он видит теперь главное для себя. Один из соучеников А. Шахматова по 4-й гимназии А. Сиротинин вспоминает, что во время одной из бесед по пути в гимназию с Малой Лубянки, где будущий академик снимал комнату, А. Шахматов прямо сказал товарищу, что ему трудно будет сделать в жизни что-нибудь заметное, потому что Сиротинина много отвлекает от дела, у него слишком мало сосредоточенности. Сам же Алексей сумел отвлечься от многих детских удовольствий во имя своей главной цели. И уже став взрослым, А. Сиротинин прочувствовал то, о чем говорил ему в те далекие годы детства А. Шахматов-гимназист: «Наука,— писал А. Сиротинин,— знает своих избранных, но она и требует от каждого из них всего человека. Она ревнива и не любит делить ни с кем своей власти».

ПЕРВЫЕ УЧЕНЫЕ ДИСКУССИИ

Юный А. Шахматов решает приняться за собственное исследование о происхождении индоевропейских слов. Ему представляется, что языковые процессы обусловлены преимущественно особенностями психики и быта древних носителей языка. Поэтому и названия главам своего труда гимназист 4-го класса дает особые: «О человеке», «О земле» и под. Несколько наивные представления о языковых процессах совмещаются с серьезной попыткой обосновать истоки фонетических различий слов в различных языках. Ход рассуждений таков. Из древнейшего индоевропейского корня *ra* путем удвоения начального звука, призванного, как думает автор, придать слову больше вескости, основательности, создается форма *rap* и ее различные фонетические варианты: *pip, rap, rip, rep*. Наши древние предки очень любили носовые согласные звуки [m], [n]. Поэтому конечный согласный в этих сочетаниях заменяется носовым [m]: *pim, ram, rin, rem*. Постепенно первый согласный заменяется одним из щелевых звуков, в результате появляются корни: *him* (ср. нем. *Heimat* — родина), *ham* (ср. греч. *χαμαί* — на земле), *hum* (ср. лат. *humus* — земля), *zem* (ср.

латышск. *zeme*, лит. *žemė*, русск. *земь, земля*). Древнего предка, по справедливому выводу гимназиста, создавала и развивала природа. Она заставила его трудиться и приспособиваться к ней, она же научила его говорить.

Законченный, что называется, на одном дыхании труд А. Шахматов показывает учителю английского языка Ходжену; он находит сочинение гимназиста весьма оригинальным и решает познакомиться его автора с доктором истории всеобщей литературы Московского университета Н. И. Стороженко.

Крунный знаток западноевропейской литературы встречает мальчика холодно-вежливо, но в первые же минуты разговора, пораженный редкостью влюбленности этого юноши в науку, согревает впечатлительную натуру А. Шахматова своим добросердечием. Душевная тонкость ученого, его лиризм вселяют в мальчика веру в себя.

После беседы с гимназистом Н. И. Стороженко передает его ученое сочинение доктору сравнительного языковедения В. Ф. Миллеру. Пораженный серьезностью работы, В. Ф. Миллер, возвращая ее Стороженко, восклицает:

— Николай Ильич! И вы думаете, что все это написал мальчик? Никогда! Откуда это заимствовано, определить не могу, но пятнадцати, даже двадцатипятилетний человек, уже кончивший университетский курс, и тот так не напишет... Или наш мнимый филолог был под руководством какого-либо очень опытного ученого, или... впрочем, в работе нельзя не заметить значительного провала по части славянских языков, в некоторых местах сравнения и сближения слишком натянуты...

Желая убедиться в том, что все это написал гимназист 4-го класса, Н. И. Стороженко устраивает ему настоящий экзамен по славянским, санскриту и ряду других языков. А. Шахматов дает блестящие ответы, сопровождаемые их доказательствами.

— Конечно, то, что все это вы сами написали, совершенно очевидно, — резюмирует ученый. — Ваши тетради я отдал на рассмотрение В. Ф. Миллера... Он — первый санскритолог России. Поезжайте к нему, он вас ждет!

А. Шахматов раньше слышал много добрых слов об ученых трудах Н. И. Стороженко, о его разносторонних познаниях. Теперь, лично познакомившись с ним, выслушав его пожелания и напутствия, мальчик проникается чувством восхищения этим человеком.

Встреча с В. Ф. Миллером, против ожидания, начинается менее приятно.

— Вы тот молодой человек, который, кажется, посвятил себя изучению языков?

— Я занимаюсь языками, — отвечает А. Шахматов, — но не посвятил себя им.

Миллер (после некоторой паузы):

— Я читал... ваше сочинение, но оно написано без малейшей теории. (Ученый как-то неуверенно произносит слово «ваше».)

— То есть в каком смысле «теории»? — желает уточнить мальчик.

— Вы многое заимствовали откуда-то, и, смею вас уверить, в этом сочинении ваших собственных мнений совсем нет...

Лицо А. Шахматова выражает удивление, но стремление сдержаться пока побеждает. В. Ф. Миллер же между тем продолжает:

— Пятнадцатилетний юноша не может так писать, как вы... Слог представленной вами работы — это слог сложившегося исследователя. Поверить же в исключительный, данный вам свыше дар, согласитесь...

Вконец раздосадованный, Шахматов неожиданно для самого себя прерывает профессора:

— Как можете вы так думать? Вы заглазно, даже не познакомившись со мной, уже составляете обо мне мнение... Поговорите со мной и тогда сделайте заключение, так... (как господин Стороженко), — хотелось сказать Шахматову, но он сдержался. Оба на какое-то мгновение задумываются. «Не слишком ли я самоуверен? — пронзает Шахматова мысль. — Но ведь человек должен любить себя... иначе он не человек, когда в нем нет ни самолюбия, ни честолюбия, когда он сам себя не любит... Правда, нужно любить себя так, чтобы не пренебрегать любовью к другим...»

— Ну, один дух святой знает, как появилось все это на бумаге... — прерывает молчание В. Ф. Миллер. — Вы желаете, чтобы я с вами говорил? («Как же я не могу желать этого, если от разговора с вами, быть может, зависит моя встреча с Буслаевым!») Тогда назовите мне то, что вы читали из филологии.

О, нет ничего проще! Приободренный, с радостной поспешностью перечисляет юноша работы русских ученых:

М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова, впервые в науке предпринявших сравнение родственных языков; лингвиста И. И. Срезневского; фольклориста и этнографа А. Н. Афанасьева; лингвиста, историка и искусствоведа Ф. И. Буслаева; славяноведа и фольклориста А. Ф. Гильфердинга. Он называет исследования немецких языковедов Августа Шлейхера и Августа Фика, английского филолога Макса Мюллера, французского египтолога Гастона Масперо и многих других ученых.

— ...Но ни одного мнения, — страстно продолжает юный оппонент, — не позволил я почерпнуть, ни одного из их мнений, кроме главных, общепринятых. Мои же источники — это словари, всякая книга, в которой я находил хоть два-три пригодных мне слова.

— Признаюсь, молодой человек, вы начинаете меня интересовать, — слегка усмехнувшись, встает собеседник. — Но позвольте спросить вас, какое вы имеете право критиковать мнение М. Мюллера, Боппа, Тайлора? Ведь ни одного верного мнения у вас нет. И зачем вам, собственно, разбирать санскритские слова? Это похвально, молодой человек, но, поймите, смешно...

— Всеволод Федорович! Мне все равно, какой корень у слова *marā* или *mani*. Главное для меня, что с помощью этих слов я изучаю жизнь, понятия наших древних предков... Мне ни холодно, ни жарко от того, что Адам семитическое или арийское слово, но как в был Адам — вот что мне интересно!

— Теория нужна всюду, мой друг, теория...

— Я с вами согласен... но я начинающий... я начал изучение языков с пяти персидских слов, найденных мною в грамматике А. Х. Востокова, а теперь у меня одних санскритских слов пять тысяч! Я обратился к господину Ходжецу с просьбой наставить и научить меня, а вы упрекаете меня, как будто я претендую на одинаковую степень учености с вами...

— Вот вам совет, друг мой: бросьте все, возьмите латинскую и греческую грамматику, зубрите, зубрите и лишь тогда начинайте писать.

— Вы тысячу раз правы, Всеволод Федорович, я и сам давно знаю, что должен зубрить и зубрить, знаю, что должен поступить в университет, чтобы учиться... Но скажите, сочинение мое представляет ли хоть какой-то научный интерес?

— Ваше сочинение фантастично!

С тяжелым чувством покидает юноша В. Ф. Миллера. Слов нет, работа его очень спорна, многое в ней еще висит в воздухе, об этом говорил и Н. И. Стороженко. Нужно много работать, начинать сазов, ведь не изучивши старого, нельзя открыть нового... Все это так. Но говорить так резко! Стороженко не лингвист, а облакал, показал, что хорошо, что дурно...

Н. И. Стороженко, тайна обаяния личности которого — в его душевной чистоте и бесхитрости, в вере в лучшие стороны человека, успокаивая раздрадованного юношу, рассказывает ему о сложном пути ученого, полном ежечасных поисков и сомнений.

Ни с чем не сравнима поэзия научного исследования. И даже неудачи у настоящих ученых служат нередко толчком к новым поискам, новым теориям и открытиям! Ободренный словами Н. И. Стороженко, Шахматов вскоре снова отправляется к В. Ф. Миллеру.

В возникшей дискуссии о звуках гимназист излагает В. Ф. Миллеру собственную теорию.

— Но помилуйте, — обращается ученый к Шахматову, — вы выдаете эту теорию за ваше собственное мнение. Неужели вы настолько бесчестны, чтобы уверять меня и себя, что все это написали именно вы? Вы доказываете действительно научно, но точно так же, как уже доказал до вас недавно один господин.

— Кто?

— Фамилии его я не знаю, но в одном из берлинских журналов в марте этого года за анонимной подписью «N. B.» была опубликована выписка из «Варшавского дневника» — «Новые идеи в сфере фонетики». Эту статью о теории звуков сейчас считают замечательным явлением в науке...

В. Ф. Миллер читает статью. Шахматов поражен, он узнает не только свои мысли, он слышит такие знакомые строки. «Откуда все это?.. Как могло случиться?.. Ах, да, это же моя статья... но неужели это мог сделать отец Прогульбицкого? Как же доказать теперь мое авторство?..»

— Всеволод Федорович, — голос Алеша дрожит от волнения. — Неужто вы думаете, что меня воодушевляет фальшивое желание незаслуженной похвалы? Неужели обман может служить мне побудителем к преступному поступку, и притом к самому гнусному и бессмысленному?.. Неужели у меня такое низкое о вас, господах профессорах, мнение,

а ваши знания для меня кажутся такими ничтожными, что я осмелился бы представить вам чужие мнения под своим именем?

А. Шахматов обосновывает свою теорию звуков и при этом обнаруживает перед ученым широкую эрудицию, входящую далеко за пределы опубликованной кем-то за границей его статьи.

В Ф. Миллер задает вопрос юному собеседнику:

— Однако, признаюсь, вы гораздо более меня знаете насчет звуков и их природы, и я не могу экзаменовать и критиковать ваши мнения... Но скажите, как вы смотрите на самого себя? Полагаете ли вы себя гением, великим, безграничным, или же вы признаете себя равным со всеми прочими вас окружающими субъектами?

Шахматов задумывается. Невольно вспоминаются слова, которые так любит повторять теть: оценивая других, мы оцениваем прежде всего самого себя.

— Умы бывают разного качества: одни развиваются рано и рано теряют свой блеск, другие появляются поздно и поздно погибают. Но сущность почти всех умов одинакова, и я равен многим-многим другим...

— Но как же это объяснить? Вы, 15-летний мальчик, пишете и творите теории, при том почти всегда верные, по лингвистике, по самой трудной, запутанной и неразработанной науке, пишете и рассуждаете о том, о чем и наш профессорский ум не привык свободно изъясняться. Где это было видно прежде? Или вы читали какую-нибудь особенную книгу, о которой не ведают ученые мир, или вы имели опытного наставника в ваших трудах?

— Да, книг я читал много, — отвечает юноша, — но наставников у меня не было никогда.

В Ф. Миллер убеждает А. Шахматова непременно писать и при этом обещает активное содействие в публикации его сочинений. Гимназист поражен предложением еще так недавно сурового профессора. Но нет, он не может печатать незрелые работы! Впрочем, Миллер — опытный учитель и видит дальше... И все-таки нет, нет и нет — рано! Урок, преподанный ранее юному профессором, сделал молодого автора более осторожным, сдержанным в оценке своих находок, и Шахматов наотрез отказывается. Но радости нет границ! Как, в сущности, счастлив человек, когда у него есть занятие, данное ему, кажется, самой природой!

Лето 1879 г., по окончании 4-го класса, А. Шахматов проводит как обычно — в работе: изучает славянские языки, много и уже хорошо читает по-санскритски, знакомится с произведениями Нестора. В. Ф. Миллер советует ему предпринять тщательное изучение языка только что переизданного несторовского произведения «Житие Феодосия» и сравнить этот язык со старославянским — письменным литературным языком южных славян IX—XI вв., а также современными славянскими языками. Шахматов сразу же принимается за подготовку к изучению памятника письменности: усиленно штудирует греческую и латинскую фонетику. «Ах, как приятно иметь такую привязывающую, морально утешающую работу! Все забываешь! Забываешь о своем существовании о существовании мира, переносишься в отвлеченный мир, — делится он своими ощущениями осенью 1879 г. в письме домой. — Вот мои утешения, вот та духовная пища, которой должен питаться человек, чтобы забыть грустную действительность и заменить прошедшее и будущее некоторыми свободными минутами морального упоения...»

В конце сентября А. Шахматов, взяв с собой рекомендательное письмо от Н. И. Стороженко, отправляется на Мадую Никитскую улицу, к доктору сравнительного языковедения Московского университета Филиппу Федоровичу Фортунатову. От Миллера и Стороженко гимназист много слышал об этом ученом, крупном специалисте по фонетике и грамматике индоевропейского языка. Внешне сдержанный и молчаливый, Фортунатов в общении оказывается человеком очень простым, совершенно чуждым тщеславия, и впервые перешагнувшего порог его дома гимназиста встречает как человека давно и хорошо знакомого.

А. А. Шахматов в год окончания гимназии
(с фотографии 1883 г.)

Фортуноват Филипп Федорович
(1848—1914)

Одобрив совет Миллера, Ф. Ф. Fortunatov рекомендует гостю начать систематическое сравнение греческой фонетики не только с фонетикой старославянской и латинской, но, конечно, и санскритской. Сам ученый, обладая поразительной силой абстрактно-логическим мышлением, выработал безукоризненно точные, близкие к математическим, приемы сравнительного описания родственных языков, которыми, естественно, он сразу же хочет вооружить и своего нового ученика.

— Я буду очень рад видеть вас у себя на четвергах. Сделайте одолжение... — заканчивая встречу, с добродушной улыбкой приглашает гимназиста хозяин.

А. Шахматов рассказывал, что на домашних четвергах у Ф. Ф. Fortunatova, где собираются обычно его ученики или просто любители словесности, нередко научные споры угасают далеко за полночь. Пытливую молодежь, приезжающую для встреч и бесед со всемирно известным ученым даже из-за границы, привлекает абсолютный демократизм таких диспутов, где хозяин высказывает неподдельный интерес ко всем, независимо от степени их специальной подготовки, известности или возраста. Говорят даже, что ученый дает нередко строгий наказ кому-либо из своих постоянных гостей привести с собою новичка.

Встреча с Ф. Ф. Fortunatovым оказывает столь сильное воздействие на впечатлительную натуру Алеши, что для него окончательно меркнут все гимназические ученые авторитеты. Как-то, придя в гимназию необычно возбужденным, Шахматов сообщает близким товарищам о преобладающем у них русский язык молодом Александре Григорьевиче Преображенском, недавно издавшем книгу по грамматике:

— Представьте себе, он имел дерзость прислать свою «Грамматику» Fortunatovu!

В его восприятии этот авторский подарок молодого и тогда еще малоизвестного ученого оказался посягательством на достоинство и авторитет его великого учителя! А. Шахматов поймет свою ошибку несколько лет спустя, когда сумеет увидеть в А. Г. Преображенском талантливо-го лингвиста, чей «Этимологический словарь русского языка», вышедший в 1914 г., и поныне занимает в нашей науке достойное место.

Несколькими годами позже, вспоминая о первой встрече с гимназистом А. Шахматовым, Филипп Федорович расскажет о том, что был просо-таки поражен его познаниями. С доктором наук говорил не подающий лишь смутные надежды гимназист, а юноша, чьи знания в области лингвистики делают честь и совершенно зрелому человеку.

Уже через месяц А. Шахматов заканчивает выполнение рекомендаций Ф. Ф. Fortunatova сочинением по греческой фонетике и сразу же ирригируется за поиски текста «Жития Феодосия». Найдя его в книжном собрании Румянцева музея (теперь Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), он приступает к переписыванию памятника, так как нужна абсолютно точная его копия. Ведь даже несколько случайно допущенных описок, воспринятых при последующем анализе как ошибки автора сочинения или последующего переписчика, могут направить исследование языка по ложному пути. Дело в том, что, изучая языковую сторону памятников письменности, пытаясь выяснить, как они отражают живой язык своего времени, ученые порой строят свои теории на... ошибках, описках авторов этих памятников, так как они являются свидетелями того, как говорил автор.

А. Шахматов изучает не только печатное издание «Жития Феодосия», появившееся в России в 1879 г. Он решает сразу же предпринять сопоставление этого издания с рукописным оригиналом, чтобы избежать повторения допущенных при публикации памятника опечаток, если они есть.

Осторожно, сдерживая дыхание, чтобы как-нибудь не повредить полный священных тайн лист, пришедший из древнего мира, Шахматов берет в руки памятник. Кто создал его? Что это был за человек? Чей благородный труд через многие лета помог нам узнать жизнь, думы и чувства наших далеких предков? Мальчик пристально всматривает-

ся в каждый извоб старательно выведенных букв на пожелтевшем от времени листе... Каким важным делом тогда было представляться людям письмо в те далекие времена на границе двух начальных тысячелетий новой эры, чтобы без доли сожаления вкладывать огромный труд, время, терпение в создание пергамента — незаменимого в древности пишущего материала для книг, грамот, писем!

Буква за буквой, слово за словом герпеливо сверяет гимназист текст оригинала с копией...

Вскоре в ученых кругах начинают поговаривать о том, что издание «Жития Феодосия» 1879 г. имеет довольно много неточностей и что будто бы (в это трудно поверить) к такому выводу пришел какой-то мальчик... Все проясняется, когда в 1881 г. в берлинском журнале «Архив славянской филологии» семнадцатилетний гимназист А. Шахматов публикует свою первую научную работу «К критике древнерусских текстов (о языке «Жития Феодосия»)». Именно он сумел увидеть то, чего не дано было разглядеть в публикации памятника никому из маститых ученых. А. Шахматову удалось обнаружить более 600 случаев отступления от оригинала в печатной копии.

Издавая его первую статью, редактор журнала — всемирно известный профессор И. В. Ягич просит автора прислать для напечатания заканчиваемые им «Приложения к истории русского языка». А. Шахматов благодарит за лестное предложение, но обещает прислать статью лишь несколько месяцев спустя, так как хочет порыться в библиотеках и познакомиться со взглядами других исследователей на этот интересный предмет.

И. В. Ягич, хорват родом, крупный исследователь славянских языков и литератур, фольклора, мифологии, археологии, в течение ряда лет совмещал в Петербургском университете руководство кафедрой церковнославянского и русского языков. Питая надежду своей деятельностью пробыть в Западной Европе интерес к славянским языкам и народам. Он переезжает в Германию. Вскоре в письмах к своим русским друзьям он признается, что ошибся в мыслях об успехе этой просветительской миссии. «Здесь по славянской науке сочувствия пока что мало, — пишет он из Берлина в Одессу в апреле 1875 г. — Одна часть здешней публики (ученой, конечно, я другой не знаю) все еще удивляется, как можно писать или печатать что-нибудь серьезного или умного на русском языке. Другие же при всяком

удобном случае прибавляют es ist leider russisch (Это, к сожалению, по-русски), так что эти leider начали уже мне надоедать... моя мысль и желание приоткрыть здесь славянскую филологию оказывается пустою мечтою...»⁷. Однако в 1876 г. ученому все же удается начать издание в Берлине научного журнала, объединившего вокруг себя лучших славистов Европы. Этим журналом был «Архив славянской филологии». Благодаря деятельности «Архива» изучение славянства постепенно занимает прочное место в европейской науке, развеиваются предрассудки Западной Европы о якобы научной маловажности древней славянской письменности.

Совершенно очевидно, что не воля случая, а активные поиски самим юношей источников, способствующих научному росту, руководителей и наставников сближают А. Шахматова с известными учеными, которые обнаруживают в гимназисте незаурядную личность, отдающую науке всю поистине неукротимую страсть молодости. Они видят в нем своего младшего коллегу, сотрудника на научном поприще, способного выдвигать оригинальные гипотезы, а в знании первоисточников, особенно рукописных, могущего быть превосходным консультантом даже для некоторых профессоров. Интересно пишет в октябре 1881 г. об этом юноше и его письмах И. В. Ягич: «Я не видел еще порядочно изучить Ваше последнее письмо. Вы писали, что я говорю об и з у ч е н и и Ваших писем; они столь многосодержательны, что я очень дорожу ими и пишу их отдельно в ту книжку, где прячутся мои коллекции».

Летом 1882 г., по окончании 7-го класса гимназии, А. Шахматов систематизирует извлеченный за зиму из разных рукописей материал. Он принимается за составление свода звуковых особенностей гласных древнерусского языка, причем делает попытку дать объяснение отдельным языковым процессам.

Следует особо отметить, что звуковой строй древнерусского языка издавна привлекал внимание лингвистов, ибо он таил в себе много загадок, много тайн. Решение этих проблем давало возможность заглянуть в глубины не только языка древнерусского, но и других славянских и даже индоевропейских языков.

⁷ Государственный архив Одесской области, ф. 157, оп. 1, ст. арх. 131, л. 1—1 об. В дальнейшем ссылки на архивные материалы приводятся в тексте.

Чтобы представить в какой-то степени особенности звукового строя древнерусского языка, перевернем назад несколько страниц истории нашей отечественной лингвистики.

Первым ученым, которому удалось осуществить сравнительное описание славянских языков, был великий русский филолог Александр Христофорович Востоков, которого современники называли «отцом славянской филологии».

Этот ученый в 1820 г. опубликовал замечательное исследование «Рассуждение о славянском языке», в котором говорилось об общих и отличительных признаках славянских языков. Сопоставляя корни и грамматические формы живых славянских языков с фактами из старославянского языка, А. Х. Востоков сумел разгадать многие явления из жизни этих языков, и прежде всего природу особых букв, используемых в старославянских и древнерусских рукописях, так называемых «юсов». Мертвые, до сих пор молчавшие буквы славянских древностей «звучали». Стало ясно, что звуковой строй общеславянского языка подчинялся диктату важнейшего фонетического закона — закона открытого слога. В соответствии с ним слоги во всех словах должны были непременно оканчиваться гласным звуком, то есть строиться так, как современные *до-ро-га*, *по-ле*, *сла-ва-сло-во* и другие. Но как же соответствовали этому требованию, спросите вы, такие слова, как *дом*, *стол*, *нрав*, *путь*, *память* и под.? Оказывается, и в них слоги были в то далекое время открытыми. А достигалось это с помощью особых гласных звуков, получивших название «редуцированных» (от лат. *reducio* — «отведение», в данном случае — ослабление звучания), обозначавшихся в памятниках письменности буквами ѣ (ер) и ъ (ерь) А. Х. Востокову удалось блестяще доказать, что буквы эти действительно обозначали звуки, и притом гласные.

Во многих из дошедших до нас слов наблюдается чередование гласных звуков [o] и [e] с «нулем» звука: *сердечный* — *сердце*, *конец* — *конца*, *сон* — *сна*, *день* — *дня* и др. Кроме того, в словах неславянских индоевропейских языков, однокоренных со славянскими словами, отмечаются в соответствии с нашими ѣ и ъ различные гласные. Например: древнерусск. *пыль* — лат. *pulvis*, древнерусск. *дочь* — лат. *dux*, древнерусск. *сынъ* — лат. *sunus*.

На потных станах древних книг, предназначенных для

церковного хора, обнаруживаются написания одной и той же буквы несколько раз подряд: *кѣто*, *чьто* и др. Почему так происходит? Если бы ѣ и ъ были просто знаками, обозначающими твердость и мягкость предшествующего согласного, как в современном русском языке, они бы не повторялись. Дело в том, что ноты передают мелодию пения, а петь, то есть иметь вокальную долготу, могут лишь гласные звуки. Таким образом, все три факта убеждают нас в том, что ѣ и ъ обозначали особые гласные звуки. Но почему «особые»?

Судьба этих гласных звуков была сложной: в зависимости от обстоятельств они то «сгибались в перегиб», то обнаруживали свою независимость, впрочем, независимость мнимую, потому что сила их целиком зависела от окружения: в абсолютном конце слова ѣ и ъ всегда были «слабыми», то есть почти совсем не звучали, на их месте слышен был какой-то неопределенный гласный. В середине слова перед одним из редуцированных гласных звуков (все современные гласные), а также перед слогом с «сильными» ѣ или ъ силы, им тоже почти полностью изменяли. Сравните: *сѣто*, *кѣто*, *чѣто*, *снѣа*, *днѣю*, *овнѣа*, *жнѣвѣ*, *сѣрдѣце*, *конѣцъ* и под.⁴ Наоборот, находясь под ударением (в этой почти всегда абсолютно независимой позиции) или перед слогом со слабым редуцированным, ѣ и ъ приближались к произношению обыкновенных гласных [o] и [e]: *сѣтъ*, *днѣ*, *пнѣ* (сон, день, пень), *лѣкътъ*, *тѣмнѣю*, *тѣмнѣнъ* и др.

Справедливо говорят, что в языке отображается мудрость народа. Вероятно, поэтому он покоряет чувствительностью и логичностью, щедростью и бережливостью, поражает своей, если хотите, своеобразной находчивостью.

Описывая бытовавшие в общеславянском языке так называемые особые «носовые» гласные звуки, А. Х. Востоков приходит к выводу, что их появление также вызвано законом открытого слога и должно было избивать слова от конечных согласных закрытого слога. Говорящему на современном русском языке трудно предположить, что источник привычных для нас чередований в словах *снять* — *снимать*, *взять* — *взимать*, *принять* — *принятный* — *прия*

⁴ Слабые редуцированные подчеркнуты одной чертой, сильные — двумя.

тель — принимать, звук — зvon — звякнуть, пламя — пламени и др. являются именно носовые гласные звуки: [o] — носовой (обозначался этот звук специальной буквой ж — «юсом большим») и [e] — носовой (обозначался особой буквой а — «юсом малым»). В однокоренных словах неславянских языков находим много соответствий носовым в виде сочетаний различных гласных с носовыми согласными т и п:

Древнерусск. сѣма — лат. *sēmēn*; древнерусск. пать — лит. *penki*, венг. *péntek* (пятница), греч. *pente*; древнерусск. здрьбь — лит. *žambas*; древнерусск. гъсьбъ — нем. *Gans* и др. Легко заметить, что в неславянских словах слоги закрыты, в славянских же оканчиваются гласными (сѣ-ма, па-ть, зя-бъ, гъ-сьбъ): в древнейших славянских памятниках письменности букве а соответствовал, видимо, звук [e] или [i] с незначительным призвуком носового п или т, букве ж — звук [o] также с призвуком одного из этих согласных. В X в. в древнерусском языке носовые гласные утрачиваются, совпав в произношении с гласными [y] (ж → y) и [a] (а → [ʼa] после нетвердых согласных); в результате появляются современные чередования у || он, [ʼa] || ен, ин: звук — зvon — звякать, снимать — снѣть, пламя — пламени и под.

Подробно разобравшись в истории славянских гласных, А. Шахматов снова обращается к тщательному наблюдению над языком памятников. Ему удается обнаружить, что уже древнейшие произведения не отличались языковым единообразием. В них можно отметить черты не только общерусские, но и узкоместные, связанные с какой-то более или менее ограниченной территорией. Так, говоры Северо-Западной Руси уже в XIII — XIV вв. знали взаимную мену звуков [ц] и [ч]: немецкому (немецку), Романовичу (Романович) и др. На южной территории звук [ы] нередко мог заменяться звуком [и]: прикривают, рыба, ти и под. Так юный исследователь делает первый шаг на пути проникновения в фактически еще никем не изведенные тайны труднейшей языковедческой науки — исторической диалектологии, изучающей говоры отдаленных от нас эпох.

К этому времени относится знакомство гимназиста с доктором римской словесности, профессором Московского университета Федором Евгеньевичем Коршем. Посредничество в этом деле берет на себя Ф. Ф. Фортунатов. Он всегда держал того мнения, что молодежь не следует заковычивать в

цепи одного, пусть даже великого авторитета. Молодой ученый может и должен черпать знания и опыт из многих источников, чтобы потом суметь правильно оценить все и остаться на всю жизнь верным одному.

Ф. Е. Корш слыл в ученых кругах не только превосходным знатоком античной литературы. Его современников поражает свободное владение ученым всеми славянскими языками, английским, французским, немецким, датским, турецким, арабским, персидским, греческим, албанским, а также латинским, древнегреческим, древнееврейским, санскритом. Ф. Е. Корш к тому же был хорошим поэтом. Он писал стихи на русском, украинском, санскрите, греческом, латинском языках, занимался переводами русских поэтов на украинский, латинский, древнегреческий. Ученый проявлял большой интерес к древнерусской литературе, с увлечением изучал поэтику «Слова о полку Игореве».

Благодаря этому знакомству, аскетически строгие научные принципы Фортунатова органично соединяются в сознании гимназиста с поэзией научных идей Корша, одухотворенных его блестящим дарованием. Этот синтез впоследствии во многом обогатил творческий метод А. А. Шахматова, будет способствовать значительному расширению круга его научных интересов.

В начале нового учебного года Ф. Ф. Фортунатов советует А. Шахматову побывать на магистерском диспуте молодого талантливого ученого Алексея Ивановича Соболевского, прочувствовать, как высоки требования к соискателям ученых степеней и как вместе с тем прекрасен этот неповторимый акт рождения ученого.

... Держа в руках только что купленный номер «Московских ведомостей», Алеша спешит к новому зданию Московского университета, где сегодня, 13 сентября 1882 г., в

Корш Федор Евгеньевич
(1843—1915)

два часа пополудни, как сообщает газета, «имеет быть публичное заседание историко-филологического факультета, в коем кандидат Алексей Соболевский будет защищать диссертацию под заглавием: «Исследования в области русской грамматики», на степень магистра русской словесности».

...А Шахматов протискивается к свободному месту и, бросив рассеянный взгляд на одного из своих товарищей по гимназии, какой-то от всего отрешенный, сосредоточенный на чем-то своем, устраивается рядом с уже немолодым интеллигентного вида мужчиной. Оставшиеся до начала диспута минуты тянутся так медленно. Где же диспутант Соболевский? Какой он, счастливец? Ах, наверное, вот этот: изволован по-особенному, скован в движениях и что-то, читая, нервно перелистывает...

И вот обычно в часы ученых диспутов переполненная зала замирает. Шахматов совершенно отчетливо, как-то даже физически ощущает в эти мгновения прямой смысл много раз слышанного выражения «храм науки». И эти высокие своды залы, и таинственная тишина, словно перед свершением какого-то священного таинства, и само трепетное ожидание этого таинства... Когда же начинается диспут, изволованность выражения лица, улыбки, голоса А. И. Соболевского довершает это новое, необычное для юноши ощущение.

Официальные оппоненты — известные ученые Н. С. Тихонравов, Ф. Ф. Фортунатов, А. Л. Дювернуа академично, спокойно анализируют исследование соискателя, говорят о его незначительности для русской науки. Затем декан факультета профессор Н. Попов, как требует того установившаяся традиция, спрашивает, не желает ли возразить диспутанту кто-либо из присутствующих. В напряженную тишину ожидания врывается вдруг чей-то тихий мягкий голос:

— Позвольте мне!

В первых рядах негироллопов поднимается невысокий юноша в синем с серебряной каймой гимназическом мундире и, став рядом с А. И. Соболевским, начинает говорить. Голос его, кажется не созданный природой для ораторских речей, внутренняя сила, темперамент и убежденность молодости, логика мысли и совершенно необычная для этого возраста осведомленность в научных вопросах приводят слушателей в наступающий восторг. А. И. Соболевскому приходится, вопреки всем ожиданиям, с трудом отражать се-

рьзные удары этого, как сразу почувствовалось, опытного оппонента. Соискатель не всегда пытается решить поставленные им самим интересные научные вопросы, не всегда доискивается глубин в объяснении языковых фактов. Главный же недостаток исследования А. И. Соболевского юноша видит в том, что автором привлечено мало рукописных первоисточников. Диссертант слишком уж доверяет печатным изданиям, в которых, как известно, немало ошибок. Игнорировать же памятники, занимааясь языком древнеславянской эпохи, — это то же, что желать двигать вперед физику или химию, не делая при этом никаких опытов!

Что ж, защита как защита: с обычным для научного диспута столкновением мнений, критикой, добрыми пожеланиями. Талантливый молодой ученый А. И. Соболевский с полным правом становится магистром русской словесности.

Впечатление от выступления гимназиста выпускного класса так сильно, что громкое эхо этого тихого, мягкого голоса вскоре долетает даже до Петербурга, проникая в учебные аудитории университета и гимназий.

Этим гимназистом был Алексей Шахматов.

В напряженном труде быстро пролегают последние гимназические месяцы, и весной 1883 г. среди золотых памятных досок гимназии появляется еще одна: «Шахматов Алексей. С серебряной медалью». А. Сиротинин так описывает праздничную вечеринку по случаю окончания гимназии. ...В проходной комнате маленького деревянного домика — стол на пять приборов. На ослепительно белую скатерть сестра одного из теперь уже бывших гимназистов положила пучок белых ландышей. «И начался наш пир, точно изысканный пир древних греков, без взрыва откупоренных бутылок, без кутежей, без шумного гула песен, но с аттической солью бесед. Мы были из того поколения, которое умело есть черствые сухари за полнотухими сачоваром и буйство общих оргий заменять задумчивостью разговора. И что же из того, что, как пиво молодое, не бурлила в нас юность, что она не пенилась избытком сил, не плескалась через край? Все же это была самая настоящая юность».

К Шахматову неприменно представляло его окончание гимназии как о поре духовного созревания. Оно наступило у него много раньше и четко обозначило весь его жизненный путь.

Еще гимназистом 4-го класса, размышляя о том, чем он может ответить родственникам на их любовь, А. Шахматов написал им в письме совсем по-взрослому — решительно и мудро: «Не поцелуями же ... Учиением отвечу я: учением не грамматики, не алгебры, а всего этого вместе, которое поведет меня на Моховую — в Университет!»

И вот теперь, осенью 1883 г., его мечта сбывается. Став студентом историко-филологического факультета Московского университета, А. Шахматов получает возможность целенаправленно, систематически работать под руководством знаменитых ученых-филологов, которыми в тот период славилось на весь мир это учебное заведение.

Как не похожи друг на друга преподаватели, сколь различны их научные увлечения, и потому какое разнообразие мыслей, чувств, даже привычек передают они безвозмездно своим воспитанникам! А. Шахматов не впервые слушает Ф. Е. Корша, но здесь, в студенческой аудитории, доктор филологии преобразуется, предстает перед молодежью каким-то волшебником, владеющим беспредельными научными сокровищами. Сколько остроумия и грации в речах этого невысокого живого человека. Его можно слушать часами; кажется, что своей беседой он останавливает даже время.

Настоящим кумиром студентов был и профессор древнерусской литературы Н. С. Тихонравов. Слыша его необыкновенно яркое и сильное слово, молодежь вносит убеждение, что научная трудовая жизнь есть самое благородное употребление, какое человек может сделать из своего существования. Видишь его углубленным в старинные тома, вглядываешься в его освещенное мыслями лицо и просто не можешь не увлечься прелестью исследовательской работы, не проникнуться стремлением стать в будущем хоть в какой-то мере похожим на своего учителя.

Н. И. Стороженко, человек тонкой натуры, слагает перед студентами величественные гимны бессмертному Шекспиру, благодарству человеческой души. В нем самом прекрасно воплотились понятия о вере в лучшие стороны человека, об уважении к чужой личности. «Miseria, miserja» (ничтожно, незначительно). — любит повторять профессор, когда речь заходит о предосудительном поступке. Но к

вероломству, коварству он неизменно относится с какой-то физической безразличностью.

От лекций профессора Ф. Ф. Фортунатова на большинство студентов веет скукой, его рассказ — это множество предлинных периодов, в которых предложение нередко растягивается на целую страницу, то прерываясь огромной вводной фразой, то обрстая сложной системой придаточных предложений. Но самое трудное — это дебри бесчисленного множества индоевропейских звуков, звуковых соответствий, которые куда сложнее математики. К тому же непонятно, почему он назначает лекции обычно так поздно, когда уже почти весь университет замирает. Рассказывают, что в Кракове один из профессоров читал свои лекции в 6 часов утра и притом не в здании университета, а за две версты от города на вершине кургана. Когда же его спрашивали о причинах такого необычного расписания, профессор отвечал: «Мне нужны только избранные слушатели, те, которые для философии готовы пожертвовать утренним сном».

На лекциях Фортунатова, абсолютно лишенных даже незначительного элемента нарочитой развлекательности, представляющих сравнительное языковедение как науку, в те времена претендующую на установление абсолютно полной картины непротиворечивых фонетических закономерностей индоевропейского языка, проверяется истинная научная увлеченность студентов. Для Фортунатова нет никакой беды в том, если в аудитории не наберется и десятка слушателей: у истинной науки нет ничего общего с развлекательностью, а ученый — не зритель. И то, что в почти пустой аудитории сидят и благоговейно ловят каждое его слово студенты Шахматов, Поржезинский, Александровский, приносит ему полное удовлетворение.

Уже в начальный период изучения древних памятников письменности А. Шахматов убедился в необходимости тщательного разграничения фактов, обусловленных графической традицией, и тех, которые являются отражением определенных звуковых особенностей языка этого периода. Еще академик И. И. Срезневский подчеркивал, что, решая подобную задачу, нельзя обойтись без широкого привлечения свидетельств со в р е м е н н ы х говоров. Диалекты лишь неспециалисту кажутся хаотичным искажением норм международного языка. В действительности же все в них закономерно, научно объяснимо, так как представляет собою, как

правило, сохранение таких языковых явлений, которые в прошлом были достоянием международного языка, или возникли под влиянием аналогии, или же появились под воздействием на эти говоры соседних говоров. У А. Шахматова вырисовывается чрезвычайно привлекательная идея преемственности древнейшего и современного диалектного многообразия русского языка. Вот если бы раскрыть эту преемственность во всех ее деталях, показав развитие русских диалектов! Конечно, для этого слишком мало одной человеческой жизни... Начать следует, пожалуй, с выяснения истоков — описания древнейших говоров по письменным памятникам. С этой целью, спустя всего месяц после прихода в университет в качестве студента, А. Шахматов приступает к исследованию новгородских грамот XIII — XIV столетий в Архиве Министерства иностранных дел. Ему удается обнаружить немало случаев написания буквы *o* на месте ожидаемой *e* в позиции после исконно мягких шипящих [ч], [ш], [ж], а также в древности мягкого свистящего [ц] перед твердыми согласными: черныхъ, рубежомъ, новгородцовъ и др. Видимо, как представляется это Шахматову, буква *o* передает здесь новый для этой позиции звук [o], заменивший собою исконный, то есть существовавший с незапамятных времен, звук [e]. Позже процесс замены звука [e] звуком [o] несколько сузится в русском языке и охватит лишь слова, в которых [e] находится, во-первых, только под ударением и, во-вторых, теперь уже после любой мягкой согласной. Мы употребляем сейчас бесчисленное множество таких слов: *несёмъ* (из несемъ), *берётъ* (из беретъ), *вершкь* (из вершкь → вершек), *берёза* (из береза) и под. Конечно, наблюдательный читатель сразу же возразит, что в современном языке есть немало слов, для которых не характерен этот переход: *лес, снег, неделя, сосед* и пр. Что это — исключение? Нет, это подтверждение правила. Дело в том, что звук [e] в этих словах не исконен и в период перехода [e] в [o] он звучал иначе, напоминая дифтонг *üe*, а не звук [e] (обозначался он специально буквой *ь*, которая называлась «ять»). По этой причине он и не разделял судьбы совершенно не похожего в то время на него звука [e].

Но как же узнать, где был в прошлом *ь* и где его не было. Лингвистам удалось установить любопытное соответствие:

совр. укр. [i] ↔ совр. русск. [e]

древнерусск. [ъ]

Используя эту схему и зная два ее элемента, можно без труда отыскать неизвестный третий. Так, если, например, известно, что в древнерусских словах *мѣсто, шѣсть, бѣлини* был *ь*, а в современном русском ему соответствует *e*, то в украинском должно ожидать на их месте *i* (ср.: *місто, шість, білий*), и наоборот. Найдя в словаре украинского языка ряд слов с *i*, соответствующим русскому [e], — *сусід, неділя, хліб, сніг, ліс* и др. — получим все основания предполагать наличие в них для древнерусского периода дифтонга *üe*, а значит, и написания буквы *ь*.

Юный ученый обнаруживает умение использовать известный в науке принцип относительной хронологии. Следует сказать, что вообще в лингвистике почти невозможно указать точную дату начала или конца какого-либо языкового процесса: новые явления зарождаются исподволь, незаметно и эволюционируют довольно долго, и сложно сказать, где конец начала и где уже начало конца. Для лингвиста представляется ценным установить хотя бы очередность, последовательность зарождения и развития тех или других фактов языка относительно друг друга. Располагая данными о том, что [ъ] не переходил в [o], А. Шахматов делает логически безупречный вывод о периоде, в который звучания [ъ] и [e] совпали: это совпадение должно было произойти лишь после затухания процесса перехода [e] в [o], иначе новый [e] на месте [ъ] также переходил бы в [o]. Орфография новгородских грамот отчетливо указывает на хронологию перехода [e] в [o]: процесс этот протекал не ранее конца XIII в. Когда же должно было осуществиться совпадение в звучании [ъ] и [e]? Не ранее XIV в.

Одним из самых важных фонетических процессов древнерусского языка ученые справедливо считают процесс «падения» редуцированных гласных, то есть полное исчезновение слабых и усиление до гласных полного образования [o] и [e] сильных редуцированных. Используя материалы новгородских грамот, А. Шахматов пытается нарисовать картину протекания этого процесса. Ему удается установить, что «падение» осуществлялось на территории, где создавались эти грамоты, в XIII—XIV вв., то есть несколько позже, чем в южнорусских диалектах. Новгород-

ские грамоты отражают различные следствия процесса, предвещие древнерусский язык в целом к исключительно важным изменениям. Во-первых, падение «слабых» привело к отмиранию основного закона строения слога, и многие слоги стали теперь «закрытыми»: бѣ-чѣ-ка → бѣ-ч-ка, бѣ-ръ-вь-нѣ → брев-нѣ, съ-нѣ → сон и др. Во-вторых, в появившихся новых сочетаниях согласных происходят процессы взаимовлияния звуков друг на друга, стремление одного из них подчинить, уподобить себе другой. Как необычно выглядело раньше такое знакомое нам ныне слово *где*: къдѣ. После закономерной утраты слабого [ъ] рядом оказались два взрывных звука: [кд]. Далее сработал обычный для языков принцип экономии физических усилий: побеждает форма, более легкая по своему произношению. Группу «глухая + звонкая согласная» произнести, очевидно, труднее, чем сочетание двух разных звонких: в первом случае речевому аппарату приходится перестраиваться при произнесении этих неодинаковых по звонкости согласных. Проще сблизить эти звуки, сделав их, например, только звонкими. Так [к], потеряв глухое и приобретя звонкое качество, превратился в [г].

Заслугой студента А. Шахматова русская наука о языке считает не только блестящий лингвистический анализ новгородских материалов, но и первую публикацию найденных им в Архиве Министерства иностранных дел двадцати грамот. Более того, им предпринимается тщательное сличение с оригиналами всех хранящихся в архиве и изданных еще в 1813 г. грамот, и начинающему ученому удастся внести в эти публикации немало ценных уточнений, снабдить свои поправки палеографическим описанием и лингвистическими примечаниями.

Такой большой и ценный для науки труд не мог не прийти по душе И. В. Ягичу, и он ходатайствует перед руководством университета о премировании студента-первокурсника. В письме же к молодому автору ученый признается, что «гадательный экскурс» студента в историю звука [ъ] не приводит его в восторг из-за надуманности теории. «Вам, — пишет Ягич, — свойственно увлекаться, но мне не позволительно Вас в этом поддерживать. Не знаю, прочли ли это Ваше рассуждение Фортунатов и Корш, но хоть бы они и соглашались с Вашими искусственными построе-

ниями, я должен сказать, что не нахожу возможным в этом хвалить Ваше беспримерное усердие...»

А. Шахматов соглашается с упреком Ягича: определять не только языковые эпохи, но и отдельные факты языка на основе лишь данных, что извлекаются из письменных памятников, он и сам давно считает делом весьма ненадежным. Об этом он говорил и на диспуте А. И. Соболевского. Есть куда более верный, а может быть, даже и главный, думает Шахматов, источник реконструкции прошлых состояний языка. Это — живые, современные говоры, без них нельзя писать историю языка. И вот всю до последней копейки пожалованную ему университетом премию в 200 рублей студент тратит на поездку в далекую Олонецкую губернию, посвятив ей первые летние студенческие каникулы. Едет он туда не для отдыха под сенью карельского леса среди тысяч живописнейших озер. Влечет юношу иная романтика — изучение местных говоров, желание проверить свои выводы о судьбе в русском языке звуков [е] и [ъ].

Интересно в связи с этим письмо юного А. Шахматова учителю и наставнику Ф. Ф. Фортунатову, в котором говорится о взглядах молодого ученого, его принципах научной работы: «Вместо заграничной командировки, которая так необходима при занятиях другими предметами, командировка внутрь России при занятиях русским языком более чем желательна. Преподавание истории русского языка предполагает знакомство с историей русского народа, с нравственным и умственным состоянием его в прошедшем и настоящем. Здесь в постоянном общении с живой народной струей я запасусь той энергией, которая будет мне необходима, чтоб поднять тяжелое бремя профессуры, запасусь тем живым интересом к родному народу, который научит меня глубже и разностороннее проникнуть в его язык».

А. Шахматов начинает экспедицию из Петрозаводска, откуда вскоре направляется в северо-западную, а затем в западную часть губернии. Ему приходится преодолевать большие расстояния с немалыми трудностями то на лодках, то на попутных лошадях, а чаще — пешком, использовать любую, даже случайную встречу с местными жителями для проникновения в экзотику их спокойной, исполненной достоинства речи.

Кто хотя бы раз побывал в диалектологической экспедиции, «ходил за словом», кто почувствовал себя собирате-

лем драгоценных россыпей народного языка, тот, без сомнения, навсегда проникся любовью и почтением к языковедческой науке и к самому слову. Не случайно первым шагом на ученой стезе многих известных лингвистов стала именно такая экспедиция. Диалектолог (ученый, занимающийся изучением говоров, диалектов) должен не только хорошо понимать законы развития языков и диалектов, но только обладать обширными познаниями по истории края. Ему следует быть превосходным психологом и даже артистом, чтобы суметь в считанные секунды распознать характер, настроение собеседника, расположить его к себе, к непринужденному разговору, да к тому же разговору длительному, направляя его в нужное собирателю русло. Есть и еще одна, уже собственно лингвистическая трудность: в стремлении выяснить местное название того или иного предмета исследователь никогда не должен задавать прямого вопроса: «Как называется у вас белка?» или: «Какое слово вы говорите, когда называете петуха?» и т. д. Нужно уметь так построить беседу, чтобы из ваших уст не вышло ни одного названия, которым в говоре вы интересуетесь. Понятно, что научиться этому нелегко, и начинающие собиратели порой попадают в довольно смешные ситуации, спрашивая, например: «Как у вас называют курицу мужа?» Но и эти трудности еще не трудности. Попробуйте в разговоре с сельским жителем выяснить сотни особенностей лексики его родного говора, не дав ему при этом ни малейшей возможности распознать в вас лингвиста, основная цель которого — изучение речевых особенностей собеседника. Если не удалось вам остаться инкогнито — пиши пропало. Собеседник начнет сразу же старательно «окультуривать» свою речь, но, не владея свободно нормами литературного языка, изобретет столько новшества, что ни один ученый не разберется, куда же девался истинно русский язык.

Много трудностей у диалектолога. Но А. Шахматов, однако, справляется с ними успешно. Напряженная, едва ли не круглосуточная работа приводит его к открытию в Заонежье на территории Петрозаводского уезда двух резко отличных друг от друга говоров. Но поскольку корни их противоположенности, естественно, кроются прежде всего в истории края, в истоках и характере его заселения, А. Шахматов начинает изучать передвижение населения в этом крае. Для более углубленного анализа языка во время экспедиции студент проявляет особый интерес к фольклору

и этнографии края. Впрочем, диалектолог всегда выступает одновременно и этнографом, и фольклористом.

Если вы помните хотя бы несколько из тех сказок, что рассказывали или читали вам в детстве, то признайтесь, наверное: они обладали для вас какой-то притягательной волшебной силой. Сказки открывали перед вами богатый, удивительный мир ярких чувств, он будил вашу фантазию, лишал покоя и сна. Тогда вы еще не могли знать, что силу этим сказкам придает коллективное творчество народа, его чувства, его язык и психология, идеалы и мечты. Произведения русского народного творчества, писал В. Г. Белинский, «проникнуты богатством фантазии, силой выражения, бесконечностью чувства, то бешено веселого, размашистого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого, могучего, которому тесно и на улице и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля...»⁹. Сказки эти собирают и обрабатывают для нас ученые — фольклористы и диалектологи, о которых мы порой так мало знаем.

Для А. Шахматова сказки особенно интересны, ввиду того что язык их чрезвычайно близок к повседневному, разговорному. Поэтому, записывая их, собиратель стремится с максимальной тщательностью передать все особенности местного говора. В его собрании оказываются волшебные сказки и сказки-легенды, сатирические сказки о понах и барах и те, что созданы по мотивам былин и исторических песен. А. Шахматов собрал 71 сказку.

Но фольклор — это не только сказки. Душа народа в меньшей степени выражается в былинах, в песне. Любовной ли, свадебной ли. В процессе записи свадебных причитаний А. Шахматову приходится детально разбираться в последовательности, предназначении и этнографическом содержании многочисленных моментов свадебного обряда. Собранные студентом записи, а их около 50, отображают створ, зарученье, обряд прощания невесты с «волей» или красотой, поездку невесты в гости к родным для приглашения на свадьбу, буженье родителей в день свадьбы, приезд жениха перед венцом и др.

И сказки, и этнографические материалы, собранные А. Шахматовым, получили в науке очень высокую оценку. Более того, его записи сказок признаны лучшими в русской

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5, с. 135.

фольклористике. Сам же собирает, передавая впоследствии свои записи известному фольклористу Н. Е. Ощуккову, сетовал на то, что им «фонетические особенности говоров не выдержаны во всей их последовательности».

Для истории русского фольклора не менее важно еще одно достижение студента А. Шахматова. Ему удалось обнаружить в народной среде превосходных, интересных сказителей и сказочниц, среди которых особенно выделялась пожилая крестьянка С. Ю. Тараева. От нее юноша записал немало истинно талантливых творений народа. Можно думать, что у А. Шахматова завязались с нею добрые отношения, иначе старушка вряд ли попросила бы его написать под ее диктовку письмо сыну. А случилось именно так. И любопытно, что до нас дошел текст этого письма... в диалектной фонетической транскрипции: «Сыну моему любезному Олексию Яковлевицу от матушки Степаниды Юлиновны отсылаю родительское благословение и прощение по гроб моей жизни и низко кланюсь сыну моему любящему Олексию Яковлевицу поклон. И я прошу тебя сын мой любезный пришла ль у тебя жена туда три недели времени как послана а ведомо пет никакого. Как теби и не совестно, живешь семнадцать недель а слыху нет соды... Ну ещё напишите мне гди Харитон: ушоу ли ён домой али нет. Ежели не ушоу то пишите сюдыкова, а ежели ушоу то пушай и то уведо мя...»

Видимо, оставаясь верным своим исследовательским целям, А. Шахматов использует возможность получить надежный фонетический «слепок» с местного говора в этой спокойной, неприужденной обстановке доверительной беседы.

Для того чтобы глубже осмыслить особенности олонечких говоров, Шахматов принимает решение провести детальное сопоставление их с другими русскими говорами по имеющимся в научной литературе описаниям. Однако его постигает глубокое разочарование. Накопленные русской наукой сведения о говорах так отрывочны и разрозненны, что составить сколько-нибудь удовлетворительное представление о наших диалектах попросту невозможно.

В это время западноевропейские ученые, подхватив глубокую идею академика И. И. Срезневского о том, что говоры переходят друг в друга постепенно и потому между ними нет четких, рельефных границ, уже успели собрать богатейший материал, разослав в тысячи селений специальные

анкеты с вопросами об особенностях местных говоров. Воплощение идей русского ученого создало даже новую науку — лингвистическую географию. В Германии, Франции и Италии появились первые лингвистические атласы.

А. Шахматов мечтает оживить в России работу по изучению говоров, приобрести к ней десятки тысяч людей в разных уголках страны, где работает славный русский труженик — сельский учитель, не безучастный и к славе родного слова, и к его нуждам. Уж он-то непременно откликнется на призыв науки... Нужно только составить специальную программу, пользуясь которой как вопросником люди могли бы собирать и присылать нужные для науки материалы. Наличие одной и той же программы у жителей разных территорий даст возможность получать ответы на одни и те же вопросы и составить ясное представление о характере того или иного явления на всей территории России. Например, на вопрос программы «Как у вас произносят слова *слязъ, селъ, теплô, несуйъ*» последуют с разных территорий неодинаковые ответы. Из говоров А, В сообщат: *слязъ, слялô, тялô, нясуйъ*, в говорах С, D, F произносят эти слова иначе: *слязъ, силô, тилô, нисуйъ*. Носители говоров H, L, M укажут на произношение: *слязъ, слялô, тялô, нясуйъ* и т.д. На долю диалектолога останется сведение этих материалов воедино и отыскание закономерностей произношения слов на различных территориях страны. Диалектологические программы, о которых думал юный Шахматов, ныне созданы, они включают обычно многие сотни разнообразных частных вопросов. В настоящее время наша наука располагает большим числом различных программ для выяснения особенностей местных говоров — дело это для нас стало обычным. Но именно А. Шахматову-студенту принадлежит честь первым в русской науке о диалектах составить и разослать на места такую программу. Благодаря этому у студента Шахматова накапливается вскоре богатый личный фонд диалектных явлений. Соединив его с почерпнутыми из рукописей лексическими материалами, извлечениями из древних словарей и исторических сочинений, можно было бы создать Исторический словарь русского языка — словарь языка, отражающий, как зеркало, любое, даже едва уловимое дыхание истории народа.

Размышляя о работе над Историческим словарем, А. Шахматов предлагает и И. В. Ягичу включиться в эту работу. Но переехавший в 1886 г. в Вену ученый, поздрав-

А. А. Шахматов студент университета
(с фотографии 1887 г.)

ля студента с его решением, «делающим честь всему молодому поколению русских филологов», с горечью пишет о том, что его крылья подрезаны: «Вы в Москве на богатом источнике, я же здесь в городе, похожем на прекрасную грешницу, чуждающемся всего славянского, даже весьма серьезного».

Еще ранее И. В. Ягич настойчиво советовал А. Шахматову приняться за изучение сербского языка и предлагал свою помощь в этом. Дело в том, что ударение сербскохорватского языка не претерпело значительных изменений со времени общеславянского языкового единства и потому

позволяет с большой надежностью воссоздать особенности общеславянского ударения и ряда других обусловленных им фонетических процессов славянской древности.

Исходя из общего интереса к познанию еще одного языка и этой конкретной цели — исследования древнейшего характера ударения у славян, молодой ученый усердно принимается за изучение сербского языка, и в особенности его фонетики и ударения. Более того, эту проблему он пытается решать уже в своем выпускном кандидатском сочинении, и, надо сказать, сделать ему удается немало. Весной 1887 г. Совет Московского университета, отмечая блестящие способности А. Шахматова и ценность его научного исследования, не только присваивает ему звание кандидата, но и выносит постановление оставить выдающегося выпускника при университете для приготовления к профессорскому званию.

...Угадают последние звуки вечного гимна студентов, замолкают прощальные пожелания добрых друзей — и каждый остается наедине с собой. Какую дорогу он выберет сам? Куда поведет его жизнь?

Многое из сделанного в студенческие годы теперь еще болевая кажется А. А. Шахматову незавершенным, несновагелным, противоречивым. Все это, пожалуй, лишь первая буква в алфавите, все больше вопросы, проблемы, несть числа вопросам, а ответов пока что так мало... Значительного времени требует от ученого подготовка к магистерским экзаменам по языкам, историл русской литературы. К тому же, никак нельзя пропустить ни одной лекции из спецкурса Н. Ф. Фортунатова по сравнительному языкознанию, готскому и литовскому языкам: трудно, право, отыскать что-то более интересное.

Одновременно А. А. Шахматов не забывает и о начатой на последнем курсе работе над историей славянского ударения. Во время поездки в Петербург в 1888 г. он досконально изучает в Публичной библиотеке сербскохорватские словари. В Типографской библиотеке в Москве ученый осуществляет тщательный анализ особенностей ударения в рукописных материалах хорватского ученого XVII в. Юрия Крижанича, который много работал над упорядочением славянского правописания. Во время своего пребывания в России этот ученый мечтал «исправить» русский язык так, чтобы он мог стать о бщ и м для всех славян, стремился упорядочить русское правописание, при этом предлагая свой проект «разумным и русскую речь хорошо знающим людям на суд». В труде «Обяснение изводно о писме словенском» Крижанич делает попытку звукового анализа славянской азбуки, сопровождая его целым рядом остроумных замечаний. «Он одним из первых выступил против засилия в русском языке слов греческого и польского происхождения, ратовал за изъятие их из языка. Современным школьникам, конечно, и невдомек, что одним из первых, кто настаивал на изъятии лишних букв в старом русском алфавите, замене сложных названий букв односложными, чтобы значительно облегчить обучение детей чтению (как это и принято у нас сейчас), был Юрий Крижанич. Идеи о необходимости упрощения русской графики и орфографии, о сдержанности в использовании иностранных слов очень волновали впоследствии русское общество.

По инициативе и при наиболее активном участии А. А. Шахматова из молодых московских ученых создается научный кружок, ставящий своей целью изучение и изда-

ние сочинений Ю. Крижанича. Шахматов берет на себя исследование особенностей ударения в его рукописях. В письме к Ф. Ф. Фортунатову молодой ученый сетует, что это приятное занятие омрачается мыслью о предстоящем вскоре магистерском экзамене по истории русской литературы, которая, как он пишет, «кажется в особенно непривлекательном виде, когда занимаешься такими интересными вопросами, как вопросы об истории ударений». Ученючка едва ли не всеобщей со школьной скамьи любимицей, какой предстает обычно перед молодежью литература, тем паче богатейшая русская литература, Шахматов без раздумий предпочитает занятие языком. Впрочем, на пути познания человеком окружающего мира не может быть наук неинтересных: каждой из них предписано притянуть завесу над какими-то дотоле неизвестными сторонами жизни природы, общества, вооружить человека знанием прошлого и способностью предвидеть будущее. Любая наука обладает притягательной силой и поэтическим очарованием уже потому, что в самом процессе познания нового заключается ощущение счастья. «Нет силы более творческой, — говорил А. М. Горький, — чем тоска по истине. И в этой неукротимой, ненасытной тоске скрыта трагическая эстетика науки»¹⁰. И даже тогда, когда, как кажется, объект изучения очень далек от повседневных человеческих нужд, спешить с выводами опрометчиво. Нередко сегодняшняя «периферия» научных интересов общества завтра становится крайне ценным, просто необходимым для него научным материалом.

А. А. Шахматов и не предполагал, когда читал Фортунатову о том, что жалеет терять время на занятия литературой, что всего через полтора-два месяца о своем безразличии к истории русской литературы будет вспоминать как о досадном, непростительном заблуждении. Ученик знаменитого академика Ф. И. Буслаева профессор Н. С. Тихонравов, владеющий драгоценным умением заинтересовать, заставить активно мыслить, поработать обо всем собственное мнение, не раз отдаст беседам с А. А. Шахматовым долгие часы дорогого для каждого ученого времени. Но, конечно, и само чтение древнерусской литературы с ее художественной оригинальностью и идейным богатством, симпатией к простому человеку способствует формированию у

Шахматова представления об истории литературы как истории духовного творчества народа, воплощенной в письменных памятниках, и изучение художественного произведения мыслится им теперь в неразрывном единстве литературной и языковой сторон. Для правильного осмысления литературного произведения нужна предварительная работа по восстановлению первоначального текста, определению различных вариантов, или редакций памятника письменности. Этот путь и избирает в своих исследованиях древнерусской литературы А. А. Шахматов.

По традиции, с успешной сдачей магистерских экзаменов соискателю профессорского звания поручается чтение двух пробных лекций на историко-филологическом факультете университета. Ученый, не задумываясь, избирает темой первой лекции анализ состава «Повести временных лет»: даже накануне магистерских экзаменов Шахматов не оставил увлеченной работы над русскими летописями, и прежде всего над «Повестью».

Со скупых древних строк повеяло на его увлекающуюся натуру страстями человеческих судеб, человеколюбие и жестокость, преданность и предательство далеких пращуров взволновали молодого ученого не меньше, чем боли и радости нынешнего дня. Но над всеми героями литературной русской истории возвысилась исполинская фигура Нестора-летописца, с именем которого неразрывно связалась для Шахматова история древнейшего русского летописания.

Молодой лектор читает свою первую лекцию увлеченно, как читает обычно Н. С. Тихонравов, обнаруживая выработанное в себе умение связывать научные факты в стройную, логичную систему, хорошо аргументируя их. В какой-то момент вдруг кажется, что лектор сам мучительно ищет и не может найти ответа на свой вопрос, и так хочется помочь, задуматься вместе с ним... И только присутствующие в зале Фортунатов и Тихонравов хорошо знают, что лектор, глубоко вникая в материал, обдумал все его тонкости. Еще какое-то мгновение — и появляющаяся на его лице улыбка и то приподнятое настроение, которое всегда овладевает тем, кто сделал хотя бы маленькое для себя открытие, успокаивают студентов: решение найдено, оригинальное и простое. Лекция кажется небольшим представлением, а лектор скорее актером, властно увлекающим слушателя в свою игру — раздумье. Н. С. Тихонравов не раз подчер-

¹⁰ См.: Вестник знания, 1928, № 5, с. 260.

кивал, что слушателя приносит не меньше удовлетворения от него и к своему предмету, чем сам предмет.

Успех пробных лекций окончательно определяет решение Московского университета с осени 1890 г. оставить А. А. Шахматова в должности приват-доцента¹¹ и предложить ему курс лекций по русскому языку.

Разрабатывая этот курс, ученый глубоко осмысливает вклад в науку выдающихся ученых России: А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаява, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова и других. Он стремится раскрыть перед студентами глубокую преемственность идей русской лингвистической науки.

Особо емкие и теплые слова ученый прибегает для характеристики вклада в науку своего учителя Ф. Ф. Фортунатова. Говоря студентам о влиянии идей Фортунатова на его собственное научное развитие, А. А. Шахматов предельно скромно замечает:

— Я настолько сильно связан со своим учителем и так много воспринял от него благодатных научных идей, что не могу сказать наверняка, где начинается мое собственное. В сущности в исследованиях своих я никогда не был самостоятельным...

Это, конечно, явное преуменьшение молодым ученым своих заслуг в тот момент, когда сами его учителя уже отмечают несомненную глубину и индивидуальность таланта ученика.

Но недолго радует А. А. Шахматова приобщение к кругу университетских преподавателей. Встречи с благодарным студенчеством рождают ощущение счастья, важности предназначения, но встречи эти пока так редки. Гаснет за дверью учебной аудитории всплеск послелекционного шума, и молодому лектору ничего не остается, кроме как ощутить гнетущую тоску невыносимого одиночества, тяжесть безденежья, почувствовать остро обжигающее прикосновение вадменной кости и воинствующей амбиции — этих спутников скудной интеллигентности и недостаточно развитого интеллекта.

Десятью годами раньше известный лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртене, характеризуя атмосферу русской науки, с горечью писал: «В русской научной лите-

¹¹ *Приват-доцент* — в дореволюционной России ученое звание младшего преподавателя высшей школы.

ратуре, и прежде всего в области наук исторических, филологических и лингвистических, завелась особая порода бравых молодцов, обладающих только храбростью и готовностью говорить и писать о том, чего не знаешь и не понимаешь. Шарлатанство и недобросовестность, при полном незнании элементов науки, — вот качества, характеризующие эту породу...»

Радужным мечтам студенческих лет о бурной, необозримо широкой научной деятельности теперь становится совсем тесно среди мучительных размышлений о хлебе насущном: жалование в 160 рублей в год, выдаваемое к тому же не очень аккуратно, не обеспечит существования даже ребенка. Материальная необеспеченность приват-доцента принуждала А. А. Шахматова покинуть университет и Москву еще в сентябре 1890 г., но его удержали, помогли получить дополнительные уроки сразу в двух гимназиях, и хотя материальное положение благодаря этому несколько поправилось, отчаяние не только не прошло, а, напротив, усилилось: рождались научные идеи, захватывали без остатка, а времени для их осуществления почти не оставалось.

С потерей Ф. Е. Корша, летом 1890 г. переехавшего с семьей в Одессу, заметно слабеет привязанность Шахматова к Московскому университету. Окончательно довершает душевный кризис молодого ученого созревший в нем вывод о «полном падении университетов», о вопиющем несоответствии между их высокими целями и уровнем преподавания в них. Филологическое образование сосредоточилось фактически в руках заолонивших университеты приват-доцентов, среди которых очень мало истинных людей науки; им поручаются обязательные для студентов лекционные курсы, хотя большинство не имеет даже первой ученой степени — степени магистра. Лекции по римской словесности, например, читаются учителями гимназий, которых хороший директор не допускает к преподаванию латинского языка выше 6-го класса...

Сковываемый гнетом тяжелого настроения, впечатлительный Шахматов собирает все свои душевные силы, чтобы завершить серьезный лекционный курс, и ему едва это удается. Вконец расстроенный, он пишет на исходе сентября Ф. Е. Коршу: «Отсутствие вокруг живого интереса, сознание, что его не возбудить — это убийственно влияет на начинающих преподавателей, — я говорю не столько

о слушателях, которых я и не знаю еще близко, а так вообще о всей окружающей среде, исключая, конечно, Фортунатова. Он один мешает мне расстаться с Университетом» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 363, л. 5). Эта возникшая на общественной почве личная душевная драма молодого ученого вынуждает его порвать с университетом и покинуть Москву. Теперь ему так легко кончать В. В. Радлова, который, защитив в 23 года докторскую диссертацию, не захотел остаться в Петербурге, в Азиатском музее Академии наук, а уехал в далекий Барнаул и занял там место простого школьного учителя. За десять лет, в период летнего отпуска, В. В. Радлов извездил весь Алтай и киргизские степи, благодаря чему приобрел блестящее знание тюркских языков, познакомился с местным фольклором и бытом и составил первый в науке «Опыт словаря тюркских наречий», заложив этим прочное основание изучению в России истории и жизни тюркских народов.

В декабре 1890 г. А. А. Шахматов сообщает И. В. Ягичу о принятом им окончательном решении: «Я... не буду читать в Университете, пока не приобрету ученых степеней магистра и доктора — это искусу, которому должен был бы подвергаться всякий, желающий удостоиться высокой чести (теперь стóящей дешево и низко!) читать в университете».

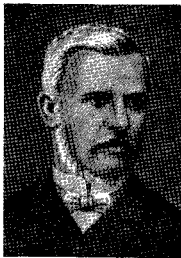
Если двенадцатилетним ребенком Алеша с болью думал о том, что ему пока не удалось сделать чего-то большого, то можно догадаться, как тяжело было Алексею Александровичу теперь, спустя 14 лет, даже представить, что он может остаться не у дел. «Я не могу остаться без живой деятельности, без служения своему отечеству и государству, — пишет он И. В. Ягичу. — Мне уже 26 лет, а я до сих пор лишен возможности воплотить в своей деятельности, в своих трудах назревшее во мне с годами чувство привязанности к своему народу, к своему государству...»

В соответствии с указом правительства с лета 1891 г. в русской деревне с целью водворить и охранить порядок в сельской жизни, с целью якобы борьбы с пороками темного крестьянства вводится особая должность земского начальника. По замыслу законодателей земский начальник должен стать ближайшим советником населения, пещью о его нуждах, таким образом в значительной мере сняв бремя ответственности с плеч правительства. А. А. Шахматов увлекает эта идея. Он живо представляет себя среди

крестьян родного Саратовского края в роли своеобразного опекуна.

Заботливый И. В. Ягич еще в феврале 1890 г. звал Шахматова за границу, в Белград, где его труды знают и ценят. Но ученый ответил отказом: быть может, такая поездка и необходима при занятиях другими предметами, но тому, кто занимается русским языком, более чем желательно ехать в глубь России, а не в Белград, Париж или Берлин. Преподавание истории языка предполагает знание истории народа, его нравственного и умственного состояния, и только там, в глухой русской деревне, считает А. А. Шахматов, в постоянном столкновении с живой народной струей, можно запастись тем глубоким интересом к родному народу, без которого не может быть и разностороннего знатока языка. И не в Белград — саратовскую деревню должен лежать его путь!

Никак не мог понять этого И. В. Ягич, а еще более не мог смириться с мыслью, что русская наука теряет молодой великий талант. Он все еще надеется отгнать эту беду. «Грустно повеяло на меня от Вашего письма, — пишет он А. А. Шахматову. — Не верится глазам, что они верно читают! Не может быть, чтобы Вы бросили то, для чего бог наделил Вас такими редкими преимуществами: талантом, даровитости и усердием! Как могла прийти в голову такая ужасная мысль, просто не понимаю. Значит, у Вас нет из министерства никакого пособия? Но если нет в данную минуту, так можно попытаться, чтобы оно было. Я уже написал об этом Бычкову¹², напишу же завтра министру,

Ягич Ватрослав (Игнати Виктевич)
(1838—1923)

¹² Бычков Афанасий Федорович — русский археолог, академик Петербургской АН, с 1891 г. Председатель Археологической комиссии, с 1893 г. — Председатель Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) АН.

скажу, что считаю просто преступлением допустить до того, чтобы Вы покинули университетскую карьеру... Не покидайте только поста преждевременно, вооружитесь терпением и надейтесь на поддержку со стороны всех, желающих добра Московскому университету.

Будьте уверены, что я не усложоюсь, пока не удастся мне спасти Вас для нашей науки и Московского университета».

Несмотря на это, в начале января 1891 г., с грустью покинув любимую Москву, друзей, с болью расставшись с Ф. Ф. Фортунатовым, Шахматов уезжает в Саратов, чтобы начать подготовку к новой должности. В дороге ему не дает покоя мысль, что его последняя встреча с дорогим учителем оказалась не такой, как хотелось сердцу. Прощаясь, говорили о многом, но все время кажется, что что-то очень важное, быть может, самое важное так и осталось недоказанным.

Под мерный стук колес набирающего скорость поезда складываются в строки первые слова письма. За окном проплывают русские пейзажи, мчатся быстро, как сама жизнь, воспоминания о прожитых годах и самые яркие из них связываются с именем Ф. Ф. Фортунатова.

«Вы вспомните, Филипп Федорович, то время, когда я явился к Вам гимназистом; для меня это время имеет двойное значение: с одной стороны, оно было началом моей ученой деятельности, с другой — во мне зародилось тогда чувство привязанности, любви, уважения к Вам, чувство, которое все росло с годами, в особенности в связи с тем, что я все более и более сознавал, за что я Вас люблю и что Вы для меня сделали. Одно слово такого человека, как Вы, значит для меня очень и очень много... Чувство любви и уважения к Вам — вот что постоянно сопровождало мои занятия наукой, постоянно оживляло их. Вы для меня не только руководитель и учитель: Вы воплощаете в себе эту самую науку, около которой сосредоточились все мои интересы и симпатии».

А. А. Шахматов получает официальное предложение, сделанное после настоящих хлопот И. В. Ягича, вернуться в университет и продолжить занятия со студентами и научную работу. Но в ответ идет письмо с отказом.

Прибыв в знакомую с детства губернскую столицу, Шахматов вскоре избирается в Саратовское уездное земское соб-

рание в качестве земского начальника деревни Губаревка Вязовской волости. Ему хочется поскорее изучить право, судопроизводство, вынужден в состоянии местного просвещения и сельского хозяйства.

Жизнь окрасила и без того печальную картину саратовской деревни в темные, безрадостные тона. Просвещение в губернии почти отсутствует: из 36 процентов населения, по возрасту подлежащего обучению, учится лишь 4 процента. Исключительно велика здесь детская смертность: на каждую тысячу рождающихся в губернии ежегодно приходится 800 умирающих детей, 330 из них не доживают и до года.

Летом по всей губернии, как траву, косит людей холера, выбрав себе в верные союзники засуху, пожары, урожай. Собранный крестьянами в 1891 г. урожай оказывается вдвое меньше обычного для этих мест урожая 1887 г. и значительно беднее урожая голодного 1890 года. Свиристующая в 1892 г. в России холера уносит только до 1 августа по стране около 72 000 человеческих жизней, в их числе только по Саратовской губернии около 2900 душ. Не понимая, в чем причина распространения жестокой болезни, не сознавая, какие неимоверные усилия прилагают к борьбе с нею, нередко жертвуя собой, врачи, невежественные люди, поддавшись панике, в порыве отчаяния грабят имущество докторов, убивают ухаживающих за больными людей, вступлении вытаскивают из больниц заболевших холерой родственников, разбивают гробы умерших, поджигают холерные больницы... Во всех концах губернии польхают злоеязычные языки пожаров.

Земский начальник напряженно размышляет о путях, которые бы могли привести саратовского крестьянина к благополучию. Ни одна изученная им книга по юриспруденции не дает совета, как не дают его ни многочисленные книги по сельскому хозяйству, ни умеротворяющие крестьянина статьи «Саратовских губернских ведомостей». Стремясь умерить чрезмерный оптимизм земских начальников, газета, однако, предостерегает их от чересчур преувеличенных расчетов и ожиданий: в рух земских начальников никто не может дать средств для оказания непосредственной помощи бедствующим.

И. В. Ягич выполнил обещанное, и письмо его, взволнованное и настоятельное, действительно возымело благоприятное действие. Попечитель Московского учебного

округа в своем письме в Губаревку вновь просит А. А. Шахматова вернуться в университет, предлагая ему ежегодное вознаграждение теперь уже не в 160, а в 2000 рублей, но ничто не может заставить земского начальника изменить свое решение. В письме к Ф. Ф. Фортунатову он дал обещание непременно написать и защитить магистерскую диссертацию, но сейчас он не может отказаться от того, что так увлекло его. В относящихся к этому периоду письмах Шахматова не отыскать даже слова сомнения в целесообразности поездки в деревню. Он привязался к мужикам, полюбил их скрытую за внешней грубостью первозданную простоту и искреннюю доброту: «И до сих пор не могу настоящим образом раскяться: я так привязался к крестьянам, так их полюбил, что тяжело будет с ними расстаться», — пишет он в одном из писем, принимая твердое решение прослужить в земских начальниках все определенные ему должностью три года. И все-таки в этой близкой сердцу стихии Шахматову недостает постоянного общения с людьми науки. Ему порой кажется, что там, в далеких Москве и Петербурге, его начинают забывать даже друзья. Но Ф. Ф. Фортунатов в одном из декабрьских писем 1892 г. пытается рассеять мрачное настроение молодого друга: «Как Вам не стыдно думать, будто я забываю Вас! Редкий день проходит без того, чтобы я не вспомнил Вас и не почувствовал бы потребности обменяться с Вами то теми, то другими мыслями...» Шахматов приглашает учителя к себе в гости, но здоровье Фортунатова не позволяет им встретиться.

В 1891 г. в Губаревку у Шахматова гостит молодой норвежский ученый Олаф Брок, превосходный знаток славянских языков. Впоследствии, вспоминая об этой встрече, Брок напишет: «Считаю проведенное у Вас время одной из счастливейших и интереснейших частей своей жизни». Летом 1893 г. к Шахматову приезжает известный ученый, магистр русского языка и словесности Казанского университета Е. Ф. Будде.

...Далеко за полночь. Как всегда утомленный разборами крестьянских дел, Алексей Александрович — в постели. В руках у него большая толстая книга. Это — летопись. Увлеченный ее изучением, Шахматов не замечает тихо входящего в комнату Будде:

— Алексей Александрович! Вы, я вижу, совсем не берете себя: так устаете за день и ночью как следует не отдыхаете.

— Знаете ли, Евгений Федорович, для меня нет ничего интереснее летописи, и, признаюсь Вам, именно за этим ее я по-настоящему отдыхаю.

Между учеными в который раз начинается долгий страстный разговор о науке. Оба молодцы, обоим в России считают знатоками русских диалектов. В беседе с Шахматовым магистр Будде проверяет весомость своих гипотез о происхождении и истории рязанских говоров, Шахматову же хочется поделиться выводами об истории звуков [o] и [e] в русском языке, ставшей темой его магистерской диссертации. Несмотря на огромную занятость земскими делами, он все же нашел в себе силы начать в 1892 г. в Губаревке работу над ней, и уже теперь, год спустя, фактически завершить ее. Без сомнения, написать диссертационное исследование в столь короткий срок ученый смог и потому, что прошел превосходную школу своих великих учителей, прежде всего Ф. Ф. Фортунатова, и потому, что всей своей предшествующей деятельностью накопил богатейший фактический материал, почерпнутый из памятников письменности и в особенности из живых русских говоров.

В диссертации А. А. Шахматов подробно исследует все стороны эволюции этих звуков в русском языке, раскрывает их источники, прослеживает судьбу в связи с процессом падения редуцированных, отождествлением в поздний период развития древнерусского языка звуков [b] и [e]. Интерес ученого проявляется и к проблеме типов вокализма в общенародном языке и в диалектах русского языка. При этом А. А. Шахматов глубоко и на большом фактическом материале рассматривает происхождение этих типов. Работа настолько увлекла молодого ученого, что он чисто сердечно признается Ф. Е. Коршу, что бросил бы на время даже свой участок, если бы имел возможность с целью изучения говоров поехать по России (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 363, л. 12 об.). В письме к Ф. Ф. Фортунатову, уже по окончании работы над диссертацией, ученый, снова возвращаясь к этой мысли, высказывается еще более определенно: «Живые говоры и рукописи приобретают для меня новое значение теперь, после моей работы. Сколько сторон языка я пропускал незамеченными. И поездка моя в Олонекскую губ., даже двукратная, непростительно мало мне дала. С удовольствием мечтаю о предстоящих мне, может быть, поездках по России для изучения живых говоров...» Процирируя уже достигнутое им в исследовании го-

воров на задуманные работы, А. А. Шахматов скромно оценивает свои достижения в заключительных строках своего труда. Прочитав заключение, Ф. Ф. Фортунатов находит эти строки излишними, вызывающими невольную улыбку перед наивностью и чистосердечием их автора. Однако диссертант не внемлет совету своего научного руководителя и оставляет в тексте работы все, как было им замыслено: «Читатель заметил, как мало я знаком с живыми русскими говорами, уже из предшествующих страниц... Скажу больше, я знаю, что выпускаю в свет сочинение, недостаточно продуманное и обработанное».

— Да сознаете ли вы сами, что написали? — восклицает, глядя на сонскаателя магистерской степени А. А. Шахматова, его официальный оппонент Ф. Ф. Фортунатов. — Это же доселе неслыханное слово в нашей русской филологии! Профессор Роман Федорович Брандт и я, как официальные рецензенты диссертационной работы кандидата А. А. Шахматова, ходатайствуем перед высокочтимым Ученым советом о возведении его, помимо магистерской степени, в степень доктора русского языка и словесности...

Все собравшиеся в Большой словесной аудитории Московского университета 12 марта 1894 г. видят, как смутился при этих словах диссертант А. А. Шахматов. Ведь совсем недавно признавался он любимому учителю, что работа эта всего лишь груда неразработанных мыслей и положений, и вдруг... Совет Московского университета, откликаясь согласным на предложение рецензентов, присваивает двадцатидевятилетнему сонскателю степени магистра А. А. Шахматову сразу степень доктора русского языка и словесности. Такого русская филология еще не знала.

И снова А. А. Шахматов, теперь уже доктор филологических наук, спешит в Губаревку: близится весна, торопят земского начальника новые заботы о куске хлеба для саратовского мужика, хотя нет уже и следа прошлого оптимизма, вместо него — горькие, как степная полынь, сомнения и разочарования.

Видя голод, страдания народа и понимая, что он так почти ничем и не смог ему помочь, А. А. Шахматов выступает с требованием решительных мер — вплоть до закрытия школ, если не хватает средств для прокормления народа. Каково же было положение саратовского крестьянства и сколь велико шахматовское сочувствие ему, если один из активнейших поборников просвещения российского народа

вынужден был говорить о закрытии школ! Реакционная пресса обрушивается на бывшего приват-доцента Московского университета, обвиняя его в ненависти к науке, просвещению, стремясь таким путем заглушить гневный голос необычайно заботливого и активного земского начальника. Это был, пожалуй, наиболее заметный результат его хлопот о крестьянстве.

Интересно пишет о тяге А. А. Шахматова к деревне известный востоковед, непреходящий секретарь Петербургской Академии наук папада нашего века академик С. Ф. Ольденбург: «Думаю, что те, кто близко знали Алексея Александровича, согласятся со мною, что этот великий русский ученый был деревенский, а не городской человек... Алексею Александровичу ближе всего была деревня и крестьяне...» Приезжая в родные края, ученый прежде всего навещает всех своих деревенских друзей, попросту разговаривает с ними об их житье-бытье. В письмах к друзьям ученый часто восторгается своей здешней жизнью, в канун же переезда в город, ненавистный, запуганный, чужой, он томится и нервничает. Так, в 1909 г. Шахматов пишет из Губаревки Ф. Е. Коршу: «Здесь у нас очень хорошо, в особенности в этом году, когда мы ждем отличного урожая, когда природа свежа, когда вокруг все зелено. Тем неприятнее думать о городской жизни и связанных с нею тревожностях» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 366, с. 343). В другом письме Шахматов сообщает Коршу о постигшем край полном неурожае, о безвыходном положении крестьян (его собственной семьи (теги и сестры), живущей только землей (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 365, с. 250)). Примечательно, что в 1910-т., являясь в Общество любителей российской словесности автобиографическую справку, А. А. Шахматов напишет о себе: «Родился в городе Нарве (но родиной считает Саратовскую губернию)...»

Видя, как земский начальник фактически превратился в России в полицейского, и ясно сознавая крушение своих иллюзий и надежд на помощь крестьянству, А. А. Шахматов все чаще приходит к решению оставить земскую службу. Диплом доктора наук дает ему моральное право вернуться в университет, чтобы передать свои знания молодежи и видеть плоды своего труда, наконец, заниматься наукой, снова переживая радостное волнение оттого, что держишь в руках книгу и перо... В сущности, он всегда был верен науке. Верность науке он сумел уже блестяще пол-

твердить своей диссертацией, но можно ли на этом поставить точку?

Об этом же думают и его друзья. Уже 25 марта Ф. Ф. Фортунатов получает письмо от И. В. Ягича, который доверительно пишет о необходимости привлечь А. А. Шахматова к академии и просит Фортунатова внушить эту мысль молодому доктору филологии. По-видимому, не дожидаясь ответа Ф. Ф. Фортунатова, Ягич 28 марта сам обращается к Шахматову: «Мне самому, — пишет он, — не повезло в России в том отношении, чтобы я воспитал хоть несколько учеников: мое пребывание было для этого слишком кратковременно... Поэтому я считаю своей приятной обязанностью указывать России на достойных молодых представителей той области науки, в которой я имею некоторое право самостоятельно судить и оценивать людей». 13 апреля неустойчивый в хлопотах о близких И. В. Ягич направляет письмо академику А. Ф. Бычкову. Автор письма сознается, что хочет видеть в среде академии человека, который мог бы продолжить более успешно, чем сам он, начатое им дело. «Таким, — резюмирует Ягич, — я считаю только Шахматова».

В середине мая чуткий к голосу ученых А. Ф. Бычков шлет в Губаревку официальное предложение А. А. Шахматову принять младшее академическое звание адъюнкта¹³ академии. Хотя молодой доктор и сам думал о возвращении из степей науки, но неожиданное предложение академики взволновало его и заставило взвесить все заново. Шахматову кажется, что он не заслужил такого предложения, да и вообще мало достоин был и степени доктора за работу, которая его самого не удовлетворяет. Но заниматься наукой серьезно, будучи земским начальником, просто невозможно. Или — или! Положение деятеля академии дает возможность вполне отдаться науке и стать полезным для многих других людей. «Обо всем этом, — пишет А. А. Шахматов, — мне трудно даже судить, но я чувствую, что привилегированное положение, в которое я, может быть, попаду, даст мне возможность быть полезным не для одного себя, а для всех вообще. Быть полезным для всех в о о б щ е — об этом думает А. А. Шахматов не только теперь, но и всю свою жизнь. «Высшим» для А. А. Шахматова всегда оставалось служение народу.

¹³ Адъюнкт академии — в дореволюционной России ученое звание и должность почощника академика.

В мае 1893 г. неожиданно скончался выдающийся русский филолог академик Я. К. Грот. С его смертью фактически останавливается работа над большим, многотомным Словарем современного русского языка, издаваемым Отделением русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук с 1889 г. Я. К. Грот возглавлял всю работу над этим важнейшим для всей русской культуры изданием, был вдохновителем всех тех, кто трудился над подготовкой словаря. После Я. К. Грота возникают трудности с выпуском Словаря, так как ученый оставил после себя лишь незначительное количество готовых к изданию материалов. Кроме того, Я. К. Гротом не было составлено при жизни четкой и исчерпывающей программы Словаря, а уже увиденный свет два его выпуска удовлетворили далеко не всех «ревнителей русского слова»: в них не получала достаточного отражения ни история русской лексики, ни ее современное богатство. При отсутствии в Словаре многих общенародных слов в нем в то же время содержалось большое количество диалектизмов, заимствованных к тому же из существующих уже в России словарей, а также терминов различных ремесел и промыслов. В то же время за пределами Словаря осталась лексика произведений А. Н. Радищева, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и ряда других писателей XIX в.

В этих условиях было необходимо тщательно взвесить и исчерпывающе определить источники Словаря, прежде чем продолжить его издание.

Избирая в свой состав А. А. Шахматова, Отделение русского языка и словесности предполагало именно молодому известному доктору филологии поручить редактирование Словаря, которого так ждало образованное общество России.

По получении известия о своем избрании в адъюнкты Петербургской академии А. А. Шахматов 16 декабря 1894 г. прибывает в столицу, а уже на следующий день впервые участвует в заседании своего Отделения и выступает перед коллегами с предложением... о полном изменении программы Словаря.

Тщательно проанализировав готовившийся к печати материал, извлеченный из произведений более 100 русских писателей, Шахматов решительно заявляет о недостаточ-

А. А. Шахматов
(с фотографии, относящейся
к началу 1890-х годов)

ский литературный язык.

— Как призванный к продолжению начатого Словаря, я завидую Дало, — говорит А. А. Шахматов. — Он при работе над толковым словарем имел дело с живым русским человеком, и притом не обезличенным; астраханец и воложанин, пермяк и калужанин — вот кто создавали и продолжают создавать русскую речь... Я боюсь, что в будущих выпусках нашего академического Словаря, вместо этих живых лиц, слишком ярко выступит личность редактора, который возьмет на себя неблагодарную, скажу более — крайне тяжелую и вместе с тем ответственную задачу обезличить, обесцветить русский язык... Наш Словарь должны составить все известные Отделению русские слова.

Очерченные новым редактором широкие перспективы Словаря настолько свежи, неожиданны и так меняют уже сложившиеся принципы работы, что даже академик А. Ф. Бычков не решается сейчас поддержать их. Немногим менее месяца спустя Отделение снова дискутирует этот вопрос. И снова А. А. Шахматов настойчиво отстаивает свои научные лексикографические принципы:

— Словарь — это не личное дело одного из членов

ности его. По мнению ученого, Словарь нельзя ограничивать лишь языком писателей, так как лексика художественной литературы может служить лишь подспорьем при определении значений слов и особенностей их употребления. Источником же Словаря должен стать живой, повседневный русский язык. Живой русский язык — это и письменный язык, поскольку он значительно отошел от разговорного языка, это и повседневный язык образованных классов общества, это, конечно, и язык народа, все еще питающий живительными соками рус-

Отделения, это задача и работа всего Отделения. Я вперед подчинюсь решению большинства, но уверен, что оно не оставит без тщательного рассмотрения соображений того лица, которое избрано редактором Словаря, признав, что работа моя может начаться только тогда, когда мне будут ясны и смысл ее и задачи.

Отделение наконец соглашается с шахматовской программой Словаря, и редактор принимается за осуществление своих грандиозных замыслов, поставив перед собой прямо-таки дерзкую задачу: продолжить печатание Словаря уже с января 1897 г. Теперь все служебное и личное время отдает ученый своему первому академическому детису: он выписывает слова из произведений И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, работает почти один, прибегая к небольшой эпизодической помощи некоторых сотрудников. Постепенно, однако, самоотверженность молодого ученого, его умение увлечь своей идеей близких расширяют круг помощников, формируя вокруг Словаря группу молодых филологов: Н. С. Державина, С. К. Булича, Д. К. Зелинина, С. П. Обнорского, В. И. Чернышева, П. Л. Маитанкова. Даже сам президент академии — великий князь К. К. Романов расписывает для Словаря первую главу «Евгения Онегина».

С приходом первого «академического» лета Шахматов прерывает свою кабинетную работу над Словарем, уступая возможности, которой он нетерпеливо ожидал последние пять лет, и отправляется, по его словам, «чтобы дать себе отдых», в странствование по Калужской губернии. И вот неизвестный «мужик», какой-то непонятный странник неторопливо обходит пешком одно за другим села губернии, завязывает беседы с поселянами, докучливо, да еще в самый разгар летней страды, просит их спеть народные песни и все что-то пишет, пишет... и при этом платит песеннику деньги. Никто в здешних краях и не подозревает, что странник этот, несмотря на молодость, — известный в мире ученых, адъюнкт Академии наук.

Как показать читателю полную погруженность ученого в изучение калужских говоров? Сказать, что он изучал говор 70 населенных пунктов? Или что он сделал много записей диалектной речи? Упомянуть о собранных им трехстах восьмидесяти народных песнях? Но все это — вполне обычная для него работа. Скажем лучше, что,

занятый научным поиском, он не смог найти и свободной минуты, чтобы написать Ф. Ф. Фортунатову! По возвращении в Петербург он пишет своему учителю: «Чувствую, что теперь буду постоянно ездить по России. Это моя задача и обязанность, в особенности когда видишь, как гибнут особенности русских говоров». Видя, что говоры под воздействием литературного языка постепенно нивелируются, утрачивают одну за другой свои особенности, Шахматов с еще большей решимостью стремится сохранить эти богатства народного языка на страницах своего Словаря.

Узнав о таком направлении лексикографического труда А. А. Шахматова, Ягич, убежденный в том, что описание диалектной лексики должно быть задачей специального словаря, с раздражением пишет: «Не стану читать Вам нотации, но так нельзя!» Несмотря на упреки, редактор стоит на своем. С целью развертывания в России работы по собиранию особенностей местных говоров ему приходится взяться за составление специальных программ-вопросников для севернорусского и южнорусского наречий, и уже вскоре эти программы рассылаются учителям сельских училищ и школ по всей России.

Как много сделали для русской науки простые учителя из далеких, затерявшихся где-то, кажется, на краю земли, русских сел и деревень! Насколько беднее были бы наши словари, как мало приобрели бы наша этнография и русская фольклористика без кропотливых поисков, без той черновой, малозаметной, но так дорого ценимой наукой работы, что добровольно взваливал на свои плечи сельский труженик просвещения. В ряду многих памятников, поставленных нашим благодарным народом, занял бы достойнейшее место и тот, на пьедестале которого каждый увидел бы всего два дорогих слова: «Российскому учителю».

А. А. Шахматову шлют свои материалы не только учителя, но и их многочисленные воспитанники. Лишь за пять первых месяцев 1897 г. Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) получает записи песен на 13 листах, сделанные воспитанниками учителя из Тверской губернии Г. Иванова, песню и сказку в ученической записи из с. Спасского Томской губернии. Большой интерес к запросу академии проявляют воспитанники духовных семинарий. Среди материалов, присланных семью воспитанниками Тобольской духовной семинарии, заметки о говорах близлежащих сел, образцы словариков этих сел, местные

поговорки и пословицы, народные песни, рассказы, сказки, присказки и даже заговоры: от уроков, бессонницы, кровотечения и т. д. — всего на 115 листах!

Благодаря такой беспрецедентной в стенах ОРЯС активности А. А. Шахматова по созданию Словаря русского языка, к филологии начинают проявлять интерес и люди, стоящие весьма далеко от научных и учебных сфер. Они приближаются к созданию Словаря. Так, в марте 1896 г. из города Копитона в Отделение приходит тетрадь в 60 исписанных страниц, озаглавленная «Материалы для словаря местного наречия Нерчинского края». Автором их оказывается Н. А. Новичин — начальник конвойной команды одной из станций под Нерчинском. Словарю предпосылается краткое описание истории, быта и языка носителей местного говора.

Материалов присылается теперь в ОРЯС так много, что возникает серьезное затруднение с их своевременной публикацией и обработкой, ибо издаваемый академией «Сборник ОРЯС» уже не может удовлетворить запросов русской филологии. А. Ф. Вычков и А. А. Шахматов вносят в Отделение предложение о создании нового печатного органа. С января 1896 г. начинают выходить ежегодно 4—6 томов «Известий ОРЯС». Редакторами издания назначаются его инициаторы.

Уже вскоре, однако, Шахматов убеждается, что и этого издания недостаточно для обнародования всего присылаемого «хотя и сырого, но в высшей степени важного для специалистов материала». Это вынуждает его просить о новом расширении публикаций. Так появляются особые диалектологические приложения к «Известиям», вместе составившие несколько объемистых томов.

Из ответов на свою «Программу», из многочисленных произведений фольклора, этнографических сборников, рукописных материалов «Архива русского географического общества», различных «Губернских ведомостей», а также архивов Шахматов лично извлекает для Словаря обильный лексический материал. С иронической улыбкой он вспоминает теперь о своих планах совмещать работу адъюнкта академии с чтением лекций в Московском университете. Тогда, весной 1894 г., он писал Ф. Ф. Фортунатову о желании работать со студентами: «Я чувствую, что чтение лекций заставляет преподавателя шире обнимать предмет своих занятий, а это очень полезно для исследования».

Однако, с головой уйдя в дело составления Словаря, ученые вскоре приходят к выводу, что планам его сбыться пока не суждено.

31 марта 1896 г. в личной жизни А. А. Шахматова происходит крупное событие: с этого дня идет с ним рядом, верно деля все радости и печали семьи, Наталья Александровна Градовская — дочь покойного известного юриста, профессора права А. Д. Градовского.

На следующий день после свадьбы чета молодых отправляется в своеобразное свадебное путешествие: Академию наук командирует адъюнкта за границу с целью углубленного исследования языков и диалектов южных славян, изучения сербскохорватского ударения и интонации.

По пути Шахматовы останавливаются в Вене у И. В. Ягича. Друзья проводят долгие часы не только в беседах о проблемах языка. Зная, что молодая семья направляется в его родные края, Ягич рассказывает о трудном, бедственном положении южнославянских народов.

Печальная судьба братских славянских народов, раскрытая в гневно-емких словах И. В. Ягича, глубокой болью отдается в сердце А. А. Шахматова: его сознание связывает этот рассказ с судьбой окраинных народов России под пятой великодержавного шовинизма собственного правительства.

Прибыв к цели своего путешествия, которая каждым из четы Шахматовых понимается по-своему, Алексей Александрович делит свое время между трогательным вниманием к молодой жене и изучением сербского языка в Цетинье и Никшиче, диалектов в местечках Бууда, Рагуза, Меткович, Мостар, Ободы, фонетических особенностей в Сараеве, исследованием славянского наречия в местечке Брод. Ему кажется, что он мало занимается наукой, Наталья Александровна же изнывает от скуки, сетует на мужа, что он из-за своих диалектов почти забыл о ней, и одно за другим посылает домой грустные письма.

Благодаря этой поездке в А. А. Шахматове активизируется стремление бороться за равноправное существование и развитие всех славянских народов, их культур и языков. По возвращении в Петербург он сразу же принимается за исследование об истории ударений в славянских языках, готовит к изданию древние памятники письменности, очередные выпуски «Известий ОРЯС», усиленно

продолжает работу над Словарем русского языка. Члены ОРЯС приходят к единодушному мнению, что в истории Отделения никогда не было деятеля, который по научной активности и разносторонности интересов мог бы сравниться с А. А. Шахматовым. Ученый блестяще оправдал надежды, возлагавшиеся на него академией, поэтому уже в мае 1897 г. тридцатидвухлетний А. А. Шахматов избирается экстраординарным академиком¹⁴. И как подтверждение справедливости этого решения и, конечно, как исполнение обещания адъюнкта, сделавшего первый шаг в академию, появляется на исходе 1897 г. первый выпуск Словаря под редакцией А. А. Шахматова. Ученый мир ждал этой книги с нетерпением, и теперь, имея перед собой начало грандиозного труда, в котором получили последовательное воплощение фактически все научные принципы его молодого редактора, филологи получают возможность оценить и эти принципы, и умение А. А. Шахматова предвидеть исход теоретических построений. И. В. Ягич, как мы помним, не одобрял самих принципов шахматовского Словаря. Но после изучения этого выпуска он, считавший вообще всякую словарную работу «трудом убийственным», не может скрыть своего восхищения. Ф. Ф. Фортунатов под впечатлением знакомства с содержанием выпуска пишет А. А. Шахматову: «Ваша деятельность меня просто изумляет. Думаю, что Вы совсем не бережете себя». О грандиозности шахматовского предприятия красноречиво говорят даже внешние факты: объем всего второго тома Словаря, включившего в себя 9 вышедших до 1907 г. выпусков, составляет 1483 страницы, а размер всех вообще его выпусков более чем в 10 раз превзошел объемистое издание «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г., в то время как гротовская часть Словаря — лишь в полтора раза.

По инициативе А. А. Шахматова Академия наук принимается за подготовку к изданию полных собраний сочинений русских писателей. Вместе с академиком М. И. Сухомиловым ученый разработывает подробный план этого издания, начиная с периода XI—XII вв.

Не проходит и полутора лет с начала деятельности Шахматова в звании экстраординарного академика, а

¹⁴ Экстраординарный академик — в XIX в. должность в Петербургской Академии наук, которую занимал сверхштатный академик.

ОРЯС уже возбуждает ходатайство об избрании его в ординарные академики — столь очевидны были его научные достижения. В Записке о трудах ученого М. И. Сухомлинов признает составление Словаря русского языка неоспоримой великой заслугой. Современники, подчеркивает он, называли Ломоносова натуралистом в языке за тщательность и глубину его лингвистического анализа. Так можно назвать и А. А. Шахматова: с необычайной зоркостью наблюдает он все особенности языка, следит за всеми его тончайшими разветвлениями и на основании строго изученных фактов с крайней осторожностью делает свои выводы.

4 декабря 1898 г. в Общем собрании Петербургской Академии наук учений единогласно избирается ординарным академиком. Старшие его коллеги не избирают другого случая в XIX в., чтобы в составе академиков был такой молодой ученый.

ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В конце XIX — начале XX в. в России сложились условия, которые свидетельствовали о близости революционного взрыва. В это время капитализм в России, как и во всем мире, вступил в свою высшую и последнюю фазу развития — империализм, для которого характерно предельное обострение всех социальных и политических противоречий, свойственных капиталистической системе в целом.

Сочетание всех видов гнета — капиталистического, помещичьего, национального, — усиленного самодержавно-полицейским деспотизмом, делало положение народных масс невыносимым, а классовые противоречия предельно острыми. Пролетариат открыто выступил на борьбу, выдвигая требования, сплачивающие все демократические силы страны.

Активизируется в этот период студенчество. Опасаясь его революционности, царское правительство стремится урезать и без того скудную студенческую демократию, ликвидировать так называемую университетскую автономию¹⁵.

¹⁵ *Университетская автономия* — невмешательство государства в решение вопросов внутренней университетской жизни. Университетская автономия была введена в 1863 г. В 1884 г. автономия была фактически уничтожена царем.

Однако подобные меры еще больше накаляют атмосферу в среде учащейся молодежи. Студенты включаются в активную политическую борьбу.

Боясь этой быстрой революционизации студенчества, правительство 29 июля 1899 г. издает «Временные правила» об отдале в солдаты студентов за участие в волнениях. Уже в начале января 1901 г. «за учинение скопом беспорядков» по указанию царя «бреют лбы» 183 студентам Киевского университета. В. И. Ленин в газете «Искра» откликается на это трагическое событие гневной статьей, в которой призывает студенчество к стойкости: «Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатия которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил...» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 394—395).

В марте 1901 г. вспыхивает забастовка студентов Петербургского университета, активно поддержанная другими учебными заведениями столицы, в результате чего 27 студентов университета отдают в солдаты. В знак протеста 4 марта у Казанского собора организуется массовая студенческая демонстрация, в которой принимает участие и А. М. Горький, накануне приехавший в Петербург и уже успевший установить связи со столичными революционными кружками. По сведениям полиции, здесь же он приобретает мимеограф — аппарат для получения небольшого количества оттисков с текста, с помощью которого можно было печатать воззвания к рабочим.

Стремясь как-то оправдать жестокое избиение студентов заранее подготовленной вокруг площади засадой, правительство публикует в газетах лживое освещение событий у Казанского собора, обвиняя во всем студенчество. В ответ на это Горький от имени Союза взаимопомощи русских писателей пишет на имя министра внутренних дел «Провержение правительственного сообщения», в котором разоблачает гнусную клевету правительства. Вскоре после этих событий писателя-революционера бросают в Нижегородскую тюрьму.

События у Казанского собора потрясают передовые слои русского общества. Десятости девяты ученых Петербурга обращаются к правительству с письменным заявлением,

в котором выражают протест против избиения студентов и требуют суда над виновниками, надругавшимися над молодежью. Среди подписавших заявление — и академик А. А. Шахматов. Император Николай II собственноручно выражает на документе свое мнение: «Экие нахалы!» По требованию президента академии А. А. Шахматов пишет объяснение своего участия в составлении «крамольного» документа. Он не скрывает возмущения теми беспорядками, от которых «гибнет и развращается лучший цвет русского народа — учащаяся молодежь». «Огосносятся равнодушно ко всем этим беспорядкам, видеть, как тиранят и топчут очаги нашего просвещения, как в них и из-за их неустойчивости погибает гордость и радость всякой страны — молодое поколение — я не мог», — гневно бросает академик (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, л. 412, л. 12). Нравственное объяснение своего участия в заявлении он находит во всем университетском строе России, в разъедающих его язвах, в отсутствии любовного попечения об университетах, подавлении всякого проявления передовой мысли.

В эти годы ученый много размышляет над тем, как усовершенствовать всю систему образования в России. Еще в январе 1899 г. в «Залиске», поданной в Ученый комитет Министерства народного просвещения, академик изложил свои взгляды на наиболее целесообразные пути развития отечественного просвещения. Чрезвычайно интересны мысли ученого о предназначении гимназий и университетов. Ему представляется, что задачей средних учебных заведений следует считать воспитание ума и развитие способностей учащихся, в то время как главная цель университетов — дать воспитаннику знания (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, л. 247, л. 1 об.—3 об.). Несколько позже Шахматов выдвигает перед университетом более сложные задачи: он должен не только давать молодежи знания, но и в не меньшей степени призван воспитывать, облагораживать массы. По этой причине государство должно добиться, чтобы через университет проходило возможно большее число молодых людей, едва ли не все юношество, ищущее просвещения. Университет должен служить всем, а не быть храмом науки, созданным лишь для одних «крепцов». Но чтобы государство оказалось в силах решить все эти задачи, необходимо, во-первых, значительно уменьшить плату за обучение, во-вторых, не давать университетам

обманывать общество: дипломы должны получать лишь те, кто их действительно заслуживает.

Проблемам университета ученый посвящает четыре статьи, напечатанные в 1901 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости»: «Н. И. Пирогов об университетах», «Еще об университетах», «Служебные преимущества университетов» и «Чем должен дорожить университет».

Чтобы было яснее положение статей А. А. Шахматова, скажем в нескольких словах, о чем говорил Н. И. Пирогов. Еще в 1862 г. Н. И. Пирогов высказал свое проникнутое глубоким пессимизмом положение о том, что из-за недостатка профессоров и материальных средств нет реальной возможности воспитать у русских учащихся высоких научных стремлений. В ответ на это заявление А. А. Шахматов пишет, что за сорок лет в России выросло число профессоров, нашлись деньги и для открытия новых учебных заведений, но уровень обучения и воспитания молодежи остался едва ли не прежним. Все учащаются волнения студентов, отражая, естественно, общественные брожения всего русского общества и свидетельствуя об отзывчивости и живости молодежи, чему следует радоваться. Но эти волнения не смогли бы перерасти в «беспорядки», если бы не те условия, в которых протекает жизнь студенчества.

Как видим, А. А. Шахматов совершенно определенно обвиняет в том, что происходит в среде студенческой молодежи, русскую университетскую действительность и тем самым политику правительственных учреждений. В чем же повинны университеты? Русские университеты абсолютно не знают и не хотят знать студенчества, ибо они имеют дело не со студенчеством в целом, а лишь с некоторыми студентами, до остальных же университетам попросту нет дела. Нужна продуманная организация студентов, объединение их вокруг общей цели. Этой целью должна быть прежде всего, конечно, любовь к науке, уважение к правде и добру. «Если они (университеты.— В. М.) не имеют достаточных средств для нравственного и умственного воздействия хотя бы на несколько человек из сотен вступающих в них ежегодно юношей,— заключает ученый,— это значит, что университеты не стоят на высоте своей задачи. Но мы не верим в это».

Любовь к науке, по мнению А. А. Шахматова, воспитывается прежде всего самой наукой. В школе расширение духовного кругозора учащихся, введению их в новые

умственные области прекрасно могли бы служить уроки русского языка. С точки зрения Алексея Александровича, объектом преподавания в школе должен быть общенародный язык во всей совокупности его письменных и устных проявлений. Но ведь любая попытка сгруппировать, сопоставить факты письменного и устного языка приведет к необходимости установления относительной хронологии, последовательности рождения и эволюции того или иного языкового факта в ряду других. А это значит, что предмет изучения в школе прежде всего должна стать и история русского языка. История языка не только содействует осмыслению, осознанию языковых фактов, без нее кажутся хаотическим пагмождением многие явления современного русского языка. Она дает в руки преподавателя богатый материал для правильного изложения истории умственного и культурного развития народа, в частности русского, в тесной связи с другими народами, для подъема национального самосознания, всестороннего изучения родины. «Ученик, — говорит А. А. Шахматов, — увидит народ не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках, он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни... Все это приблизит учащегося к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, а также веру в него, в его будущее».

Большая польза для развития мышления учащегося заключена в приобщении его к научному анализу фактов языка посредством обучения элементарным приемам исследования, в постепенной подготовке школьников к более сложной работе при анализе более сложных научных и жизненных явлений. Эти шахматовские положения не перестают быть актуальными и для современной советской школы, требующей от учителей обучения самому главному — уметь мыслить.

Всей своей многообразной общественно-научной деятельностью первых лет нового века академик А. А. Шахматов стремится содействовать осуществлению демократизации просвещения, созданию в стране условий для действительного расцвета науки и культуры.

В 1899 г. академика назначают директором I (русского) отделения Библиотеки Академии наук. До прихода Шахматова в течение многих лет посетитель Библиотеки Академии наук неизменно встречала табличка на дверях, изве-

щавшая о том, что библиотека закрыта для посторонних в связи с ее реорганизацией. Однако эта «реорганизация» слишком затягивалась. С приходом ученого и истинного друга всех ученых работа отделения основательно перестраивается. Новый директор, смотря на книгу прежде всего как на главное орудие просвещения широких масс, сразу же устраняет привилегии в пользование фондами библиотеки. Нельзя считать истинно просвещенным человеком и ставить преграды кому бы то ни было, жаждущему знаний, и как бы ни ценна, как бы ни редка была книга — эта святыня должна служить нынешнему читателю, а не быть только драгоценным музейным экспонатом. Теперь в Академическую библиотеку спешат не только ученые, но и преподаватели гимназий и даже студнты. Как вспоминает ближайший помощник А. А. Шахматова по библиотеке Всеволод Измаилович Срезневский, сын академика И. И. Срезневского, стояло Алексею Александровичу узнать, что пришедший в библиотеку незнакомый ему молодой человек серьезно работает над каким-либо вопросом, но у него нет возможности заниматься в библиотеке, как А. А. Шахматов с легким сердцем пишет записку библиотекарю с просьбой выдать студенту необходимую литературу домой и, безгранично доверчивый к людям, поручается за сохранность выданных книг.

Шахматов добивается открытия при библиотеке специального читального зала для учащейся молодежи. Видя, как тесно становится теперь в помещении библиотеки, он отдает свой директорский кабинет для выдачи книг на дом, и теперь, встречая кого-либо из своих коллег по академии, ученому ничего не остается, как встать к ним в деловые разговоры в одном из проходов между книжными шкапами.

Для реорганизации отделения, закупки новой литературы не хватает мизерного, выделенного правительством бюджета, и Шахматов отказывается от полагавшейся ему платы за директорство. Академик без усталости хлопочет об исполнении своей заветной мечты — создании систематического каталога, подобие которого вы найдете в наше время в любой средней, а нередко и маленькой библиотеке. Однако каждый раз перед ученым встает одно и то же непреодолимое препятствие — нехватка денежных средств и людей.

По инициативе ученого в библиотеке создаются новые отделы: картографический, иконографический, потный, от-

дел отчетов и др. Нет отдела, в деятельность которого Шахматов не внес бы части своих забот. В журнально-газетном отделе он стремится облегчить пользование быстро пополняющимся фондом периодических изданий и для этого содействует созданию списка указателей русской периодики, а также сводного каталога иностранных периодических изданий в библиотеках столицы. Его внимание ко II (иностранному) отделению библиотеки позволяет академику просить Шахматова возглавить и это отделение. В результате и без того широкая сфера деятельности академика значительно расширяется.

Но ни с чем не сравнимое внимание оказывает директор библиотеки рукописям. В них для ученого важно все: содержание и языковые особенности, форма орнамента и манера изображения, раскраска букв. Сохранить рукописи означает для А. А. Шахматова не только обеспечить ученых бесценным материалом для исследования. Это значит также сохранить первоисточники проявления русской духовной культуры, национальное достояние всего народа. Благодаря такому подходу к рукописям в 1900 г. Шахматову удается добиться создания при библиотеке специального Рукописного отделения. Первым ученым хранителем рукописей избирается В. И. Срезневский.

Работа А. А. Шахматова и В. И. Срезневского в Рукописном отделении выходит далеко за рамки чисто научной деятельности, и ее не забудет героическая история русских революций: при их непосредственном и активном участии покрытые почтенной пылью веков рукописи верно служили самому что ни на есть современному делу — революционному обновлению России XX в.

...На бесконечных рядах полок книги, папки с рукописями. Между ними то там, то здесь толстые книги с надписью на корешках: «Разнь» — разное. Посторонний глаз вряд ли усмотрит в этом что-то особенное, настораживающее. Но именно в этих книгах, папках бережно хранится нелегальная литература, скрываемая от зоркого ока вездесущей тайной полиции.

О деятельности отдела нелегальной литературы в период первой русской революции оставил интересные воспоминания известный революционер, соратник В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич¹⁴. В период десятилетнего пребывания

¹⁴ См.: Бонч-Бруевич В. Д. В И. Ленини и Библиотека Академии наук. — Новый мир, 1945, № 8, с. 98—102.

Бонч-Бруевича в эмиграции у него накопилась большая библиотека нелегальных изданий, которыми пользовались многие его друзья, в том числе и В. И. Ленин. Покидая Швейцарию, революционер оставляет всю литературу у писателя и общественного деятеля П. И. Бирюкова (одного из секретарей Л. Н. Толстого), живущего с 1898 г. за границей.

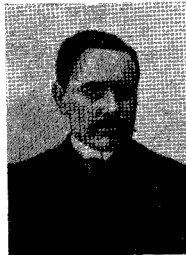
Повозвращении в Петербург В. Д. Бонч-Бруевич сразу же обращается к академику А. А. Шахматову с просьбой принять всю его библиотеку на хранение. Алексей Александрович

не мог не понимать, какому риску подвергает всех своих сотрудников и себя самого, но тем не менее соглашается, и вскоре этот груз прибывает по официальному адресу — в Академию наук. Удача окрыляет, хотя и не совсем успокаивает. Вскоре, оповещенные Бонч-Бруевичем, пересылают сюда на хранение свои секретные материалы многие революционные организации Петербурга и Москвы.

В 1907 г. во время пребывания в пос. Куоккала Выборгской губернии (ныне пос. Решино Ленинградской области) В. И. Ленин также узнает от Бонч-Бруевича о существовании в Академии наук отдела нелегальной литературы. Владимир Ильич тут же просит Н. К. Крупскую при первой возможности информировать об этом местные революционные организации и обязать их послать в этот отдел в двух экземплярах всю печатающуюся на местах революционную литературу.

— Итак, — обращается он к Бонч-Бруевичу, — вы здесь, в Петербурге, продаете то же дело библиотеки и архива, которое у нас было поставлено в Женеве. Это прекрасно!..

— Наступит время, — продолжает В. И. Ленин, — когда необходимо будет развернуть это дело самым широчайшим

А. А. Шахматов

образом. Нужно будет организовать большой архив библиотеки и музея, где будет собрана вся нелегальная пресса, как подпольная, так и заграничная, а также и все другое, что касается нашей художественной литературы, критики, публицистики, истории, истории революционных движений и истории нашей партии в частности и в особенности...

Вскоре из Финляндии, Австрии, Швейцарии, Германии и других стран, из различных мест России идут в Библиотеку академии многочисленные пакеты и заказные письма. А. М. Горький присылает с острова Капри две большие посылки с литературой. Большевик И. П. Ладьяжников, с 1905 г. по заданию ЦК РСДРП руководящий в Берлине издательством «Verlag», которое было создано с целью пропаганды русской революционной мысли и пополнения денежных средств партии, регулярно пересылает все свои издания. Латвийская социал-демократическая организация переправляет в отдел свой богатейший архив, включавший все издания от самых первых прокламаций до крупных работ по проблемам революционного движения. Сибирская партийная организация также регулярно шлет экземпляры печатающейся там революционной литературы.

Как же удается А. А. Шахматову и В. И. Срезневскому получать такое обилие революционной литературы и не быть замеченными полицией? В соответствии с существовавшим в России законом почта, идущая в адрес академика, не подвергалась на границе никакому таможенному досмотру, а имущество и литература академика на территории страны обладали правом экстерриториальности, то есть неприкосновенности. Как только кто-то замечал, что агенты охранного отделения проявляют чрезвычайный интерес к пришедшему багажу, то сообщал об этом Шахматову, и тотчас отправлялась в отделение «охранная грамота» за его письмом, которой подтверждалось, что данный багаж действительно является собственностью Академии наук.

Даже эта опасная литература, правда с величайшей осторожностью, выдается в пользование, конечно довольно ограниченному кругу лиц. Некоторые из них получают особую коробку для хранения этой литературы с надписью «Первое отделение Императорской Академии наук» и документ, подтверждающий, что все содержимое этой коробки — собственность академика. В случае конфискации охранкой коробки снова пускается в ход спасительная шахматовская «грамота».

Но не все идет гладко. В середине августа 1910 г. А. А. Шахматов в письме спрашивает Ф. Е. Корша: «Слышали ли Вы о большой для всех нас, а для меня в особенности, неприятности: в Библиотеке Академии наук был обыск» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 367, л. 375). Вот как рассказывает об этом факте В. Д. Бонч-Бруевич: «За В. И. Срезневским стали послеживать, и, наконец, настал тяжелый день, когда вдруг на квартиру В. И. Срезневского нагрянули агенты охраны во главе с самым знаменитым Статковским, который является только на обыски по особо важным делам, и произвели самый тщательный обыск.

Перевернув решительно все на квартире, — а здесь была громадная научная лаборатория, — этот негодяй отпратился в Академию наук и произвел обыск рабочих столов, где постоянно и давно работал Всеволод Изманович.

— Собираете нелегальную литературу всех эпох, — зло говорил этот заматерелый либеросотенец, — почтенное занятие! Но позвольте полюбопытствовать, почему вы это делаете не прямым путем; обратились бы к нам, мы этой прелестью вороха вам доставили бы, а вы вот коробочки стали раздавать академические. Экстерриториальность в частных квартирах создаете, к вам бегают представители партий... Для чего все это? — И он проворно и ловко, обнаруживая большой оплет, шарил и шарил по всем закоулкам огромного стола.

Статковский рвал и метал, что вот он, разорвавший и уничтожавший целые революционные организации, стоит вот тут, рядом с тем, кто осуществлял всю свою жизнь одно из культурнейших дел, что вот он дошел до него, как бандит ворвался к нему в дом, шарит у него в столе на месте службы, а взять за горло не может — оказались руки коротки. И он, шипя, остря и легонько издеваясь, должен был ретироваться, должен был уйти из академического помещения, уйти ни с чем, с затаенной злобой на этот храм науки и его служителей» (см.: Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин и Библиотека Академии наук. — Новый мир, 1945, с. 98—102).

В сохранении революционных архивов, без сомнения, наиболее ярко проявлялась любовь А. А. Шахматова к русскому народу, к его истории, к его думам и чаяниям. Но эта любовь движет и многими просветительскими начинаниями

академика, прекрасно сознающего, что безграмотностью трудящихся масс правительству стремится затормозить развитие культуры, политического самосознания.

Архаичность русского правописания, многие правила которого уже не имеют под собой никакого основания в живой речи последних столетий, обрекает учащихся на механическое запоминание стено языковых фактов, бесполезно отнимает уйму времени.

Стоит открыть любую книгу XIX в., как бросятся в глаза необычные буквы *і* («и десятеричное»), *ѣ*, *њ* (в конце слов), *ѳ* («фита»), *ѵ* («ижица»). «За душой» каждой из них никакого особого звука не было; эти буквы являлись графическими дублетами других букв, обозначавших эти же звуки: *і* и *ѵ*, как и *и* («и востмеричное»), обозначали звук [и]; *ѣ* и *е* передавали звук [е]; *ѳ* и *ф* указывали на звук [ф]; *ѵ*, кроме того, как и *в*, обозначала звук [в]. Буква *њ*, уже с XII—XIII вв. не обозначавшая никакого звука, служила «твердым знаком» не только в середине, но и в конце слов (домъ, томъ, садъ и пр.), хотя отсутствие *њ* в конце слова не делает предшествующий согласный мягким. Мы не привыкли связывать языковые вопросы с какими-то финансовыми затратами, а между тем даже одна буква обходится обществу во многие тысячи рублей. Еще в середине XIX в. в результате специальных подсчетов было установлено, что на каждые 17 страниц печатного текста приходится 1 страница знака *њ*, а это ежегодно стоит русскому народу 1 294 150 рублей!

Но не только необычные буквы затрудняли правописание. В языке существовало немало чисто условных написаний окончаний слов, значительно расходящихся с их произношением: *добры* и *добрыя*, *они*, *одни* и *онѣ*, *однѣ*, *добраго*, *живаго* и пр. Учащиеся принуждены были запоминать все эти факты почти системно, каждый в отдельности. Поэтому педагогические общества при Московском, Казанском, а затем и Одесском университетах с 1900 г. принимают за разработку проектов орфографической реформы, которая бы упростила русское правописание. В апреле 1903 г. Казанское педагогическое общество просит Отделение русского языка и словесности высказать свое мнение о целесообразности такой реформы.

Разделяя беспокойство русского учительства, ОРЯС в феврале 1904 г. принимает решение об образовании под

председательством самого президента академии специальной комиссии для рассмотрения вопроса о русском правописании. Заместителем председателя и руководителем подкомиссии, в обязанности которой вменяется разработка конкретных предложений по упрощению правописания, назначается академик Ф. Ф. Фортунатов.

Об искреннем желании ОРЯС подвергнуть вопрос объективному рассмотрению свидетельствует тщательно продуманный состав комиссии. В нее включается 55 человек, в их числе 16 академиков, 18 представителей высших и средних учебных заведений, 4 представителя педагогических обществ, 9 литераторов (редакторов газет и журналов), 6 представителей министерств и ведомств. Комиссия приглашает в свой состав несколько лиц, заведомо враждебных реформе, дабы добиться объективности в решении. Следует отметить, что и из 16 членов академии однозначно за реформу выступает лишь шесть академиков, среди них Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, А. И. Соболевский, остальные же или против, или ничем не обнаруживают сочувствия к ней. Приглашаются также все лица, которые сами изъявляют желание работать в комиссии.

Первые шаги подкомиссии ясно показывают А. А. Шахматову, что «сочувствующих реформе гораздо меньше, чем противников, и притом ярых, бессмысленных» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 363, л. 218). Особенно тяжело переживает он, от природы легко ранимый человек, неожиданный демонстративный выход из состава подкомиссии академика А. И. Соболевского, которому пришлось не по душе непринужденный, товарищеский тон, неторопливость, принятые первой ученой дискуссии об орфографии академиками Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым. А. И. Соболевский не ограничивается письмом к председателю подкомиссии, а 16 апреля публикует в газете «Новое время» небольшую, но чрезвычайно язвительную статью о работе подкомиссии. По поручению подкомиссии А. А. Шахматов выступает с опровержением статьи А. И. Соболевского. Охватившего автора чувства возмущения не увидеть за внешним спокойствием, академической сдержанностью написанных им строк. Это завидная особенность академика А. А. Шахматова: он так выдержан, так воспитан, что всегда кажется человеком самым спокойным и уравновешенным, как будто ему вообще неведомо чувство раздражения.

Письмо А. И. Соболевского взбудоражило притихшие было сонмище консерваторов во главе с издателем «Нового времени» Суворинным, чья газета, как ходким товаром, торговала политическими убеждениями, за что и получила меткое прозвище: «Чего изволите?» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 44). Ничтоже сумяшеся в ней пишут о том, что защитники реформы делают безграмотными даже Пушкина и Тургенева, что ее сторонникам хочется создать орфографию для неграмотных, «на страх грамотеям и на радость безграмотным». Русскому обществу, предупреждают противники реформы, следует крепко стоять на страже священных древних орфографических традиций, идущих еще от Кирилла и Мефодия — создателей древнейшего славянского алфавита в IX в. н. э. «Россия слишком стара, чтобы переучиваться грамоте у московских и казанских шульмейстеров (видимо, намек на орфографические рекомендации Московского и Казанского педагогических обществ. — В. М.), — возмущается один из нововременцев. «Нужно спасать русский язык и русскую культуру!» — вторят его единомышленники. От этих слов в удобный момент совсем нетрудно перейти к прямому обвинению сторонников реформы в чрезмерной свободе их политических убеждений. Один из авторов, скрывшийся за подписью «К. Л. М.», уже намекает на это: «Столь радикальная реформа правописания посягает на нечто более важное, чем живая речь» нашего образованного общества, а именно — на скрепы русского народного единства и органическую преемственность всей русской образованности! Итак, сторонники реформы — против единства русского народа, они пренебрегают памятью предков!

Перед лицом таких упреков А. А. Шахматову трудно удержаться от ответа. В поддерживавшей реформу газете «Русь» ученый высказывает свое глубокое убеждение, что «русские люди, чутко относящиеся к родной речи, поймут, что не искажена эта речь, а освобождена от уродливых наростов».

В довольно стройном, слаженном хоре писак особенно выделяется злобствующий бас самоуверенного придворного генерал-лейтенанта А. А. Киреева. Публицист-славянофил, считающий себя специалистом по вопросам религии, теперь полагает своим долгом показаться перед читателями эрудитом и в вопросах лингвистики. Одно за другим следуют его многословные и не очень грамотные письма президенту

Академии наук. Зная, что президент академии — родственник царя, Киреев подобострастно, с лакейской лживостью предостерегает его: «Ради Вас самих, — не давайте хода облегчительным проектам! Смею Вас уверить, что люди, Вас любящие и уважающие, жалуют о том, что Вы вмешались в это дело, что (по выражению многих) Вы дали поставить себя на скользкий ненужный путь. Не забудьте и того, что наш алфавит связан со славяно-церковным и через него со всем славянством, а главное — что в изменении его не предостит ни малейшей надобности» (Архив АИ, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 842, лл. 237—238).

Старания противников реформы постепенно сближают взгляды президента академии с претензиями киреевых. В январском 1905 г. письме к Фортунатову князь К. К. Романов пишет: «Коренные преобразования возможны лишь имущим власть провести их. Ни наша подкомиссия, ни комиссия, ни сама Академия наук такой властью не обеспечены. А потому, предлагая изменение или упрощение правописания, мы должны избежать всякой ломки и излишних затруднений. На этом основании полагаю, что исключение из азбуки букв *і* и *ѣ* преждевременно...» Приговор реформе фактически вынесен, поставлены все точки над *і*. Шахматову в который раз ставится больно за Россию...

Доходящие до Губаревики известия о ходе русско-японской войны, безжалостно выкачивающей из страны человеческую кровь и золото, кажутся Шахматову укором за его слишком эгонистичный отдых. Он мучается оттого, что хочет помочь в этой трагедии, но решительно не знает, чем и даже кому он может помочь. Узнав о свершившемся 20 декабря 1904 г. падении Порт-Артура, ученый, по его словам, испытывает какую-то приниженность и придавленность, точно он находится в густом тумане. «Неужели Россия идет к гибели?» — задумывается он в письме к Ф. Е. Коршу. Шахматов теперь ясно осознает, что главным виновником всех бед в стране является царское правительство. «Надеясь на осуществление спасительных реформ нельзя, а без внутреннего переворота будет, конечно, все хуже и хуже. Более чем сомнительно, чтобы настоящее правительство было способно довести войну до благополучного конца. Затянуть войну оно, конечно, сумеет...» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 363, л. 228 об.).

Грубое попрание права русского человека на просвещение, выразившееся особенно ясно в отношении правительства к реформе орфографии, в откровенном игнорировании действительного пожелания об университетах, заставляет сотни русских ученых иначе взглянуть на правительство и его политику, возмущает их чувство честного служения своему народу. Это возмущение становится настолько сильным, что деятели науки открыто выступают с неслыханным доселе документом, направленным против царского правительства: в начале января 1906 г. 342 ученых составляют и подписывают «Записку», в которой глубоко анализируют современные нужды русской средней и высшей школы, бросая вызов царскому строю. Среди подписавших ее 16 академиков, в том числе филологи А. А. Шахматов, А. Н. Веселовский, В. В. Радлов, историк А. А. Лаппо-Данилевский, физиолог Н. Н. Бекетов, ботаник И. П. Бородин, художник И. Е. Репин; 125 профессоров, среди них филолог С. К. Булич, С. А. Венгеров, Ф. Ф. Зелинский, В. И. Ламанский, историк Э. Д. Гриффит, физик А. С. Попов, физиолог И. П. Павлов, сын знаменитого композитора зоолог М. Н. Римский-Корсаков; ставит под «Запиской» свою подпись также 201 доцент, преподаватель и ассистент.

Нельзя без восхищения смелостью и благородством ученых читать написанный ими правдивый рассказ о жалком положении просвещения, полностью не отвечающем ни научным потребностям, ни достоинству родины. Ученые прямо называют виновника: «Правительственная политика в области просвещения народа, вынуждаемая преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку». Преподаватели находятся в униженных условиях, поэтому они, вынуждаемые произволом представителей власти, нередко оставляют свою деятельность и ищут любую другую работу.

Ученые выражают свое глубокое убеждение, что академическая свобода несовместима с современным государственным строем России. Для достижения ее недостаточны частичные поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование, заключающееся в предоставлении русскому человеку политических свобод, в осуществлении законодательной власти в стране путем привлечения к ней свободно избираемых представителей

всего народа, наконец, в строгом контроле над администрацией.

Текст манифеста ученых тотчас печатают сразу несколько петербургских газет. Его читают повсюду: один видит в нем отзыв собственных мучительных размышлений; других он пробуждает от слишком затянувшегося сна; третьи уже видят на своей груди и шее Святые Владымы и Святые Ацны за новые прожекты травли дерзких ученых.

Не без влияния академической «Записки» месяцем позже 121 московский педагог начальных и средних школ создает свою «Записку». Мы, говорится в ней, не можем мириться с существующими школьными порядками, с бюрократическим и полицейским школьным режимом. «Лишечные свободы преподаватели, не обеспеченные в своих собственных правах, мы не можем воспитывать поколение, обреченное на то же бесправие, на подчинение тому же режиму». Поколение, обреченное на бесправие! Но оно тоже поднимается теперь на борьбу. Со всех концов страны идут в столицу тревожные донесения попечителей учебных округов о политических сходах и выступлениях учащихся школ. Так, 26 января 1905 г. полный отчаяния попечитель Казанского учебного округа в секретном письме министру констатирует: «Волнение охватывает уже самую зеленую молодежь. Хаотическое состояние умов общества само по себе и, помимо агитации, не остается бесследным на настроениях учащихся в средних учебных заведениях» (Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. М., 1956, с. 78).

Президент академии князь Романов, вконец встревоженный выпадом ученых, обвиняет их в том, что они из науки делают орудие политики. Не найдя ничего более веского, он заявляет, что ученые нарушили закон и возбуждают студенчество к беспорядкам, а заодно напоминает, что, прежде чем говорить о политических свободах, «деятели ученых и высших учебных учреждений должны бы сперва освободиться от казенного содержания, коим пользуются от порицаемого ими правительства» (Архив АН, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 26, л. 113—114). Не будь в письме президента упрека в нарушении и попрании учеными нравственного закона, академик А. А. Шахматов скорее не стал бы отвечать ему. Но ученый всего выше ставил в человеке его нравственные начала, а высший нравственный закон

в его представлении — это обязанность человека говорить правду. И А. А. Шахматов направляет князю К. К. Романову письмо. Академик подписывал «Записку 342-х ученых» не как случайный попутчик, временный единомышленник, охваченный общим порывом осуждения; он был одним из убежденных инициаторов этого документа. Оттого его письмо к президенту кажется еще более страстным. «Мы, — пишет Шахматов, — действительно порицаем правительство: порицаем его за то, что оно так мало сделало для народного образования, и, несмотря на услуги земства, не сумело до сих пор привить сельскому населению элементарной грамотности (как житель деревни утверждало это с полным основанием); мы порицаем правительство за то, что, приступив к реформе средней школы еще при министре Боголепове, оно до сих пор не разберется в трудах комиссий и комитетов и оставляет школу без твердой программы преподавания; мы порицаем его за то, что оно, давно уже сознав недостатки университетского устава 1884 г., внесшего в высшие учебные заведения наши разложения, не устранило до сих пор ненормальных условий университетского строя; мы порицаем правительство, которое, обладая громадными материальными и умственными средствами всей страны, вот скоро десять лет как бьется в совершенно бесплодных усилиях провести какую-либо школьную реформу. Да, мы порицаем это правительство, и главным образом за то, что оно не сознает своей ответственности перед страной и своих обязанностей перед Верховною властью... Мы не обвиняем во всем вышеизложенном личность того или другого министра; мы обвиняем все правительство, то есть весь строй подзаконных органов, которые осуществляют административные функции государственной власти» (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, д. 412, л. 4—4 об.).

Что же касается жалования, того «казенного содержания», о котором говорил президент Академии князь К. К. Романов, взволнованный «Запиской 342-х ученых» и выступлениями их с различными заявлениями, то оно составлялось из народных средств и давалось, как мыслили многие деятели науки, для того, чтобы работать во благо народа. Россия, ее культура, ее величия. Именно такой представлял свою деятельность академик Алексей Александрович Шахматов, будучи верным и преданным сыном России, ее народа, ее науки.

Через две недели после «Кровавого воскресенья», всколыхнувшего всю Россию, Комитет министров, опасаясь революционизирующего влияния на массы научной и общественно-политической литературы, создает положение, обязывающее Академию наук давать научные отзывы на книги, которые правительство сочтет политически вредными и потому подлежащими уничтожению.

И слова не кто иной, как А. А. Шахматов, вступает в бой за жизнь самого ценного для него изобретения человеческой цивилизации — книги. В письме правительству он с негодованием отвергает тишущий нажим на учное учреждение: «Уничтожить произведение духовно-умственной деятельности человека, сжечь книгу научного или литературного содержания — есть преступление против науки, ибо всякое такое сочинение представляет объект научного исследования, беспристрастный суд над которым принадлежит не нам, современникам, а нашим потомкам» (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, д. 248, л. 2 об.). Ученый называет ряд работ, которые признаны правительством вредными, хотя с точки зрения Академии наук они представляют несомненную ценность. Примером таковых являются: исследование Д. Л. Мордовцева «Накануне воли», опубликованное в 1881 г.; 1-й том «Истории французской революции» Луи Блана в переводе М. А. Антоновича; работа С. А. Венгерова «Журналисты сороковых годов», автор которой еще в 1889 г. был демонстративно отстранен от преподавания истории русской литературы в Петербургском университете.

Гордясь академией, ее великой миссией, Шахматов завершает письмо следующими строками: «Традиция, undersøванная Академией наук из полуторазековой просветительной ее деятельности, слишком сильна и живуча: она не изменит своему характеру, она останется на той стезе, на какую возвел ее труды людей науки, деятелей просвещения, Академия наук не претендует на роль эксперта в политическом суде над книгой и всегда во всех без исключения случаях будет отстаивать право книги на существование» (там же, л. 4 об.). После этого письма правительство уже не решалось обращаться к академии с подобными «просьбами».

Быстро растущее в канун первой русской революции общественное движение сосредоточивает свое внимание на всех порожденных царским режимом язых российской

действительности. С новой силой звучит в эти годы голос протеста передовых деятелей Академии наук против великодержавной политики правительства, гонений на родные языки народов России.

Созданная в 1905 г. в академии специальная комиссия, в которую вошли убежденные интернационалисты А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Фортунатов, А. С. Фаминцин, А. А. Лаппо-Данилевский, исследует горькие результаты притеснения украинского языка. Комиссия приходит к совершенно закономерному выводу, что начавшееся законодательно еще в 1863 г. гонение на украинское печатное слово, когда было запрещено создание на этом языке учебников (а фактически оно началось значительно раньше), лишило народ права обучать детей на их родном языке.

Кто из нас не испытывает душевного трепета, слушая неповторимо прекрасные украинские песни. В них чарующая прелесть мелодии нестерожиимо сливается с музыкой украинского слова, с щедрой задушевностью создающего их народа. «Віють вітри, віють буйні, аж дерева гнуться; О, як мое болить серце, а слози не лиються...» Непостижимо уму, но эти проникновенные строки И. Котляревского, как и все песни на украинском языке, оказались под строжайшим запретом. Серьезным ограничениям подвергся и репертуар украинских театров.

Запрет на родной язык губительно сказался на грамотности украинских школьников. В начале XX в. 77 процентов выпускников бессарабских школ были фактически безграмотными, харьковских — 67 процентов, учащихся Полтавской губернии — 59 процентов, Таврической — 53 процента. Все это не могло не беспокоить истинных гуманистов-интернационалистов. Еще в 1890 г. в лекциях для студентов Московского университета А. А. Шахматов подчеркивал свои симпатии к украинскому (в тогдашней терминологии — «малорусскому») языку. Живя общероссийской жизнью, говорил он, украинцы об общих интересах, об общечеловеческим вопросам пишут национальным языком России, но их местная жизнь, их исторические воспоминания находят наилучшее выражение в родном языке. Уже более определенно и резко писал академик А. А. Шахматов в статье «Русский язык» для «Энциклопедического словаря» Ф. Брокгауза и И. Ефрона: «Вполне естественно, что в Малороссии образовался свой литера-

турный язык: его будущая судьба и отношение к великорусскому литературному языку не могут быть определены теперь, когда взаимные отношения малорусского и великорусского наречий регулируются не жизнью, а административными распоряжениями» (разрядка моя. — В. М.).

Комиссия Академии наук высказывает свое глубокое убеждение, что украинцы должны иметь такое же право, как и русские, говорить публично и печатать на своем родном языке.

Члены комиссии подчеркивают, что единственно правильным является термин «малорусский язык», а не «наречие», как это пишется в официальных документах. Они указывают также, что в отношении к древнерусскому языку, языку общевосточнославянскому, и малорусский и великорусский языки абсолютно равны. На основании доклада комиссии Общее собрание академии принимает решение о необходимости отмены притеснений украинского языка. Однако этой «знаменитой», по словам А. В. Луначарского, «Записке» суждено было в правительственных сферах остаться без какого-либо дальнейшего движения: известный своей реакционностью деятель Главного управления по делам печати В. М. Пуришкевич находит ее в высшей степени «ненаучной».

Хотя по всей стране уже разнеслись с Дворцовой площади отзвуки залпов «Кровавого воскресенья» и его трагическая развязка раскрыла глаза многим тысячам русских людей, еще недавно наивно веривших в царскую милость, А. А. Шахматов, как и многие его коллеги по академии, все еще питает иллюзии о путях оздоровления государственного строя России. Им представляется возможным и потому желательным парламентский путь борьбы — привлечение к управлению страной избранных в какой-то единый законодательный орган представителей народа. Поэтому академик дает согласие на избрание его от имени академии и университетов в состав Государственного совета — высшего органа при царе, в обязанности которого входит рассмотрение законопроектов, утверждение бюджета страны, а также различных судебных постановлений¹⁷.

¹⁷ Состав совета определялся царем, который имел неограниченное право утверждать или отклонять решения совета.

Убежденный в том, что деятельность в Совете открывает перед ним широкие возможности борьбы за осуществление демократических начал, ученый активно берется за дело. Но проходит совсем немного времени, чтобы он понял ложность, бессмысленность своего положения в Государственном совете, о котором у ученого складывается удручающее впечатление, ведь его большинство — откровенные реакционеры. Ослабает лишь утешать себя мыслью, что участие в Совете таких, как он, лучше, чем если бы ученые круги были также представлены реакционерами.

В этот период на студенческих сходках выдвигаются требования прекратить кровопролитную войну с японцами, создать в стране демократическую республику. На сходке 7 февраля 1905 г. в Петербургском университете студенты принимают резолюцию, в которой призывают к уничтожению царских портретов, требуют амнистии всех политических заключенных, обеспечения демократических свобод.

По всей стране продолжают бастовать рабочие, ширятся волнения в армии и флоте, становятся более организованными крестьянские выступления. Как и повсюду, в Саратовской губернии под влиянием революционной пропаганды волнения крестьян перерастают в активную и постоянную борьбу с помещиками: крестьяне целыми селами захватывают помещичьи докосы, громят и жгут их усадьбы. Только за 1905 г. саратовские крестьяне сжигают 272 помещичьи усадьбы. Губернатор Столыпин жестоко расправляется с бунтовщиками, за что получает первую благодарность царя, а вскоре вторая монаршая милость делает его министром внутренних дел.

Видя бедствия крестьян родной губернии, усилившиеся полным неурожаем 1905 г., тяжелое положение своих любимых родственников — тети Ольги Николаевны и младшей сестры Ольги, также живущих исключительно «дарами» скудной саратовской земли, Алексей Александрович переживает глубокое уныние.

Академик А. А. Шахматов решает дать новый бой политике правительства — с трибуны Государственного совета. 4 мая, выражая, вместе с профессором Д. И. Багалеем¹⁸, непреклонное мнение Академии наук, он требует

полной амнистии всех заключенных в тюрьмы по религиозным, аграрным и политическим мотивам. Однако страх большинства законодателей перед революцией не позволяет им принять предложение «академической курии». На следующий день при обсуждении проекта Адреса монарху снова выступает А. А. Шахматов:

— Вместо того чтобы писать монарху о дарованных им свободах, следует говорить о свободах обещанных. Где они, эти свободы? Я не вижу их, как не вижу их и мои уважаемые ученые коллеги: нет ни свободы совести, ни свободы слова, ни свободы печати...

С последними словами академика в зале поднимается невообразимый шум: выступление оратора прозвучало диссонансом потоку казенного верноподданнического словословия.

В противовес этому верноподданничеству 5 мая 1906 г. газета «Дело народа» публикует письмо одного из осужденных политзаключенных — Г. А. Гершуни: «Вечным проклятием будет лежать на этом режиме то, что он заставил русских революционеров снова вступить на ненавистный путь террористической борьбы. Правительство, вместо того чтобы честно вдуматься в причины начавшей разыгрываться трагедии, по обыкновению, видит только случайности, личную злую волю, подстрекателей, сообщников и проч., врачует раны виселицами, как бы не желая понять, что там, где существующие условия превратили для граждан жизнь в сплошное страдание, страдание за благо народа превращается в наслаждение. Правительство может отнять у нас возможность честно жить, но не в его власти препятствовать честно умереть». В этот период школы потеряли почти полностью своих лучших людей: многих из них составили, тысячи томится в тюрьмах. Считая, что он по-прежнему несет ответственность за бедственное положение деятелей просвещения, А. А. Шахматов не успокаивается и решает дать бой законодателям из Государственного совета на страницах печати. В результате появляется страстная статья «К вопросу об амнистии», в которой автор прекрасно показывает неразрывность принципов научной и человеческой порядочности, выступая против «ученых», которые пытаются оправдать действия правительства.

В напряженные годы первой русской революции научная работа Шахматова, по его собственной оценке, идет несколько более вяло. Конечно, всего, что делается ученым

¹⁸ Багалей Дмитрий Иванович — украинский историк, профессор, с 1906 г. ректор Харьковского университета, автор более 200 работ по истории России и Украины.

в этот период, хватало бы на несколько лет кому-либо другому. С ноября 1906 г., после смерти академика А. Н. Веселовского, он становится Председательствующим в ОРЯС; редактирует последний выпуск второго тома Словаря русского языка; заканчивает подготовку к изданию выпуска «Памятников древнерусской письменности»; продолжает работу над исследованием литературной истории «Повести временных лет»; но все это не захватывает А. А. Шахматова, как в былые годы. Ученый как бы готовится к новому шагу.

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

После революции 1905 г. правительство переходит в жесткое наступление, начинается период реакции.

В марте 1907 г. Совет министров утверждает правила, которыми обзывает администрацию высших учебных заведений регулярно сообщать в полицию сведения о студентах, проживающих в общежитиях. Правилами 11 июня этого же года санкционируется запрещение центральных органов студенческого самоуправления, а с июля 1908 г. — запрещение любой формы студенческого самоуправления. Собрания студентов теперь строго ограничиваются только академической тематикой. В это же время начинается гонение на либерально настроенных профессоров.

Характеризуя эту обстановку в высших учебных заведениях, замечательный лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ в 1908 г. пишет: «Министерство действительно предпринимает поход против университетов, против школ вообще и против просвещения. Но мы готовы дать отпор и мобилизуемся. Вероятно, мы проиграем, но наши противники поведут дело к новым цусам, мукдам и грандиозным забастовкам» (Архив АН, ф. 770, оп. 2, д. 15, л. 40). В знак протеста против упразднения всякой университетской автономии 63-летний профессор Петербургского университета И. А. Бодуэн де Куртенэ демонстративно слагает с себя звание члена университетского суда.

По ходатайству И. А. Бодуэна де Куртенэ историко-филологический факультет Петербургского университета просит А. А. Шахматова открыть с осени в качестве приват-доцента курс истории русского языка! Алексей Александрович давно жаждет поведать молодежи о великом благе, дарованном человеку природой, — благе владения языком.

Студенты ждали А. А. Шахматова, и в их ожидании было что-то необычное, романтическое. Возможно, до них дошли воспоминания о ранней научной деятельности их будущего лектора, по-видимому, знали они и о его блестящем выступлении на магистерском диспуте А. И. Соболевского. Еще более вероятно, что слышали они и о его плодотворной ученой деятельности в стенах академии, о признании его выдающихся заслуг не только русскими, но и зарубежными учеными обществами: в 1904 г. русский академик был избран членом Сербской Академии философских наук, в январе 1908 г. — доктором философии Пражского университета.

В связи с усилением репрессий в сентябрьских письмах А. А. Шахматова в Одессу, к профессору И. А. Линиченко, не раз повторяются слова: «печальное положение», «действительно ужасное положение». А. А. Шахматов хорошо понимает, что «реакция приобретает с каждым днем силу» (Государственный архив, Одесской области, ф. 153, оп. 1, д. 464, л. 16 об.).

18 октября 1908 г. происходит первая встреча А. А. Шахматова со студентами. Вступительная лекция производит на слушателей захватывающее впечатление. Ее автор очерчивает широкий круг стоящих перед лекционным курсом задач. Шахматов подчеркивает, что история языка в состоянии представить картину исторического развития народа, но решить эту задачу можно лишь при тщательных наблюдениях над говорами и памятниками письменности, а также современным живым языком. «Я очень желал бы, — обращается лектор к студентам, — чтобы и вы, начинающие филологи, были охвачены интересом к богатейшей нашей письменности. Но я употреблю все старания, чтобы доказать вам, что изучению памятников должно предшествовать изучение живого языка, что в основание всяких научно-лингвистических построений должны быть положены факты живого языка...»

Не может быть изучения истории языка без постоянной опоры на историю самого народа. Этот принцип был основополагающим в научной работе самого лектора. Язык, развываясь, то распадается на отдельные говоры, то объединяет или присоединяет к себе какие-то из них. Чаще эти процессы протекают одновременно и неразрывно. Как

правило, объяснение таких расхождений и схождение диалектов кроется в истории их контактов. Естественно, что численное увеличение племени заставляет его расселяться на новых территориях. Из-за слабых контактов части некогда единого племени становятся фактически разными племенами, а их племенной диалект распадается на ряд еще более мелких говоров, каждый из которых, ведя самостоятельную жизнь, с течением времени может стать и становится языком. Вступая в контакт с соседними племенами, новое племя заимствует у них какие-то элементы материальной и духовной культуры, взаимодействуют и языки (диалекты) этих племен, передавая друг другу звуки, формы, слова. Следовательно, подчеркивает А. А. Шахматов, история каждого языка начинается там, где начинается история говорящего на нем народа, а тот период, когда часть какого-либо народа отделилась от своих сородичей и начала самостоятельную, обособленную жизнь, служит для историка языка исходной точкой научных поисков. Из каких элементов языка-предка и какими путями развились те черты, что составили лицо нового языка? Какие этапы в своем развитии прошло отдельное языковое явление или язык в целом? Решение этих вопросов составляет цель историко-лингвистической науки.

С искренней симпатией относится А. А. Шахматов к работающему в эти годы в зарубежном Львове «Научному Товариществу» им. Т. Г. Шевченко («Наукове Товариство»). Наряду со многими уже увидевшими свет ценными публикациями «Товарищество» в условиях преследования украинского печатного слова ставит перед собой благородную цель издания «Украинской энциклопедии». Ф. Е. Корш и А. А. Шахматов, «украинцы по духу», как их в злобе называют авторы националистической литературы, с готовностью отвечают на предложение войти в состав редакции и сразу же принимаются за составление программы издания.

Избранный весной 1909 г. в действительные члены этого «Товарищества» академик А. А. Шахматов 20 июня этого года в письме одному из руководителей «Товарищества» дает исключительно высокую оценку деятельности украинских братьев: «Мое русское сердце бьется с гордостью при мысли о том, какое великое научное дело совершено при скудных средствах и стесненных обстоятельствах нашими собратьями, руководимыми Вами, в зарубежном

Львове. Я часто говорю, что деятельности «Товарищества» может позавидовать любая академия». Признание главой русской лингвистики заслуг «Товарищества» развязывает руки буржуазным борзописцам. Стремясь изменить решение ученого, они, хорошо знаящие, как на самом деле близки и дороги ему интересы народа, клеветнически обвиняют Шахматова в поддержке враждебных его родине и народу учреждений (имеется в виду «Товарищество»).

Борясь с участвовавшими массовыми демонстрациями и забастовками студентов, полиция фактически становится хозяином в высших учебных заведениях, особенно после декабрьского предписания Совета министров Министерству народного просвещения незамедлительно исключать студентов по спискам, составленным полицейским начальством. 11 января 1911 г. полиция полностью захватывает Петербургский университет, без разбора арестовывает сотни студентов. Эта атмосфера размежевывает позиции университетской профессуры. По мере роста студенческих волнений многие из них стремительно отходят от молодежи, теряя по пути и то последнее, что еще оставалось в них от либерализма. Меньшая же часть ученых теперь совершенно определенно становится в оппозицию к политике правительства. Так, выдающийся математик, профессор Петербургского университета академик А. А. Марков сначала демонстративно отказывается от чтения лекций, а год спустя, окончательно убедившись в ханжеской сути церковных «верований» власть имущих, обращается в Синод с заявлением об отлучении его от церкви¹⁹. Ректор Московского университета А. А. Мануйлов и его помощники в знак протеста против полицейских приемов, так называемого «умиротворения» студентов, заявляют об отставке со своих постов. Солидаризируясь с ними, еще 130 профессоров и преподавателей уходят из университета. А. А. Шахматова гнетет этот, по его выражению, московский разгром и приниженное положение университетских советов, лишившихся права самостоятельно решать судьбу своих учебных заведений.

Седьмого февраля на заседании Совета университета академик выступает с заявлением, в котором требует возвращения профессуры А. А. Мануйлову. Чувство гнева

¹⁹ См. История Ленинградского университета. 1819—1969 гг. Л., 1969, с. 177.

и боли овладевает ученым, когда он убеждается, что даже те, кто еще утром этого дня, казалось, с таким пониманием в частной беседе говорили о необходимости решительных мер для возвращения в университет уволенного ректора, отвечают на его призыв равнодушным молчанием. Как страшно в жизни предательство, а тем паче — в самый критический момент! «Я совершенно задыхаюсь от нахлынувшей на меня с разных сторон пошлости и мерзости», — признается он в письме к Ф. Е. Коршу неделей позже. В это же время он пишет: «Для меня ясно, что эти власти не сделали ничего для успокоения студенчества, не протестовали против ввода полиции в декабре, ссылали студентов без суда и расправы в отдаленные места...» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 367, лл. 396—397).

Вот как передает А. А. Шахматов в письме к профессору Э. Д. Гриму атмосферу своей несостоявшейся лекции: «Сегодня я сделал попытку читать лекцию. В коридоре оказались пристава и городовые. В аудитории сидел один студент. Может быть, подошло бы еще двое-трое, если бы я занял кафедру и начал чтение. Но читать при таких условиях я не в силах» (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, д. 252, л. 11).

А. А. Шахматов, который так не любил обнаруживать перед кем-либо, а тем более преувеличивать свои душевные страдания, вынужден сообщить, что не видит другого выхода для себя, для своего душевного состояния, кроме как отказаться от материального вознаграждения и прервать «хождение в университет». В официальном заявлении в Совет университета 28 февраля он предлагает осуществить две меры, которые привели бы к восстановлению в учебном заведении нормальной жизни: во-первых, Совет должен добиться разрешения правительства объявить студентам, что участь исключенных и сосланных будет смягчена, как только студенчество приступит к занятиям; во-вторых, необходимо ходатайствовать об удалении из университета полиции, которая может появляться лишь с разрешения ректора.

Еще до рассмотрения этого заявления в Совете университета А. А. Шахматов в самом начале марта получил экземпляр составленного студентами историко-филологического факультета ходатайства перед руководством факультета о лучших студентах — В. В. Мияковском, С. Н. Валке и Н. В. Ерохине, в конце января арестован-

ных, уволенных из университета без права поступления и высланных по месту жительства. Сам этот факт красноречив: студенты надеются на помощь любимого профессора, хорошо известного своим заступничеством за молодежь. И они не ошибаются.

9 марта заявление А. А. Шахматова рассматривается комиссией Совета университета. Как ученый и ожидал, оно пришлось не по душе членам комиссии. Они-де глубоко сожалеют, что член Совета, знаменитый ученый, профессор называет принятые для восстановления порядка в университете меры репрессиями и при этом, вслед за студентами, утверждает, что эти репрессии применены по распоряжению министерства. А. А. Шахматов видит почти полное единодушное мнение в одобрении ввода в университет полиции. Ректор профессор Д. Д. Гримм, рассчитывая, видимо, на полный успех аргумента, заявляет, что он не может отвечать ни за жизнь преподавателей и слушателей, ни за целостность здания, если полиция не будет в университете. Вторя ректору, его единомышленники предрекают «развал университета», в случае если Д. Д. Гримм вынужден будет уйти в отставку.

— Так вы этого хотите, Алексей Александрович? — патетически вопрошает один из профессоров.

Шахматову отделению, но достаточно ясно намекают, что он, видимо, склонен видеть в студентах «пионеров революции», «борцов за свободу». Он просит слова:

— Я не общественный деятель. Я — ученый. И в данном деле считаю нужным руководствоваться только своей совестью. И именно она, моя совесть, и заставляет меня делать тот ряд выступлений, на которые я решился... Есть одна среда, к голосу и настроению которой я считал нужным всегда прислушиваться, — это студенческая. Я слышном дорожу моральным влиянием профессоров на студентов и желал бы всячески, чтобы это влияние постоянно укреплялось.

А. А. Шахматов настаивает на возвращении в университет всех исключенных студентов. По его мнению, наложенные на них наказания никак не соответствуют содеянному. В несчастье студентов козвенная вина лежит на университетской администрации, допустившей массовые аресты и исключения без всякого разбирательства... Он и теперь все еще надеется, что встретит среди руководства университета хоть чье-либо сочувствие и поддержку. Не задумы-

гались ли вы, откуда у многих великих людей удивительное соединение недюжинного ума и наивности? Не в поразительной ли по силе любви к людям и безграничной вере в них берет оно свое начало?

Грустные мысли приходят в голову ученому. Вплоту уйти из университета, чтобы в качестве члена Совета не быть морально ответственным за бездействие, преступное бездействие, повлекшее за собою несчастье для многих десятков юношей... А ведь среди них немало отличных, талантливых студенточ.

Алексей Александрович вспоминает, как еще в 1899 г. его доброжелательно рекомендованное письмо спасло студента В. А. Водарского, составлявшего словарь к сочинениям А. С. Пушкина для включения его в рекомендуемый Шахматовым словарь. За активное участие в студенческом движении этого студента предполагали исключить из университета и выдворить из столицы²⁹. Когда в том же году был исключен из университета П. Е. Щеголев, Шахматов вместе с академиком А. Н. Веселовским и профессором В. И. Ламанским ходатайствовали о смягчении его участи «ввиду отличных способностей Щеголева и его замечательного трудолюбия», доказанных несколькими печатными трудами и золотой медалью, пожалованной за научную деятельность Советом университета (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, д. 421, л. 1).

В 1905 г. П. Е. Щеголев публикует ряд исследований о А. С. Пушкине, А. С. Грибоедове, декабристах, в 1905 — 1907 гг. издает «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. С января 1906 г. под его редакцией начинает выходить журнал «Былое», посвященный истории освободительного движения. Однако вскоре правительство запрещает журнал, а его редактор в январе 1909 г. оказывается за тюремной решеткой. Но и здесь, в одиночной камере, П. Е. Щеголев находит в себе силы продолжать свое научное творчество и даже готовится к магистерскому экзамену. 14 мая 1909 г. А. А. Шахматов обращается к властям с просьбой разрешить отпускать арестанту в камеру до десяти книг одновременно и оставлять там его рукописные материалы и заметки. Так благодаря хлопотам

академика Щеголева получает возможность написать в тюрьме крупное исследование «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина», которое вскоре принесит автору широкую известность.

Именно П. Е. Щеголеву в дальнейшем будет поручено после февральской революции 1917 г. разборка материалов Департамента полиции. Он станет редактором издания документов «Падение царского режима», первым — в книге «Алексеевский расстрел» — расскажет миру о тайнах самой страшной из царских тюрем — Петропавловской крепости.

А. А. Шахматову не суждено будет узнать, что дарованное другое революционно настроенного студента — С. Н. Валька раскроется в полной мере в советскую эпоху, когда он станет одним из зачинателей архивного дела в нашей стране и, вместе со Щеголевым, одним из первых советских историков освободительного движения.

Прибегнув к помощи академика А. А. Шахматова, в 1910 г. получает книги из Библиотеки Академии наук заключенный одной из московских тюрем К. С. Шохор-Троцкий, до ареста работавший над описанием рукописей Л. Н. Толстого. Уже в 1913 г. в свет выходит его книга «Сютаев и Бондарев», в которой интересно рассказывается о влиянии этих крестьян на великого русского писателя.

«Я чаще стал задумываться над тем, что главное в человеке», — ловит себя на этой мысли Шахматов. Раньше все казалось ясным: полное подчинение главному делу своей жизни... Наука, творчество. Но этого так мало! Человек, не блистающий ни умом, ни образованием, может обладать великодушными душевными качествами, и эти качества способны привязать к нему другого человека больше, чем что-либо иное. Для меня, — размышляет ученый, — наиболее ценна их нравственность, и я, в сущности, всегда подхожу к человеку с вопросом, честен ли, главное, добр ли он? Добр ли той истинной добротой, что граничит с самопожертвованием, что неразрывно связана с его нравственными качествами?.. Такая доброта — удел сравнительно немногих людей...

Люди, близко знавшие великого ученого по совместной работе в университете, в особенности его студенты, с благодарностью вспоминают о шахматовской доброте, каком-то особом человеколюбии профессора. Никто не помнит, чтобы за те двенадцать лет, что Шахматов проработал в Петербургском университете, он хотя бы раз повысил

²⁹ См. Робинсон М. А. А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1971, т. 30, вып. 2, с. 156.

на кого-либо голос, рассердился. Только порой в его глазах мелькнет и гуд же исчезнет, уйдя глубоко в сердце, едва уловимая досада, огорчение.

Простота — особенность едва ли не каждого действительно великого человека. Есть горькая справедливость в словах, что в век, когда мы научились с такой высокой точностью прокладывать трассы к далеким планетам, нам все еще недостает умения правильно ориентироваться в мире повседневных земных понятий. Мы порою ложно принимаем грубость, бестактность за прямоту и откровенность. Вспомните, как восприняли вы слова писем: «Я утешаюсь тем, что мы скоро увидимся» (И. В. Ягич — Шахматову); «Чувство любви и уважения к Вам — вот что постоянно сопровождало мои занятия наукой» (Шахматов — Ф. Ф. Фортунатову); «Как Вам не стыдно думать, будто я забываю Вас! Редкий день проходит без того, чтобы я не вспомнил Вас...» (Ф. Ф. Фортунатов — Шахматову). Такие нежные слова этих великих людей рождались их нежными душами и никого из них не удивляли. Доброта Шахматова была как бы гармоничным продолжением доброты его первых наставников, подобно тому как его научное творчество вобрало в себя все лучшее, что создали его учителя — корифеи русской филологии.

Интересно наблюдать, как Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов обращаются друг с другом, сколько в их общении взаимного внимания, уважения, заботы и доброты.

Однажды в присутствии известного литературоведа, историка профессора П. Н. Сакулина друзья завязывают продолжительный спор по одному важному, но нерешенному лингвистическому вопросу. Прийти к единому мнению им не удается. И вот по прошествии двух-трех недель П. Н. Сакулин снова заходит к Фортунатову. Хозяин усаживает гостя, подсаживается к нему поближе и, прикоснувшись к плечу собеседника, радостно сообщает:

— А знаете, Павел Никитич, Алексей-то Александрович — ведь он со мной согласился! — И улыбается, довольный. Так глубоко дорожит учитель мнением своего великого ученика.

Очевидно, некоторые принципы работы с молодежью А. А. Шахматов заимствовал у своего учителя Ф. Ф. Фортунатова. Без сомнения, от его «четвергов» ведут свое начало шахматовские «субботы» и «воскресенья»: субботними ве-

черами он охотно принимает у себя студентов, а по воскресным утрам в помещении ОРЯС — начинающих ученых, друзей, почитателей, — словом, всех, кто хотел поделиться с ним мыслями, устлыть его доброе, мягкое, в то же время и решительное слово. Как видим, ученый не знает ни выходных, ни отпусков: ежедневно он работает по 10-12, а летом в деревне — по 15 часов в сутки. О бережном отношении ученого к своему времени свидетельствует его записка к приехавшему в ноябре 1911 г. в Петербург киевскому профессору И. П. Житцкому: «В среду у меня лекция до 3-х часов. Дома буду в 3¹/₂, и к этому времени жду Вас» (Одел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР, I, 40, 482).

Отношение студенческой молодежи к А. А. Шахматову передают строки приветствия ученому в 1913 г. по случаю двадцатипятилетия его научной деятельности: «В Вашем лице — перед нами не только передовой ученый, ставящий науку на уровень науки европейской, заставляющий европейский мир прислушиваться к ее жизни. Изучая язык, Вы вникаете и учите вникать и нас не в одну его мертвую плоть, но и в его живую душу; учите любить славянские языки и с ними жизнь славянских народов во всем их огромном многообразии; учите вносить в изучение их жизни гуманность и беспристрастие. Не менее, чем Ваши уроки, учит нас живой пример Вашей личности — пример ученого, гражданина и человека. Ваше всегда внимательное и душевное участие к студентам, и не только к их скромной работе, но и к многим тяжелым и горестным случаям студенческой жизни, еще и еще раз говорит нам, какого незаменимого руководителя и наставника мы имеем в Вашем лице. И теперь, в тяжелые для академической жизни дни, веря в будущее русской науки и в будущее нашего университета, мы неразрывно связываем нашу веру с верой в глубину и силу Вашей деятельности» (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, д. 401).

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ УЧЕНЫХ

Ученые, все те, кто занимается каким-либо исследованием, издавна знают, что никакой человек, будь то даже гений, не создает и не может создать ничего великого без глубокого и беспристрастного изучения накопленного,

открытого его предшественниками. Великий Исаа Ньютон говорил: «Я только потому стою высоко, что стал на плечи гигантов». Это образное выражение прекрасно характеризует принципы работы настоящего ученого. Этим принципом всегда, с первых шагов в науке, руководствовался Алексей Александрович Шахматов. Постоянное стремление повзрослеть, обсудить с кем-либо из близких, авторитетных для него ученых и/или иную мысль, теорию, гипотезу характеризует работу нашего замечательного лингвиста. И всегда мы находим ссылку, указание на то, что данное положение решено совместно с таким-то ученым, возникло в результате анализа работы такого-то.

Уже в первых сочинениях на темы истории Алексей Шахматов ссылался не только на научные первоисточники, он добросовестно отмечал книгу, в которой нашел такое-то указание (при этом даже несколько наивно пишет, что эта книга из библиотeki дяди). Такое бережное отношение к научным источникам ученый свято пронес через всю жизнь.

Чистота отношений с людьми, вера в их искренность, глубокое чувство привязанности к тем, в кого поверил, с кем сблизился, кристаллическая честность — вот черты, которые характерны для Шахматова-человека, Шахматова-ученого.

Достигнув звания академика, Алексей Александрович с таким же нетерпением ждал писем от своих учителей, как когда-то в гимназические годы ждал их от своих родственников. Остались такими же свежими, как и в юности, до предела обостренными чувства чистой, почти детской привязанности к хорошим людям.

«Почему-то так долго, больше трех недель, не пишет Федор Евгеньевич. Что-нибудь случилось? Или, быть может...» (Шахматову становится не по себе от этой страшной догадки, и он быстро садится за письмо Коршу. Слова, одно горнее другого, теснятся на бумаге.) «...Отчего Вы мне не отвечаете? ...Неужели я чем-нибудь Вас обидел или огорчил?» Этого — неслаженно обидеть или огорчить кого-то — Шахматов всегда боялся больше всего. «Мне невыносимо тяжело предположить, что я в чем-нибудь виноват перед Вами, так как когда же любить, кем дорожить, как не своими старыми учителями и друзьями?» — пишет он 2 ноября 1898 г. (Архив АН, ф. 558, оп. 4, сд. хр. 363, л. 62). Получив письмо Ф. Е. Корша, в котором он

пишет, что здоров, но, как всегда, совершенно нет времени, Шахматов отвечает: «Точно гора с плеч свалилась, когда получил Ване письмо, дорогой Федор Евгеньевич! Вам хорошо смеяться надо мной, а я много намучился» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, сд. хр. 363, л. 63).

С первых дней работы в Академии наук любовь Шахматова к ней и вера в нее поддерживаются надеждой, что в недалеком будущем в академии засияют два светила: Ф. Ф. Фортунатов и Ф. Е. Корш.

В марте 1898 г. Ф. Ф. Фортунатов избирают ordinарным академиком. Теперь А. А. Шахматов употребляет все свое влияние для того, чтобы привлечь в академию и Ф. Е. Корша. Для профессора Московского университета Корша избрание в академию было сопряжено с нежелательным переездом в Петербург, и Шахматов начинает хлопотать перед академией о дозволении Коршу выполнять обязанности академика, живя в Москве и лишь в необходимых случаях наезжая в столицу. В письмах к Коршу Шахматов рисует обширные перспективы деятельности ОРЯС: подготовка изданий сочинений Пущкина и Ломоносова, систематическое издание сочинений многих других русских писателей, составление энциклопедий по истории русской литературы, широкое изучение живых языков. Для успешного решения этих задач Отделению нужны люди сильные, с широким филологическим кругозором. Себя же Шахматов скромно считает малоподготовленным и малоспособным к настоящей академической деятельности.

В 1900 г. Ф. Е. Корша избирают в состав академии, хотя ученый продолжает работать в Московском университете. Такое совмещение по душе Шахматову: оно поможет оживить университетскую науку, пребывающую, по его убеждению, в почти полном разорении.

В деятельности академика Шахматова по привлечению в ОРЯС новых сил никогда нет чисто личных мотивов. Им всецело руководит стремление значительно усилить Отделение, о состоянии дел которого у него уже в 1901 г. складывается самое тяжелое впечатление. Причиной этого является равноводие многих членов академии к их общему делу, что приводит к ослаблению деятельности Отделения. Разочарование Шахматова отражается даже в письме к Ф. Е. Коршу: «Откровенно Вам скажу, что Вас я обвиняю еще больше других: кому многое дано, с того много и спросят» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, сд. хр. 363, л. 151).

Для раскрытия личности А. А. Шахматова показательны его отношения с А. И. Соболевым. Алексей Александрович не чувствовал особой доброжелательности к себе с его стороны. Конечно, не всякий бы смог, попав в положение Соболевского, смириться с тем, что его, уже едва не магистра наук, ставят в сложное положение неизвестный семнадцатилетний гимназист, который на восемь лет моложе диссертанта. После защиты диссертации А. А. Шахматовым отзыв А. И. Соболевского на нее в печати оказывается самым едким. Критику кажется, что автор диссертации не доказывает, а как бы изрекает, декларирует, смотрит на излагаемые им положения как на аксиому. «Как будто, — саркастически бросает А. И. Соболевский, намекая на земскую деятельность диссертанта, — общеславянский праздник нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, и все эти *ó, á, ä* могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд». А. А. Шахматов, несмотря на это отношение, благожелательно встречает многие труды выдающегося ученого в области истории русского языка и русской литературы, диалектологии, этнографии, ономастики и топонимики. В 1900 г. именно Алексей Александрович предлагает избрать А. И. Соболевского в ординарные академики. В «Записке» о его ученых трудах академик называет Соболевского прямым преемником великого Буслаева, лучшим специалистом по истории русского языка. С начала 90-х гг. этот ученый, подчеркивает Шахматов, справедливо считается одним из лучших знатоков не только русской, но и вообще всей славянской палеографии. Автор «Записки» выражает уверенность, что А. И. Соболевский займет достойное место в ряду российских академиков. После избрания Соболевского А. А. Шахматов направляет ему приветствие: «Радуюсь за Академию. Радуюсь и тому, что нам предстоит совместная работа над целым рядом задач, возложенных на Отделение» (Архив АН, ф. 176, оп. 2, д. 496).

В начале 1907 г. Ф. Е. Корш при поддержке А. А. Шахматова вносит предложение об избрании в академики великого украинского писателя Ивана Франко. Но правительство, в который раз осуществляя грубый нажим на академию, запрещает избрание в ее состав И. Я. Франко, мотивируя этот шаг «национальной политикой». Академик Шахматов гневно называет эту политику антинациональной.

Будучи председателем в ОРЯС, Шахматов стремится открыть дорогу в академию видному историку русской и западноевропейской литературы Н. А. Котляревскому, избрание которого состоялось в 1908 г.

Академик Шахматов явился вдохновителем целого ряда грандиозных начинаний Отделения русского языка и словесности: нового типа, с новыми принципами Словаря русского языка, издания «Известий ОРЯС», «Энциклопедии славянской филологии», «Памятников старославянского языка» и «Памятников древнерусской литературы», «Обзора трудов по славяноведению», «Описания рукописного собрания Академии», «Исследований по русскому языку», публикации «Трудов Московской диалектологической комиссии». А. А. Шахматов добился для Отделения прекрасной возможности оказывать материальную помощь молодым ученым, благодаря чему вокруг ОРЯС сформировался коллектив талантливых, многообещающих исследователей. Академику Шахматову принадлежит идея организации многочисленных научных экспедиций по России и за границу для собирания материалов по истории русской письменности, диалектологии, этнографии, фольклору с целью уточнения и составления карт, словарей, монолгий имеющихся научных коллекций. Шахматов борется за каждого сколько-нибудь талантливого человека, боится потерять его для отечественной науки.

В 1899 г. в ознаменование столетия со дня рождения А. С. Пушкина при ОРЯС учреждается особый Разряд изящной словесности. В качестве почетных академиков в него избирают известных писателей, критиков, публицистов, художников. В числе первых ими становятся Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, А. П. Челов, К. К. Арсеньев, В. В. Стасов.

Но и в рассмотрении этого вопроса А. А. Шахматов выдвигает свою идею, направленную на то, чтобы способствовать развитию литературы. По его мнению, ежегодное избрание в Разряд лишь шести почетных академиков прокладывает путь в академию только корифеям русской литературы, а между тем академию своим вниманием должна была бы нравственно поддерживать не только опытных, но прежде всего молодых писателей, начавших свой творческий путь со славою. На одном из заседаний ОРЯС академик предлагает значительно расширить приток в Разряд молодых творческих сил.

В феврале 1902 г. почетным членом Разряда становится гриднатиче-пирелетиний А. М. Горький. Присуждение академией заслуг революционно настроенного писателя с негодованием встречается Департаментом полиции, который давно установил за ним тщательный надзор, 6 марта досье на Горького препровождается лично императору. Тщательно просмотрев пухлую папку доносов на почетного академика, до крайности раздраженный, Николай II пишет в верхнем левом углу: «Более чем оригинально!» И слышно одно за другим следуют три заседания академии: в первом объявляют, что государь чрезвычайно огорчен избранием Пешкова, во втором — что выборы аннулируются, в третьем предписывается рассмотреть устав академии, чтобы впредь ни под каким видом подобного не повторилось. Уже на следующий день по личному приказу Николая II в «Правительственном вестнике» помещают сообщение об аннулировании результатов выборов. Делается это от имени Академии наук, хотя никто из академиков и не слышал о таком «решении» до появления его в печати.

В А. А. Шахматове, возмущенном правительственным распоряжением, борются два чувства: желание выйти с достоинством из того положения, в которое поставило академиков правительство, и боязнь навредить академии.

В знак протеста против отмены результатов выборов и публикации объявления от имени академии и видя, что с мнением академиков правительство не посчиталось, в апреле 1902 г. возвращает диплом академика В. Г. Короленко, а несколько позже — А. П. Чехов. Автор «Детей подземелья» гордо заявляет, что всякая человеческая власть кончается у порога личной совести и личного убеждения, а всякое мнение, по своей природе, имеет цену лишь тогда, когда оно независимо и свободно²¹.

Спустя 15 лет от имени академии А. А. Шахматов готовится приветствие великому пролетарскому писателю А. М. Горькому по случаю вторичного избрания его в почетные академики.

Но не только от известных ученых, деятелей науки проявляет заботу академик А. А. Шахматов. Он стремится помочь всем тем, в ком разглядел благородную трудовую суть. Всегда чрезвычайно скупой на похвалы, академик называет одного из своих университетских учеников —

²¹ См.: А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка М., 1921, с. 51.

А. Г. Бема выдающимся молодым человеком. В 1913 г., видимо не без помощи А. А. Шахматова, Бем становится сотрудником Рукописного отделения академической библиотеки, и в изданиях ОРЯС начинают печататься статьи и библиографические материалы молодого ученого. Кроме того, Бема привлекают к редактированию издаваемого Отделением «Обозрения трудов по славяноведению»

К осуществлению своих обширных научных замыслов А. А. Шахматов стремится привлечь талантливую молодежь. В 1902 г. в письме к профессору Т. Д. Флоринскому академик спрашивает, нет ли в Киевском университете студента, занимающегося или способного заниматься украинским языком. «Малорусский язык», — пишет он, — совсем неовладевшая нива. Она сильно нуждается в добросовестных и научно подготовленных работниках» (Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР, III, № 2158). Видимо, узнав от Флоринского о студенте Лукьяненко, Шахматов просит профессора поддержать в нем интерес к украинскому языку и предлагает молодому человеку принять участие в давно задуманном издании всех южнорусских, в том числе и галицко-волыньских, грамот XIII—XV вв. (там же, III, № 21586). В другой раз А. А. Шахматов пишет Флоринскому о студенте Киевского университета Лободе и просит не лишать его стипендии. Судя по всему, Лобода получал стипендию от Академии наук, выдававшуюся особо талантливым молодым людям из остатков академического фонда, но фонд этот не был стабильным и в любое время мог исчерпать себя. Поскольку в этом случае лишение студента университета стипендии могло привести его к полному безденежью, А. А. Шахматов решил сообщить Флоринскому о характере академической стипендии.

Особое беспокойство проявляет ученый о профессорах, ставших жертвами репрессий царского правительства. В 1896 г. к составлению Словаря А. А. Шахматов привлекает студента Петербургской духовной академии Д. И. Абрамовича, который уже через год под руководством академика готовит к печати сборник литературных трудов Нестора-летописца, ставший впоследствии частью его магистерской диссертации. Молодой человек становится заведующим кафедрой русского и старославянского языков в своем родном учебном заведении. Но ядром за неблагодарность его увольняют со службы. Одним из первых

узнает об этом Шахматов и сразу же сообщает Ф. Е. Коршу: «Абрамович — очень ценный человек для науки, его надо поддержать и сохранить для нас... Теперь он без средств к существованию». Благодаря личным хлопотам Алексея Александровича Абрамович не только находит работу, но и обретает душевное спокойствие, без которого так тяжело заниматься наукой. В советское время Д. И. Абрамович становится известным ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В период революции 1905 г. Новороссийский университет в Одессе становится центральным местом сходок рабочих, студенческой молодежи. В октябре здесь почти ежедневно проводятся многотысячные митинги. 18 октября демократически настроенный ректор университета профессор И. М. Занчевский, выражая волю масс, требует от прокурора освобождения из тюрьмы политических заключенных. В результате сотни людей получают свободу. Занчевскому приходится расцелиться за этот шаг потерей не только должности ректора, но и профессора университета. Лишь только эти известия доходят до А. А. Шахматова, он тотчас же запрашивает мнение одесского профессора И. А. Линниченко, не следует ли Академии наук войти с просьбой к царю о помиловании И. М. Занчевского и возвращении его в профессорскую среду.

В 1911 г., в связи с накалом политических страстей в Петербургском университете, министр народного просвещения принимает решение перевести профессоров столичного университета М. Я. Пергамента в Юрьевский и И. А. Покровского в Харьковский университет без согласия самих профессоров, оставляя без всякого внимания ходатайство Совета университета об оставлении ученых в Петербурге. По просьбе Совета А. А. Шахматов составляет два проекта обращения к министру. В них он пишет о недопустимости подобных шагов: эти меры правительства могут иметь крайне отрицательные последствия для настроения в среде преподавателей, ибо в такой обстановке невозможно спокойно работать, а это неминуемо нанесет ущерб всем, кто идет в университете наук и просвещения.

В качестве протеста против бесцеремонного обращения с учеными М. Я. Пергамента и И. А. Покровского, не подчинившись требованиям министра, демонстративно уходят из университета. Приветствуя их решение от имени группы профессоров, А. А. Шахматов подчеркивает, что своим

мужественным отказом подчиниться произволу министра они подыали чувство общего возмущения до той высоты, при которой оно является источником гордости и удовлетворения. В представлении Шахматова, решение его коллег — это шаг, которому должен следовать каждый ученый, оказавшись он сегодня в таком же положении (Ленинградское отделение Архива АН, ф. 134, оп. 1, л. 249, л. 7). К пользующемуся всеобщим уважением крупному ученому, неоднократно честно и справедливо человеку, к Алексею Александровичу не раз прислушиваются, всецело доверяя его политическому такту и опыту, и в академии и в Совете Петербургского университета. Он является автором важнейших политических документов, его неоднократно избирают представителем в депутациях университета к министру народного просвещения.

Многолетняя дружба связывает академика Шахматова с профессором И. А. Бодуэном де Куртенэ, выдающимся языковедом-славистом, замечательным педагогом, оригинальным ученым, одним из виднейших полиглотов, знатоком многих языков, организатором многих научных начинаний XIX—XX вв. Основными направлениями в научной деятельности Бодуэна де Куртенэ были славянское, в частности польское и русское, языкознание, а также общее языкознание. Почти этого, Бодуэн де Куртенэ оставил много работ по славянской диалектологии. Шахматова привлекали в ученом широта и глубина его научных исследований, оригинальность теоретических положений. Но не только ученый, исследователь привлекал Шахматова в Бодуэне де Куртенэ. Сходясь с тем или иным человеком, Шахматов интересовался его человеческими качествами. И здесь во многом Алексей Александрович увидел свою близость с ним в позициях, принципах. Шахматову импонировали человеческое обаяние ученого, его нравственная чистота, умение уважать достоинства других людей и почти безграничное доверие к людям. Одной из наиболее характерных для Ивана Александровича черт Шахматов считал его прямоту и откровенность; ложь Бодуэн де Куртенэ, как и Шахматов, считал преступлением, хитрости же или уклончивости абсолютно не принимал, из-за чего ему и приходилось много страдать в жизни.

В 1913 г. за опубликование брошюры «Национальный и территориальный призыв в автономии», обвинившей шовинизм российского правительства, профессор Бодуэн

де Куртенэ попадает на скамью подсудимых. Его обвиняют в «распространении сочинения, заведомо призывающего к учинению бутловщического деяния и заключающего в себе ложные о деятельности правительственных установлений сведения...» Вместе с рядом соратников и единомышленников осужденного профессора в борьбу за достоинство этого человека, в хлопоты об облегчении его участи включается и А. А. Шахматов. Он испытывает чувство истинной радости, когда друзьям удается добиться сокращения срока заточения профессора с двух лет до трех месяцев.

Доброжелательность Шахматова к людям кажется прямо-таки беспредельной. Когда в Петербург приехал из Саратова мурвин М. Е. Евсевьев, академик, проведя с ним всего один вечер, отъезжает о нем как о прекрасной личности и выражает желанную надежду повидаться с ним еще.

«Проникаюсь всеобщим уважением к Бобровникову. Какую добрую память он оставил по себе в Казани», — отъезжает ученый о другом «провинциальном» деятеле просвещения. В конце XIX в. в Казани начала работу так называемая переводческая группа православного миссионерского общества, определившая своей главной задачей не распространение христианского вероучения, а повышение образованности и культуры национальных меньшинств, и прежде всего молодежи. Наиболее активную просветительскую деятельность развернул именно Н. Бобровников, сумевший накопить большой опыт обучения русскому языку детей разных национальностей.

Следует особо отметить, что А. А. Шахматов в оценках людей соединял доброжелательность с требовательностью. Будучи требовательным к себе, Шахматов требовал и от окружающих. Он убежден, что чем блистательнее, глубже ученый, тем более обстоятельной и быть может, даже суровой критике должен быть подвергнут его научный труд. Когда опубликованное профессором Казанского университета Е. Ф. Будде (одним из интереснейших ученых начала нашего столетия) исследование «К истории великорусских говоров» выдвигают на Ломоносовскую премию Академии наук, А. А. Шахматов в отзыве на эту работу, отмечая выдающиеся ее достоинства, подчеркивает, что именно у а в а ж е н и е к автору и его труду побуждают рецензента высказаться по вопросам, неудовлетворительно

разрешенным в разбираемом сочинении. Эта же мысль — и в рецензии на работу хорватского ученого Милана Решетара об ударении в юго-западных сербскохорватских диалектах. Рецензенту, пишет А. А. Шахматов, пришлось остановиться на недостатках исследования г. Решетара дольше, чем от этого хотел, ввиду «в д а ю щ и х с я достоинств этого труда».

Будучи Председателем ОРЯС, академик Шахматов фактически руководит всей славянской филологией в России, объединившей и опытных, ярких ученых, держащих, подобно атлантам, на своих плечах всю тяжесть лингвистической науки, и талантливую молодежь, только ступающую на этот тернистый путь. Однако ученый испытывает глубокое отвращение не только к любым формам возвеличивания своей личности, но даже к бездумному подчинению его мнению. Для Шахматова в научной работе не было ничего выше авторитета науки, только этот авторитет объективен и предельно доказателен. Во время выступления в 1914 г. в качестве официального оппонента на магистерском диспуте М. Д. Приселкова в Петербургском университете академик ставит в упрек диссертанту... принятие им некоторых научных положений Шахматова без критического их осмысления. «Автор, — говорит оппонент, — должен был бы стать в теснейшую непосредственную связь с основным для него источником — русской летописью, между тем он поставил между этим источником и собой мое исследование... летописные тексты приводятся им по моему предположительному (разрядка моя.— В.М.) чтению...»

Следует сказать, что А. А. Шахматова не раз упрекают за его склонность к гипотезам, нередко действительно слишком смелым. Но эти гипотезы всегда строятся на богатейшем фактическом материале, в котором ничто не остается без пристального внимания исследователя, как бы это ни противоречило сконструированной им теории. К чести ученого, сам он всегда умеет мужественно отказаться от своих построений, если под натиском новых фактов они вступают в противоречие с ними.

В декабре 1912 и апреле 1913 г. А. А. Шахматов с научной целью совершает поездки в деревню Лека Рязанской губернии. Во время этой экспедиции академик знакомится с 29-летним местным жителем И. С. Гришкиным. Людей общительных, интересных, любознательных, гостеприим-

ных в русских селах много. Но Гришкин оказывается особенным: он прямо-таки врожденный лингвист. Крестьянин уже с детства различает в своем говоре звуки [o] и дифтонг [yō], [e] и *é* — «закрытое» [é]. Он сообщает Шахматову несколько своих наблюдений над местной фонетикой. Ученому не удалось утратить от крестьянина истинных целей своего приезда в Дему, и они вместе, академик и простой крестьянин, составляют списки слов, в которых слышатся местные звуки. Публикуя вскоре описание лексического говора, Шахматов чистосердечно сознается в том, что в целом ряде слов он не сразу услышал различия между некоторыми гласными звуками и что указал ему на них местный крестьянин. «В основании сообщаемого здесь описания положены мои записи. Но самое существенное, — подчеркивает автор статьи, — заимствовано из того письменного и устного материала, который доставил мне Гришкин. Приношу ему мою глубокую благодарность. Без его помощи я не разобрался бы в особенностях лексического говора». Конечно, здесь не обошлось без значительной доли преувеличения со стороны крупнейшего русского диалектолога начала века.

Рассказывают, что как-то, будучи в Москве, едет Алексей Александрович на извозчике и разговаривает с ямщиком. И вдруг обращается к вознице:

— А ведь ты, братец, из Рязанской губернии.

— Да разве, барин, ты меня знаешь? — удивился ямщик.

Барин не знал его и видел впервые. Но зато он настолько хорошо знал русские говоры, что мог, поговорив с собеседником всего лишь несколько минут и вслушавшись в его речь, без труда определить, из каких он мест родом и где жила в последствии, — точь-в-точь, как профессор фонетики Генри Хиггинс в пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион».

Доброй памятью скончавшихся учителей и коллег попящает ученый строки своих писем и многие некрологи. Его надгробное слово — это не дань традиции de mortuis aut bene, aut nihil (о мертвых следует говорить хорошее или ничего не говорить). Он говорит о покойном потому, что не может не сказать о его облике и деяниях, наших с ним созвучие в его собственном духовном мире. Пожалуй, в этом разгадка того, что замечается поразительная общность между достоинствами тех, чья память академик чувствует, и его собственными личными и научными качествами.

Об ученой деятельности скончавшегося в 1899 г. академика А. Ф. Бычкова А. А. Шахматов предельно емко говорит: «Труды, исполненные А. Ф. Бычковым, были бы под силу только десяткам труженников». Можно ли коротко определить титанический труд Председателя Археологической комиссии, директора Публичной библиотеки в Петербурге, Председателя ОРЯС, автора многих описаний и публикаций памятников русской письменности, неисчислимых работ по истории русской литературы, лексикографии, археологии, нумизматике? После смерти же в 1906 г. преемника Бычкова по ОРЯС академика А. И. Веселовского, выдающегося русского филолога, Алексей Александрович скорбит о нем в письме к Ф. Е. Коршу: «Очень грустно мы проводили Веселовского в могилу. Какую страшную силу мы потеряли! ...Нахожусь под обаянием его эрудиции и талантливости» (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 366, л. 269).

Вспоминая о своем великом учителе Ф. Ф. Фортунатове, Шахматов восхищается его страстностью в поисках им научной истины, напряженной, иногда мучительной работой над ее постижением. Фортунатов всегда представлял подопечному полную свободу, не стремился убеждать, не пытался учить или перучивать его. «За всем этим обнаруживалась такая умственная сила и научная мощь, — писал А. А. Шахматов в некрологе в 1914 г., — что эти устные беседы имели для собеседников Фортунатова необходимое значение; из собеседников они становились его учениками». Чуждый пустого самолюбия Ф. Ф. Фортунатов, уча дружил, был всегда готов переучиваться и сам. Эту же черту А. А. Шахматов высоко ценит и в покойном В. Ф. Миллере: «Он, — ищет академик, — никогда не упорствовал в своих ошибках, быстро исправляя их, забывая и свое личное я, и свое ученое самолюбие. В спорах с научными антагонистами всегда было видно что высокое уважение к чужому мнению и неизменное доброжелательство к людям».

Патриотизм, гражданственность, глубокое уважение к прошлому не только русского, но и всех славянских народов особенно ценятся А. А. Шахматовым в деятельности крупных языковедов России.

Говоря об усилиях Ф. Е. Корша, направленных на создание прочных братских связей между всеми славянами и удвоенных аналогичной деятельностью самого академика Шахматова, Алексей Александрович с гордостью заключает:

«Надгробные венки и живое сочувствие сербов и чехов свидетельствовали о нем, как о друге славянства, надгробные венки, поминальные речи и статьи малорусов назвали его другом украинского народа. Мы со своей стороны с полным правом можем воскресить светлую память о нем, как о достойнейшем представителе нашего народа, ...доказавшем, что великорусам под силу справедливое, беспристрастное разрешение и общерусских и общеславянских задач».

В деятельности академика В. И. Ламанского, по словам А. А. Шахматова, тесно сжились интересы ученого и публициста. Ламанскому всегда было ясно, что личное счастье и благополучие нельзя отделить от величия и благосостояния народа и отечества.

В. И. Ламанский всегда осуждал ошибочную политику наследственного насаждения русского языка между нерусскими народами России. Ему вообще была глубоко противна политика насилия, и в особенности насилия над духовной совестью. И в этом В. И. Ламанский был похож на А. А. Шахматова!

В. И. Ламанскому, этому, по словам А. А. Шахматова, «гордому сыну России», было невыносимо то презрительное отношение, которое Европа издавна проявляет к своим восточным братьям. Покойный всегда давал горячую отповедь такому презрению. Он постоянно напоминал, что славянский мир юн в сравнении с другими народами. История кельтов, подчеркивал В. И. Ламанский, начинается с IV—III вв. до н. э., германцев — со II в. до н. э., отдельных же славянских групп — только с VI—VII вв. н. э. Рождение государства у кельтов относится ко II в. н. э., у германцев — к IV—V вв., а у славян — к середине IX в. Таким образом, XIX век для славян стал тем же, чем были для романо-германской Европы XIV—XV века. И в то же время славянскому миру всегда приходилось быть стеной, запирающей Запад с востока. Славянам много раз приходилось вести борьбу с иноплеменными поработителями.

Не только А. А. Шахматову — всем даровано умение находить добрые, проникновенные слова о дорогом человеке. Но не каждый способен захоронить где-то глубоко в себе собственное неутоленное горе и не делиться им со своим близким, боясь причинить ему излишнюю боль. Если это редкое качество можно назвать душевным талантом, то Шахматов, без сомнения, обладал и им: он всегда

избегал говорить с кем бы то ни было о своих личных переживаниях. Даже о смерти в 1910 г. своего маленького сына в письме к истинно близкому человеку Ф. Е. Корину Алексей Александрович пишет скупно — всего лишь слов: «Четырнадцатого ноября скончался сын Сашенька». И сразу же — о деле, о возможных трудностях при предстоящем избрании в академию В. Ф. Миллера (Архив АН, ф. 558, оп. 4, ед. хр. 363, л. 386).

Знаменательно признание замечательного советского ученого, члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева, прошедшего путь от простого учителя до известного ученого, ставшего одним из руководителей советской рунистики. Именно А. А. Шахматову принадлежит, по собственному признанию В. И. Чернышева, заслуга в том, что он стал истинным ученым. С первых шагов в науку Алексей Александрович руководил им, помогал, советовал, направлял научную деятельность простого учителя, увидев в нем талант исследователя. Для Шахматова было характерно стремление «при всех возможных случаях сближать друг с другом научных сотрудников, работающих по одной специальности. И нужно признать, что эти попытки товарищеского сближения молодых работников науки имели видимый успех. В окружении А. А. Шахматова были естественны несогласия и споры, но не наблюдалось ни эгоистического соперничества, ни тем более личной вражды, затемняющей сущность научной истины. Взаимная нетерпимость, несдержанные пререкания между специалистами бывали и будут, но их не было около А. А. Шахматова» (Чернышев В. И. Избр. труды. М., 1970, т. 2, с. 664).

Один из интересных языковедов XX в. — П. А. Расторгуев, близко знавший академика А. А. Шахматова и некоторое время пользовавшийся его руководством в своих научных трудах, так написал о нем: «Глубокой искренностью и чем-то возвышенным, в высокой степени благородным веяло от него, — и всякий раз после встречи с ним у меня надолго оставалось такое впечатление, какое оставляет по себе великое художественное произведение с какой-нибудь высокой идеей, словно в разговоре с ним я соприкасался с чем-то неизмеримо прекрасным». Таким был всегда и во всем Шахматов человек и Шахматов-ученый.

ЛЕТОПИСЕЦ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В изучении русского летописания академик А. А. Шахматов стал тем, кем явился А. С. Пушкин в русской литературе, М. И. Глинка — в русской музыке, а К. Э. Циолковский — в аэродинамике и теории ракетостроения. До Пушкина в русской литературе творили замечательные поэты и прозаики, но лишь его гению оказалось под силу стать эпохой в русской словесности, не только выработав нормы литературного языка, но и щедро раздарив миру прекрасные «нерукотворные» образцы.

В изучении летописи А. А. Шахматов также не был первым. Начало научного исследования русского летописания связывают у нас с именем В. Н. Татищева (1686—1750), опубликованного в 1739 г. в составе своей «Истории Российской» пересказ летописей по годам. Он первым обнаружил в летописях разночтения, противоречия и попытался объяснить их причины. Создание русской летописи представлялось В. Н. Татищеву чем-то вроде эстафеты, когда одна и та же летопись последовательно переходила от одного летописца к другому. Ошибочность такого представления была раскрыта в 1820 г. П. М. Строевым: «Каждый век и каждое значительное княжество имели своих, почти непрерывных летописателей; даже и в некоторых обителях вели частные монастырские записки. Из сих-то отдельных бытосаний составлялись по временам общие сборники, или своды. Многие из дошедших до нас летописей представляют собою соединение различных источников, еще более древних, часто относящихся к другим территориям; они, если использовать образное выражение современного исследователя А. Г. Кузьмина, представляются не деревом, идущим от одного корня, а рекой, вобравшей в себя множество ручьев (см.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 33). Конечно, важно и безынтересно знать, из каких «ручьев», где и когда образовалась эта могучая река, названная нашими предками «Повестью временных лет» и поведавшая миру о жизни множества поколений русских людей.

В решении всех этих и многих других вопросов вот уже более 200 лет ученые сталкиваются с бесчисленным множеством трудностей, связанных как с проблемой достаточности находящегося в распоряжении исследователя материала, так и с методами и конкретными приемами их интерпрета-

ции, установленным хронологической последовательности включения текстов в тот или иной свод, а также нахождения какого-то более древнего общего источника. Так что А. А. Шахматов, приступая к своим первым исследованиям летописи, хорошо знал, что погружается в морскую пучину, борьба с которой обещает быть нелегкой, и, надо сказать, он шел на это не только сознательно, но и с душевным подъемом, с научной страстью.

Говоря о научной деятельности А. А. Шахматова, наш современник — академик Д. С. Лихачев сравнивает его с ученым, который, сидя однажды со своим учеником в саду, провел палочкой на песке черту и спросил молодого человека: «Как показать, что эта черточка коротка, не зачеркивая ее и никак ее не задевая?» Ученик размышлял долго, но ответить так и не смог. Тогда ученый нарисовал рядом еще одну черту, длиннее первой, и сказал: «Только так!» (см.: Лихачев Д. С. Шахматов-текстолог.— Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1964, т. 23, вып. 6, с. 481). А. А. Шахматов не подчеркивал достижений других исследователей летописи, правда, следует отметить, что во многом, за что здесь браис ученый, он оказался первым. Однако даже в то, что привлекало ранее внимание других ученых, А. А. Шахматову удалось внести нечто свое, оригинальное, заставлявшее иначе рассматривать то или иное явление, благодаря чему он стал признанным родоначальником особого, «шахматовского» периода в летописеведении.

Первый шаг на пути всестороннего и углубленного изучения обширной истории летописания сделан был Алексеем Александровичем еще в 1879 г., когда гимназистом 5-го класса он принялся за филологическое изучение сочинения Нестора «Житие Феодосия Печерского». Деятельности полюбившегося ему писателя — монаха Печерского монастыря в Кисве (название происходит от древнерусского *пещера* — пещера) молодой ученый посвятил затем, как мы уже говорили, и одну из пробных лекций в Московском университете. С изучением личности киево-печерского монаха Шахматов связывал вопрос о его истинном и мнимом литературном наследии. Для успешного решения этой задачи требовалось оперировать максимально возможным числом древнейших летописных документов, проводить их систематическое сопоставление, искать пути раскрытия индивидуальной писательской манеры древних авторов, анализировать цели их деятельности и политические воззрения.

Результатам всей этой работы Шахматова можно лишь изумляться. Так, лишь в одном 1897 году в Обществе любителей древней письменности он выступил с докладом об авторе и времени составления летописного свода «Повести временных лет», опубликовал два больших исследования о начальном киевском летописном своде и в созданном в Киево-Печерском монастыре Патерике — сборнике повествований о чудесной жизни тех, кто прославил печерскую монашескую обитель (ср. лат. *pater* — отец), и его отношении к Печерской летописи. В этом же году им была напечатана работа, явившаяся результатом тщательного сравнения разных редакций, то есть сознательных переработок «Повести временных лет».

В определении исторической и филологической судьбы летописного документа для характеристики личности летописца вряд ли можно переоценить значение осведомленности исследователя летописей в хронологических параметрах изучаемого памятника письменности: о времени внесения в него той или иной записи, исправления или уточнения текста, хронологии создания сводов и т. д. Но, к сожалению, в распоряжении ученых не часто оказываются даты, а если они и есть, то далеко не всегда можно безоговорочно поверить в их надежность. Публикуя в 1897 г. блестящее исследование о начальной дате летописи, Шахматов понимал, что нельзя восстановить ее действительную историю эпизодическими наблюдениями над хронологией памятника: для этого потребуются систематическое и полное изучение хронологии «Повести временных лет». И уже в этом же году академик обнародовал в научной печати свои выводы по этому вопросу.

Анализируя летописи, А. А. Шахматов смотрит на летописные своды не как историк, стремящийся извлечь из них лишь сведения о различных сторонах жизни предков. Впервые в отечественной науке он подходит к ним как филолог, для которого эти своды — историко-литературное явление, важный памятник духовной культуры русского народа, памятник, интересный для языковеда. Взгляд на летописный свод как на законченный плод литературного творчества обязывает исследователя путем планомерного сравнения сопоставления общего и частного во всей совокупности летописных текстов стремиться к воссозданию не дошедшего до нас летописного первоисточника. Сам А. А. Шахматов назы-

вал такой метод сравнительно-историческим: в своих основных чертах он сблизился с одноименным методом исторической лингвистики.

Начав с поисков первоисточков русского летописания, академик А. А. Шахматов должен был приняться за дело и о исследовании и всех более поздних этапов его истории, ибо в противном случае картина летописания в интерпретации ученого не предстала бы в виде законченной системы. В 1900—1901 гг. Алексей Александрович опубликовал большое исследование «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.».

Для нас, живущих в конце XX в., стало обычным точное научное предвидение. Никто уже не удивляется, когда в зарание предсказанную минуту происходит солнечное или лунное затмение, когда стыкуются в безбрежном космическом океане земные корабли. Но для астрономической науки 1845 г. были великим событием предсказания французского ученого У. Ж. Леревье о существовании не открытой еще планеты и вычисление ее положения в космосе. Прогноз Леревье полностью подтвердился с открытием в следующем году планеты Нептун. В химии более 100 лет назад великий Д. И. Менделеев на основе открытой им периодической системы не только исправил наши представления об атомном весе некоторых известных элементов, но и предсказал существование в периоде элементов, которых наука в ту пору еще не знала.

Куда сложнее делать предсказания в науке о языке, ибо к языку из-за его сложности, многоплановости, влияния на него социальных факторов неприменимы законы математики в той мере, как это наблюдается в точных науках. Тем весомее кажутся известные факты лингвистического предвидения. В 1878 г. двадцатилетний швейцарский студент Лейпцигского университета Фердинанд де Соссюр впервые высказал гипотетическое суждение о существовании в индоевропейском языке особого гласного звука неопределенного тембра [ə]. А много лет спустя, в 1927 г., это предположение было подтверждено польским языковедом Ежи Курловичем по отношению к фонетической системе существовавшего в XVI—XII вв. до н. э. хеттского языка, начало изучению которого положила в 1915 г. расшифровка текстов этого языка чешским ученым Б. Грозным.

Академику А. А. Шахматову принадлежит блестящее научное предвидение в истории русского летописания.

В процессе изучения состава Ростовской летописи он убедился, что этот памятник есть результат объединения двух самостоятельных сводов: составленного в 1539 г. Новгородского свода и свода Московского, который был предположительно датирован ученым 1479 г. И не потомкам, а уже самому автору гипотезы вскоре удалось отыскать рукописи обоих указанных сводов, подтвердивших правильность гипотезы, в Публичной библиотеке в Петербурге. Этот факт — прекрасное свидетельство глубины, тонкости шахматовских приемов исследования летописной истории.

В 1908 г. ученый публикует «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» — великозачинное исследование о «Повести временных лет». По оценке академика Д. С. Лихачева, в этой работе Шахматов «дал блестящий анализ исторической достоверности различных летописных и вне-летописных сведений, дал исключительно тонкую характеристику политических идей, отразившихся в летописных сводах, бросил новый свет на всю русскую историю IX — начала XII в.» (Лихачев Д. С. Шахматов-текстолог, с. 484). То, что изучалось Алексеем Александровичем в течение всей творческой деятельности (сказания, поучения, жития, былины, произведения византийских писателей Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Константина Багрянородного) и могло некоторым показаться случайным, лишенным строгой систематичности, теперь предстало перед всеми в строгой последовательности и продуманности исследований А. А. Шахматова.

В 1916 г. выходил в свет реконструирующий ученый сводный текст «Повести временных лет». Несмотря на то что автору пришлось разубериться в возможностях полного восстановления первичного текста во всех его деталях, сделано им на этом пути было все же исключительно много.

Установив по летописным записям феодальный центр, в котором создавался список или свод, А. А. Шахматов стремится выяснить сущность политических взглядов, убеждений, сущности его автора. При этом ученый исходит из убеждения, что изменения, вносимые в текст летописей позднейшими летописцами, не обусловлены какими-то случайностями, а являются следствием тенденциозности, политической или церковной предвзятости автора. Уже в Древней Руси на летописи смотрели как на произведение историческое. Она служила средством политического воспитания, формировала национальное самосознание русского на-

рода, была высшим авторитетом для князей при улаживании их территориальных споров о вотчинах

А. А. Шахматов не разделяет пушкинских представлений о летописце, спокойно зрячем на правых и неправых. «Рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, — пишет ученый, — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы, если летописец был монахом, то тем большую свободу давал он своей пристрастной оценке, когда она совпадала с интересами родной общины... монастыри становились и вотчинными архаивами и политическими канцеляриями князя» (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XVI).

С помощью логико-смыслового анализа Шахматов приходит к выводу, что каждый из киевских сводов летописи тесно связан с определенными составителями и вполне определенной церковно-политической тенденцией.

В 1073 г. в стенах Киево-Печерского монастыря создается Печерский свод летописи. В 1093—1095 гг. игумен Иоанн работает здесь же над вторым Печерским сводом, основу которого составляет его же свод-предшественник. В новом своде отражено недовольство начавшим княжить в Киеве князем Святославом, который не обладал способностями правителя и не сумел расположить к себе народ. Следующий свод выходит из-под пера летописца в этом же монастыре в 1111 г. Его создает монах Нестор, уже завоевавший к этому времени известность такими произведениями, как «Житие Феодосия» и «Чтение об убийстве Бориса и Глеба». По глубочайшему убеждению А. А. Шахматова, этот свод и есть собственно «Повесть временных лет» в ее первоначальной редакции. Интересно проследить за ходом мысли исследователя летописей.

У него нет абсолютно никаких сомнений, что автор «Повести» принадлежал именно к этому монастырю, иначе бы он не смог рассказывать о событиях в обители так детально, как мог писать лишь заинтересованный очевидец: в 1096 г., повествуя летописец, пришел половец в Печерский монастырь, сожгли дом святой владимирчичи нашей Богородицы, пришли к церкви и зажгли двери, обращенные к югу, и другие, что выходили на север. И т. д.

Этот свод составлялся не только при княжении Свято-

полка, но и по его повелению: князю нужно было оправдаться перед современниками и потомками за свою недалекость, соединенную с жестокостью и корыстолюбием. Но подтверждается ли эта шахматовская гипотеза самим текстом? Оказывается, да. События времени княжения Святополка излагаются особенно подробно. Видимо, князь был близок к Печерскому монастырю и заботился о его интересах. Нестор сообщает, что в 1108 г. князем Святополком была заложена златоверхая церковь святого Михаила. «В семье лѣтъ ... Богъ ... нача възъѣхати князю Святопѣку да бы вписати Феодосия въ синодикъ; и радъ бывъ, общася се сътворити...» В том, что сам бог призвал Святополка «вписать Феодосия в синодикъ», то есть объявить его святым, и князь обещал это сделать, А. А. Шахматов не без оснований видит благожелательное отношение летописного свода к князю и желание возвысить Святополка.

Продолжая изучение летописи, А. А. Шахматов связывает следующую по времени обработку «Повести временных лет», произведенную в 1116 г., уже с Выдубецким монастырем в Киеве. Теперь истинно выдающееся место отводится в ней князю Владимиру Мономаху, во время как деяния умершего князя Святополка отодвигаются на второй план, в тень. Из этого свода читатель узнает о том, что в 1098 г. приходили половцы к князю Владимиру, чтобы заключить с ним мир. Но ведь ясно, что в борьбе с половцами участвовало несколько князей и переговоры вряд ли могли вестись без великого киевского князя Святополка. Не следует забывать, что игумен Сильвестр был лицом, очень близким Мономаху: не случайно в 1118 г. князь облачает его в сан епископа в Переяславле — вотчине самого Мономаха.

В угоду церковно-политической традиции возвеличивания своего князя-покровителя Сильвестр даже прибегает к пропуску отдельных мест Несторова свода. Шахматов умело обнаруживает явную прерванность предложения, написанного Нестором Так, под 1104 г. Сильвестр сообщает: «Того же мѣсяца в 18 днь Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ (то есть стал править княжеством). Се же скажем...» Последняя недосказанная фраза требует продолжения, настраивает на изложение какой-то хоя и новой мысли, но связанной с предшествующим содержанием. А тут вдруг продолжение: «Сего же лета исходяща, посъла Святопѣкъ Путятю на Мъньскъ», то есть «На исходе этого же лета послал Святополк Путятю на Минск...»

Такой тщательный, пословный анализ текстов дал ученому не только возможность восстанавливать биографии, определять политические интересы и склоности далеких предков, но даже делать заключение об отдельных чертах их характера. Нестор-летописец представляется ему личностью, далеко не безразличной к своей литературной славе. Об этом говорит хотя бы такой факт: летописец сам подчеркивает свое авторство в «Житии Феодосия» и в «Сказании о Борнсе и Глебе», ставит свое имя в заглавии «Повести временных лет»: «Нестора черноризца Феодосиева монастыря Печерского». В самой «Повести» под 1094 г., описывая перенесение мощей Феодосия, Нестор уже в начале рассказа четыре раза употребляет личное местоимение *я* (я), и все начало рассказа ведется от первого лица. «Это так согласуется с авторским честолюбием Нестора», — подчеркивает А. А. Шахматов.

С истинным мастерством определяются ученым позднейшие вставки в тексте летописи. Иногда ему помогают в этом допущенные летописцами грамматические ошибки. В «Повести» рассказывается о том, что после смерти князя Игоря остались княгиня Ольга с маленьким Святославом, «и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свенелдъ...» (дословно: «и кормилец его Асмуд, и воевода бѣ Свенелдъ»). По нормам русского языка при перечислении с помощью союза *и* связка *бѣ* является излишней: она фактически создает новое, самостоятельное предложение. На основании этого Шахматов склоняется к мысли, что упоминание о Свенелде — факт более поздний. Истинность вывода подтверждает еще одна фраза этого же фрагмента: «И рече Свенелдъ и Асмолдъ» («И сказал Свенелд и Асмолд»). Составитель, видимо, добавил от себя имя *Свенелдъ*, забыв при этом придать глаголу *рече* (говорить) форму множественного числа.

Немалое место в системе исследовательских приемов А. А. Шахматова занимает расшифровка хронологических указаний. Нам не стоило труда привести даты создания различных сводов летописи. Но прежде чем сегодня наука получила возможность так легко оперировать ими, многим ученым, и в числе первых из них А. А. Шахматову, пришлось приложить немалые усилия, проявить изобретательность, соединив творческую фантазию с предельной точностью научного анализа. Что, например, дало основание Алексею Александровичу считать, что окончание рабо-

ты над третьей редакцией летописи относится к 1118 г? Оказывается, его внимание привлекла короткая фраза: «А Володичерь князя гьта 4». Значит, ко времени создания памятника Владимир Мономах ходил в киевских князьях не более четырех лет. Если он «сел на киевский стол» в 1113 г., редакцию следует датировать периодом не ранее пятого года его княжения, не так ли? Кроме того, интересен еще один факт: в перечне живущих сыновей Мономаха летописец почему-то не приводит имен Святослава и Романа. Почему же? И почему только их? Быть может, ко времени создания свода их уже не было в живых? Действительно, Роман умер в 1118 г., спустя четыре года после смерти Святослава. Теперь ясно, что редакция памятника не могла создаваться ранее 1118 г., иначе по крайней мере имя Романа было бы включено в список ближайших потомков Мономаха!

В другом случае для определения времени написания памятника письменности ученый удачно использует даты рождения. В родословной, помещенной в так называемой Ростовской летописи, из сыновей царя Ивана Васильевича названы последними Василий (род. в 1479 г.) и Юрий (род. в 1480 г.), но мы не находим в ней имен Дмитрия и Семена, родившихся соответственно в 1482 и 1487 гг. Читатель, бесспорно, сам уже решил, когда могла создаваться эта летопись: не ранее 1480 и не позднее 1482 г.

Для решения связанных с летописанием задач А. А. Шахматов превосходно использует знание славянских языков и диалектов. В XV в. в России был составлен труд, представляющий собою нечто вроде популярной Энциклопедии по всеобщей истории — Хронограф. Решая проблему его авторства, ученый приходит к выводу, что им мог быть не иначе, как работавший в это время в России серб: в Хронографе имена *Святослав* и *Святополк* постоянно заменяются сербскими фонетическими соответствиями *Цветослав* и *Цветополк*, а слово *бык* — формой *юнец* (серб. *junac* — молодой бык). В процессе изучения Радзивилловской летописи, интересной также художественными иллюстрациями-миниатюрами, Шахматовым тщательно анализируются ее языковые черты. Он обращает внимание на отражение в языке памятника особенностей, характерных для западных областей: отпадения конечной *й* у прилагательных (*Петръ переласивскии*, язык *с юанскии*), отвердение [r] (*рурикъ*, *володарь*, *тварыци* и др.), предложный падеж с окончанием *-ох* (*св*

грекахъ, *в дяхохъ*, *на енеохъ*) и др. Но, наряду с этими явными белорусизмами, Шахматов обнаруживает в списке типично русские особенности: окончание *-ои* вместо *-ыи* (*которыи*, *у великоу Новгородъ*), *-ро-*, *-ра-* в соответствии с белорусскими *-ры-*, *-ри-* (*застрокаше*, *переребодша*), формы *меня*, *тебя*, *себя* на месте древнерусских *мене*, *тебе*, *себе* (*отъ меня*, *межы себя*, *за себя* и др.). Принимая во внимание такое объединение белорусских и русских языковых особенностей, ученый считает наиболее вероятным место создания этой летописи — промежуточную область, скорее всего Смоленск, где интерес к летописанию проявлялся более, чем в любом другом городе Западной Руси.

Д. С. Лихачев точно определяет направление эволюции шахматовского интереса к летописанию: начав изучение летописи как филолог, ученый постепенно все более становится историком, историком русского народа (см.: Л и а ч е в Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов. М. — Л., 1947, с. 271). А. А. Шахматов стремится раскрыть пути исторического развития русского народа, образования восточнославянских народностей, пытается воссоздать древнейший состав и географию славянских племен, и летопись дает ученому в этом плане обильный исходный материал для решения многих из указанных вопросов. Еще сам Нестор тщился установить, «откуда есть пошла русская земля, кто в Киевъ нача первѣ княжити и откуда русская земля стала есть».

В последние годы жизни А. А. Шахматов успевает опубликовать не только первую часть своего обобщающего труда по летописанию. Ему удается также рассказать о значительных результатах своих научных поисков во «Введении в курс истории русского языка» (1916) и в исследовании «Древнейшие судьбы русского племени» (1919).

Все работы, исследования А. А. Шахматова говорят о том, что он обладал редким даром предвидеть каждый последующий, логически наиболее целесообразный шаг в раскрытии проблемы, как никто другой из предшественников умел определить возможные точки приложения фактического материала к решению теоретических вопросов. Оттого его первый, еще гимназический интерес к истории так естественно привел к занятиям языком, а язык рассматривался неотрывно от истории народа.

Исследуя историю формирования восточнославянских

языков, А. А. Шахматов исходит из следующих положений: во-первых, история «находится в прямом отношении к истории русского племени, его территориальным делениям и колонизационным движениям», во-вторых, эти языки восходят к одному сравнительно единому предку — восточнославянскому языку.

Итак, все славянские народы произошли от одной «племенной группы», а их языки происходят из общего для всех славян общеславянского языка. Но и этот язык не первичен. Он выделился из еще более древнего — индоевропейского языка, а потому без его изучения не может обойтись ни один исследователь славянских языков.

Ученый отвергает кажущиеся ему абсолютно необусловленными концепции ряда авторов об азиатской и южнорусской прародине индоевропейцев. А. А. Шахматову она видится где-то в южной Германии и западных областях Австрии — на территории, находившейся под непосредственным влиянием древнейшей средиземноморской культуры. Созданная здесь индоевропейская культура способствует появлению и развитию индоевропейского языка, постепенно распространяющегося из этого региона к северу, северо-западу и северу-востоку Европы. Территориальное разобщение с течением времени приводит к проявлению наряду с языковыми этническими, культурными различиями индоевропейцев.

Прародина славян, в представлении А. А. Шахматова, находилась на побережье Балтийского моря, точнее, в нижнем течении Немана и Северной Двины. К юго-западу от славян обосновались германцы. Соседство славян с германцами кажется ученому несомненным по той причине, что уже в общеславянском языке обнаруживается немало германских заимствований: *шлем* (шлемом), *труба*, *тын*, *меч*, *мязь*, *хомут*, *мыло* (подать), *котел*, *стекло*, *купить*, *скот*, *хлев*, *блюдо* и др.

На юге славянского мира, прежде всего в северном Поднепровье, соседями славян оказались финны, бывшие, в свою очередь, северными соседями иранцев. Эти гипотезы А. А. Шахматов подкрепляет наличием в общеславянском языке некоторого числа иранизмов, отмеченных одновременно и в финских языках: *бог* (др.-перс. *baga*, вост.-фин. *pahas*, у мордвы — эрзи *паз*), *топор* (фин. *tappari*) и др. Язык славян уже в этот период оказал определенное воздействие на соседние финские языки, обогатив их такими

словами, как фин. — *palttina* (русс. *полотно*, старослав. *платно*, общеслав. **poltono*), фин. *vargu* (русс. *воробей*, старослав. *вранин*, общеслав. **vorbiŭ*), фин. *talho* (русс. *толока*, серб. *tiaka*, польск. *tloka*), фин. *suntia* ('церковный служитель', старослав. *сѣдѣшчѣ*), фин. *kuontalo* — 'пакля' (русс. *кудело*, старослав. *кѣдѣль*, польск. *kądziel*).

Значительное расширение славянской территории привело, естественно, к постепенному распаду языкового единства славян. Ученый полагает, что этот процесс относится к первому веку новой эры. «Сидевшее в бассейне Вислы германское племя спалы (у славян «споль»), отсюда *сполин* — в древнеболгарских переводах с греческого, *исполин* — 'великан') ушло к нижнему Дунаю, а его место заняли готы, племена скандинавского происхождения, называвшие себя *thuida* (слово *чужой* Шахматов связывает именно с этим корнем). В конце II в. н. э. готы также устремились к нижнему Дунаю, а опустевшее Повисленье поселила занять часть славян, получивших впоследствии название западных. Подтверждение раннего обособления западных славян А. А. Шахматов видит в тех лингвистических фактах, которые известны лишь западнославянским языкам (польскому, чешскому, словацкому) и отсутствуют в языках остальных славян. Так, в то время как восточной и южной славянским языковым группам известно исчезновение согласных *d* и *t* в сочетаниях *dl*, *tl*, эти сочетания в западнославянских языках сохраняются без изменения: русск. *ель*, чешск. *jeďle*, польск. *jeďla*; русск. *сало*, *вел*, *п.ел.*, польск. *sadło*, *wiodół*, *piotł*. В языках западной группы сочетание губных согласных (*б*, *п*, *в*, *ф*) с «йот» [j] никогда не переходит в сочетание «губной + л», известное в других славянских группах: русск. *земля*, старослав. *земля*, польск. *ziemia*, чешск. *země*; русск. *люблю*, польск. *lubię*.

Окончательный разгром гуннов германцами во второй половине V в. н. э. расчищает славянам путь на Балканы и к низовьям Дуная, в результате чего славяне появляются здесь в конце V — начале VI в., что подтверждается свидетельствами древних историков Марцеллина и Прокопия Кессарийского, называющего новых пришельцев «славянами». Другая ветвь славян, также устремяясь на юг, избирает более восточный путь — к Азовскому морю (быть может, в результате возникших между славянами раздоров). Эту ветвь славян Прокопий называет «антам». А. А. Шахматов склоняется к выводу, что словене были предками юж-

ных славян, в антах же он видит предков славян восточных. «Прародиной русского народа, — пишет он, — была территория антов, следовательно — область между Прутом и Днепром». Однако анты не могли долгое время пребывать на территории, которая являлась объектом притязаний различных неславянских кочевых племен, в результате чего анты вынуждены были уйти в область более северную, лежащую вверх по Днепру и Днестру, — на территорию нынешних Киевщины и Волины. Эти земли Шахматов и называет «колыбелью русского племени, русскою прародиной». В качестве одного из доказательств этого последнего пути восточных славян А. А. Шахматов приводит гидроним *Десна*, служащий названием левых притоков Южного Буга и Днепра. В древнерусском языке слово *десна* имело значение «правая». Как же устранить это явное противоречие: в значении «левый приток» употреблено слово с антонимичным значением? Видимо, предполагает ученый, эти притоки приходились справа населению, шедшему вверх по течению рек.

А. А. Шахматов увлекательно и подробно говорит о процессе расселения восточных славян, образовании племен и племенных диалектов, привлекая богатейшие материалы «Повести временных лет» и других памятников древнерусской письменности, показывая историческую диалектологию. Ему удается воссоздать не только историю формирования восточнославянских языков, но также северного и южного наречий и переходных среднерусских говоров в пределах русского языка.

Оценивая вклад А. А. Шахматова в изучение происхождения и истории восточнославянских народов и языков, наш современник, член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин подчеркивает, что шахматовская концепция «была значительным стимулом для дальнейшего развития науки о славянских древностях».

Ныне, конечно, многое в концепции дополнено и уточнено современными исследователями, но шахматовские принципы анализа фактического материала, его интерпретации не потеряли своего значения и теперь.

Следует попутно сказать, что решение этой сложнейшей историко-культурной проблемы еще и в наши дни далеко от завершения. Хотя над рядом сторон жизни наших далеких предков завеса тайны уже почти снята. Установлено, в частности, что древнейшие индоевропейцы занимались

животноводством. Об этом свидетельствует наличие в индоевропейских языках большого числа слов одного корня, представляющих собой обозначения животных, а также продуктов питания и материалов для изделий из них. Сравните: русск. *овца*, старослав. *овьнь*, *овьца*, санскр. *āvih*, лат. *ovis*, лит. *avis* и др.; русск. *корова*, старослав. *говядо*, санскр. *gauh*, арм. *kov*; русск. *мясо*, старослав. *масо*, санскр. *mamsá*, арм. *mis*, лит. *miesa*; русск. *кровь*, старослав. *кры*, *кръвь*, санскр. *krauis*, греч. *kréas*, лат. *kruru*; русск. *волк*, старослав. *влькъ*, санскр. *vṛkha*, лит. *vilkas*, лат. *lupus*, гот. *wulf*; русск. *бобр*, старослав. *бобръ*, санскр. *babhrá*, лат. *fiber*, *feber*, лит. *bėbrus* Общим для большинства индоевропейских языков является наименование меда: старослав. *медь*, санскр. *mādhu*, греч. *mēdu*, лит. *midūs*. В то же время, как указывает Ф. П. Филин, отсутствуют общиндоевропейские земельно-сельские термины и наименования рыб, что подкрепляет известное в науке предположение, что прародину индоевропейцев следует искать в степных и лесостепных областях с умеренным климатом, бедных реками и рыбными озерами (см.: Ф и л и н Ф. П. Образование языка восточных славян М.—Л., 1962, с. 95).

Ученые, занимающиеся поисками родины древнейших славян, обращают внимание на тот факт, что в общеславянском языке немало слов, относящихся к названиям растительного мира: *лес*, *бор*, *дерево*, *лист*, *ветвь*, *пень*, *корень*, *трава*, *леода*. Эта общность слов указывает на превосходное знакомство наших предков со смешанным лесом умеренного пояса, в то же время отсутствует названия чисто степных растений и животных; кроме того, большинство славянской сельскохозяйственной терминологии является или новообразованием более позднего времени, или заимствовано из других языков (см.: Ф и л и н Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 113).

Многие слова, являющиеся названиями птиц, восходят к общеславянскому периоду, поскольку широко известны в различных славянских языках: *kurz* (петух), *kura* (курица), *gosp* (гусь), *elbēda*, *labēda* (лебедь), *golpъ* (голубь), *vor-bъ* (воробей), *solъbъ* (соловей), *skvorъ* (скворец), *sinica* (свицца), *dětelъ* (дятел), *lastovica* (ласточка) и др. Если обратить внимание на географию гнездования этих птиц, то окажется, что они принадлежат к лесистой территории умеренной зоны.

Ученым, занимающимся историей названий рыб, удалось установить, что к общеславянским по происхождению относятся лишь наименования речных рыб: *сом, окунь, язь, корюга (каря), карась, плотвица (плотва), пескарь, линь, укляя, угорь* и др. Значит, прародина славян не могла находиться у морских побережий, иначе славянские языки располагали бы общей морской терминологией. Некоторые ученые придерживаются мнения, что и слово *море* имело у древних славян не современное значение, а обозначало озеро: в отдельных говорах, и притом северных, это значение слова *море* известно и сейчас. (Сравните также с немецким: *die See* — море, *das See* — озеро.) В общеславянском языке было довольно много названий для флоры и фауны степной полосы, множество обозначений для разновидностей озер, болот. Современные данные различных наук очерчивают южную границу славянской прародины севернее зоны между верховьями Западного Буга и средним течением Днепра (см.: Филлипп П. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962, с. 147).

Наряду с неослабевающим интересом к изучению письменного языка восточных славян и истории формирования диалектных группировок, А. А. Шахматов стремится выяснить истоки русского литературного языка. С его точки зрения, дать научное описание происхождения и развития литературного языка невозможно без учета истории всех составных элементов языка народа — его народной словесности, фольклора, истории диалектов, а также истории Русского государства и восточнославянских народностей.

По убеждению А. А. Шахматова, первоисточником русского литературного языка стал «перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье».

В IX в. в византийском городе Солуне, расположенном на границе с Болгарским царством, жили два брата — Мефодий и Константин. Наряду с родным, греческим, языком оба хорошо владели также местным говором македонских славян, живших как в самом городе, так и в его окрестностях. Младший брат Константин — человек по тем временам очень образованный, за что получил прозвище «философа», — в начале второй половины IX в. принялся за создание славянской азбуки и перевод греческих богослуж-

ных книг на известный ему славянский язык. Этот первый письменный славянский язык, на который переводились церковные книги, получил в науке наименование *старославянского*. Вскоре Константин и Мефодий, а затем их ученики и последователи, с целью приобщения славян к новой, христианской религии на их родном языке, не только начали обучение жителей Моравии, Хорватии, Сербии, Македонии славянскому письму, но и повели активную деятельность по переводу на старославянский язык греческих церковных книг. Особого расцвета переводческая и писательская деятельность на старославянском языке достигла в конце IX в. в Болгарии.

С распространением христианства в Киевской Руси восточнославянская церковь также начала испытывать нужду в богослужебной литературе. Конечно, проще было брать готовую литературу у своих болгарских братьев, чем создавать какую-то новую. Положение облегчалось тем счастливым обстоятельством, что, выделившись из общеславянского единства еще совсем недавно (в VI—VII вв.), все славянские языки оставались весьма близкими друг другу, и древнерусский без особого труда мог понимать болгарские книги. С приходом на русскую почву эти книги при их последующем переписывании, конечно, подвергались определенному приспособлению к системе русского языка: в них невольно привносились элементы русского словообразования и словоизменения, отражались особенности русского словоупотребления, а также местной фонетической системы. Таким образом, это было уже не чисто старославянский язык. В науке за ним закрепилось название *церковнославянского*.

Болгария X в., периода активного роста духовной культуры страны, оказывала на Киевскую Русь благотворное влияние, выступая в качестве посредника между Византией и Русью не только в приобщении последней к христианству. Болгары сообщали восточным славянам и светскую образованность.

Вслед за В. Ф. Миллером А. А. Шахматов склонен был считать, что болгарское влияние отразилось и на русском народном эпосе. «Искусственный язык наших былин, пестрящий болгаризмами», — утверждает он, — «тесным образом связывает киевский эпос с недавним до нас болгарским...» (Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941, с. 236). «Слово о полку

Игорева» представляется А. А. Шахматову тоже продуктом влияния болгарского эпоса — оно было, по мнению ученого, «сопровождающейся пафевом былинной», лишь позже подвергшейся определенной книжной обработке.

В шахматовском освещении болгарского влияния на Русь современная наука усматривает значительную долю преувеличения, но нет сомнения, что уже в те далекие от нас века предки русских и болгар стремились друг к другу навстречу.

А. А. Шахматову удается представить историю русского литературного языка как историю постепенного развития русского просвещения. Он показывает, как письменность из Киева распространяется вскоре и в другие культурные центры государства, где она еще более отделяется от своего болгарского первоисточника, вливая в себя богатства местных диалектов. Уже русско-литературному языку древнейшего периода академик А. А. Шахматов отводит роль могущественного орудия внутреннего единения всех русских племен. Этой своей великой объединительной миссии наш литературный язык не изменил ни на одном из последующих этапов его эволюции.

Теория А. А. Шахматова вызвала в русской науке горячие споры, не утихающие и поныне: когда и на какой основе возникла русская письменность? Так ли уж велико было влияние на формирование русского литературного языка церковнославянской языковой стихии? В 1934 г. выдающийся ученик А. А. Шахматова академик С. П. Обнорский на основании исследования юридического памятника XI в. — «Русской правды» приходит к диаметрально противоположному мнению: «Русский литературный язык старшей эпохи, — говорит ученый, — был в собственном смысле слова русским во всем своем остоле. Этот русский литературный язык старшей формации был чужд каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры» (Обнорский С. П. Русская Правда как памятник русского литературного языка. — В кн.: Обнорский С. П. Избр. работы по русскому языку. М., 1969, с. 144). После тщательного изучения ряда других памятников С. П. Обнорский высказывается несколько менее категорично и говорит об «очень слабой доле» церковнославянского воздействия на древнерусскую литературу.

Гипотеза С. П. Обнорского фактически таковой и остается.

Есть в науке и другие веские основания осторожно относиться к теории С. П. Обнорского. Уже в прошлом столетии высказывались мнения о более раннем, чем считали многие лингвисты, происхождении русской письменности. В. И. Ламанский, например, рассуждал так: если уже в XI в. на Руси были свои значительные, к тому же блестяще технически оформленные произведения («Остромирово евангелие» 1056—1057 гг., «Изборники Святослава» 1073 и 1076 гг. и др.), то не могли же они появиться как-то вдруг, всего через несколько десятилетий после возникновения у восточных славян письменности.

Одними из первых выступают против теории С. П. Обнорского известные лингвисты Б. А. Ларин и А. М. Селищев. Профессор Б. А. Ларин приводит доводы о наличии у русских письменности уже в начале X в.: договоры русских с греками 907 и 911 гг. составлены были, как доказывает ученый, одновременно и на греческом и на русском языках. В договоре 944 г. говорится, например, о необходимости для киевских князей присылать в Грецию списки своих послов и купцов! Считая их более поздним переводом с греческого, С. П. Обнорский вообще не привлекал греко-русские договоры к исследованию. Б. А. Ларин же высказывает свое глубокое убеждение в том, что на современном этапе развития русистики начинать историю русского литературного языка следует именно с этих договоров, содержащих целый ряд неоспоримых русизмов — доказательств того, что основой русского литературного языка X в. был живой народный язык, как считал и С. П. Обнорский. Однако уже многие древнейшие памятники русской письменности содержат большое число церковнославянских элементов, наслонившихся на собственно русскую основу несколько позже — с принятием Русью христианства. Концепция Б. А. Ларина строится, таким образом, на признании смешанного характера языка древнейших восточнославянских памятников (см.: Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.) / Под ред. В. И. Богородского и др. М., 1975, с. 22—31).

В советской науке получила широкое распространение теория академика В. В. Виноградова, в соответствии с которой в древнерусском языке параллельно существовали два типа литературного языка: книжно-славянский, на котором создавались книги церковного содержания и в котором, естественно, преобладали церковно-

славянизмы, и народно-литературный, составляющий характерную особенность оригинальных литературно-художественных произведений: он характеризовался чисто восточнославянской языковой основой.

Развивая концепцию В. В. Виноградова, профессор Н. И. Мещерский считает целесообразным выделять не два, а три типа литературного языка древнейшей поры, ограничивая в самостоятельную его разновидность язык деловой письменности (см.: IV Международной съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, с. 157).

Член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин считает, что в основе русского литературного языка XI в. лежат два источника: разговорная речь жителей Киева и других культурных центров Древней Руси, постоянно обогащающаяся местными диалектами, то есть восточнославянский язык, и древнецерковнославянская письменность, появившаяся у нас после принятия христианства. При этом Ф. П. Филин отмечает, что церковнославянизмы часто использовались в собственно русском литературном языке с определенной смысловой нагрузкой, органически входили в русскую речевую систему, обогащая ее.

Совершенно по-новому подходит к решению этой сложнейшей проблемы профессор Н. И. Толстой.

Ученый считает, что нормы литературного языка в древности были менее строгими, допускали больше вариантов. Конституируя это и отмечая большую близость языка памятников сербской, болгарской, русской редакций, Н. И. Толстой выдвигает гипотезу о наличии в IX в. «единого древнеславянского литературного языка» всех славянских народов (Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. — Вопр. языкознания, 1951, № 1, с. 57).

Наука, как видим, смело и щедро рождает новые теории, освещающие историю возникновения русского литературного языка, и никто пока не может сказать: «Мгновение, остановись! Разгадка найдена!» Нет, все еще впереди.

По справедливому замечанию С. П. Обнорского, таково было свойство самих шахматовских проблем, из-за своей грандиозности попросту непосильных для решения одного лингвиста или одного историка, этнографа, археолога. Великий ученый успел накопить богатейший материал,

успел наметить совершенно новые решения многих сложнейших проблем, оставив пройти по этим путям своим ученикам и тем, кто придет в науку после них.

«ТАКОГО НЕ БЫТЬ В РУСИ ПРЕЖДЕ...»

Февральская 1917 г. буржуазно-демократическая революция всколыхнула Россию, стала крутым поворотом от беззакония и террора царизма к широкой политической свободе. Миллионы людей, до этого не искусленные в политике и не участвовавшие в ней, втянулись в активную политическую деятельность. Гнилое нутро царизма стало ясно видно всем.

А. А. Шахматов, как и весь народ, окончательно осознает сущность антинародной политики царизма. Ученый радостно приветствует революцию, ждет обновления России, тяжело переживает бессмысленное кровопролитие на фронтах первой мировой войны, где гибнут русские люди. Но в то же время А. А. Шахматов полон оптимизма, исполнен надежды на лучшее будущее. «Я предвижу много лишений и неудач для нашей страны, — пишет А. А. Шахматов в апреле 1917 г. профессору И. А. Линниченко, — но твердо верю и в близкое торжество правого порядка» (Государственный архив Одесской области, ф. 153, оп. 1, д. 597, л. 44).

А. А. Шахматов внимательно наблюдает за всем, что происходит вокруг, активно участвует во всех культурных начинаниях, с огромным душевным подъемом включается в работу различных академических комиссий. В качестве представителя Академии наук он выступает в комиссиях, активно создаваемых в это время, по различным вопросам культуры и науки.

В «Известиях Академии наук» № 11 за 1917 г. опубликовано многозначительное сообщение о том, что А. А. Шахматов продолжает оставаться посредником между академией и обществом.

В марте 1917 г. группа общественных деятелей во главе с А. М. Горьким задумывает организовать Дом-музей памяти борцов за свободу и обращается с просьбой к Академии наук «принять участие в этом великом начинании». На первых порах организаторы просят, помимо нравственной поддержки, взять на хранение все материалы по истории об-

щественного и политического движения, которые должны поступить в проектируемый Дом-музей. А. А. Шахматов делает доклад на эту тему, в результате чего академия выражает согласие помочь создателям столь значимого культурного центра. Алексею Александровичу было поручено официально сообщить о данном решении А. М. Горькому.

Сразу же после свержения царизма академия вновь поднимает вопрос о восстановлении А. М. Горького в правах академика, а по сути его новом избрании в состав академии. От имени академии А. А. Шахматов готовит восторженное приветствие великому писателю, с именем которого, пишет академик, у многих членов Разряда изящной словесности связывается чувство с грудом переживаемой обиды за то, что так поздно осуществилось давнишнее желание академии.

Знаменательно признание одного из крупных литературоведов первой четверти XX в. П. Н. Сакулина, принявшего Великую Октябрьскую социалистическую революцию и активно участвовавшего в социалистическом строительстве в первые годы жизни молодого Советского государства. П. Н. Сакулин писал: «Принадлежа к левому крылу наших академиков, А. А. Шахматов доблестно ратовал за достоинство и свободу русской нации, не уклоняясь, когда того требовали обстоятельства, и от очень ответственных выступлений».

Первые шаги Временного правительства в области просвещения вызывают не только недоумение, но резко отрицательную реакцию со стороны академика А. А. Шахматова. Министр просвещения кадет А. А. Мамайлов издает приказ об увольнении 11 профессоров Петроградского университета, и тогда А. А. Шахматов, проявляя свое обычное мужество, выступает в защиту изгоняемых профессоров в Совете университета, хотя хорошо знает, что большинство Совета разделяет правительственную позицию. Из других учебных заведений России правительство также увольняет 74 профессора, совершая, как пишет академик, насилие по отношению не только к увольняемым профессорам, но и к русскому гражданину вообще: «оно восстанавливает тот старый порядок, при котором ни жизнь, ни имущество, ни честь гражданина не были обеспечены от грубейшего произвола. Устранение от государственной должности должно быть допущено только по суду за доказанные перед судом прослушки или преступления... к сознанию этой элементарной истины мы сумели прийти даже при старом порядке».

Шаги Временного правительства ничуть не лучше тех, что предпринимала свергнутая, проклятая народом власть,— таков вывод академика А. А. Шахматова, и он горячо приветствует тех, кто вместе с ним протестует против нарушения правительством принципа университетской автономии.

Февральская революция возрождает надежды многих деятелей просвещения на благополучное завершение начатой в 1904 г. академией работы по упрощению русской орфографии. Об этом начинании хорошо помнил русское учительство, на плечах которого лежало все тяжкое бремя дореволюционной орфографической схоластики. После смерти Ф. Ф. Фортунатова председателем Орфографической комиссии становится академик А. А. Шахматов. С усердием и старанием принимается он за окончательное завершение свода научных рекомендаций.

Но лишь Великая Октябрьская социалистическая революция, начавшая новую эру в жизни народов первого в мире социалистического государства, смогла осуществить то, о чем думали, мечтали многие поколения прогрессивных людей России, то, над чем много лет трудились лингвисты, учителя,— орфографическую реформу.

23 декабря 1917 г. нарком просвещения А. В. Луначарский подписывает «Декрет о введении нового правописания», явившийся итогом многолетней работы Орфографической комиссии. В скупых строках этого, ныне ставшего историческим документом так много беспокойства и заботы только что родившейся власти о будущем обновленной России: «В целях обеспечения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания, предлагается всем, без изъятия, государственным и правительственным учреждениям и школам в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию!» Казалось бы, как просто! Но каждое слово декрета — это финал напряженной борьбы, которую более 13 лет вели феодалы и люди России.

В летний отпуск 1917 г. А. А. Шахматов, как всегда, спешит в деревню. Все здесь по-старому, как пять, и десять, и сорок лет назад: такое же берущее за душу пение птиц, те же кружащие голову запахи степного разнотравья — близкая и как-то по-особому возмущающая своим величием вечная природа. Вот так же каждый день жизни делили с

нею дед и отец, восторгался этими безброжными красотами дядя.. Как будто и не было их на свете, а водопад, все тот же водопад, старательно поет свою бесконечную песню, и странно — ему абсолютно все равно, кому ее петь... Алексей Александрович задумывается... Да, человек так не может, не должен — служить все равно кому. И служащему в рукописном отделении курьеру Илье, этому доброму, совершенно немощному старику, силы, наверное, придает мысль, что он достойно служит русской науке. У науки нет отчества, это так. Но ученый не может быть без отчества, и сегодня прежде всего ему, своему отчеству, его доброй славе дарим мы свои груди.

Жизнь Шахматова в родной деревне неожиданно прерывается телеграммой из столицы. Академия наук срочно требует его приезда в Петербург. Откровенно выражая волю российского империализма, Временное правительство стремится всеми силами не допустить выхода России из войны, хотя положение русской армии становится все труднее: 19—24 августа русские войска сдают Ригу, и нависает серьезная опасность над Петроградом. Нужно заблаговременно позаботиться о богатейших книжных и рукописных фондах, хранящихся в академии.

После того как 2 сентября 1917 г. в академии принимается решение об эвакуации рукописей, древних книг и архивных материалов из Академической библиотеки, фактически на плечи Шахматова ложится вся подготовка и организация вывоза этих фондов. Уже 10 октября 310 ящиков весом 2500 пудов, погруженные в пять вагонов, отправляют «на родину» А. А. Шахматова — в Саратов. Благодаря его энергичной заботе все научное сокровище надежно укрывается под крышей Саратовского университета, об открытии которого ученый в свое время так настойчиво хлопотал.

Уже в период подготовки социалистической революции в России В. И. Ленин, много думая о путях строительства нового общества в обновленной стране, прекрасно понимал, что в условиях экономической и культурной отсталости страны — страны с почти сплошной неграмотностью — главную задачу социалистической революции без привлечения специалистов и ученых решить невозможно.

В этих условиях всего две недели спустя после исторического залпа «Авроры» по указанию В. И. Ленина создается при Комиссии по народному просвещению специальный от-

дел, в ведение которого передают все академические учреждения.

На заявленное в январе 1918 г. предложение Советской власти сотрудничать с нею Академия наук сразу же ответила согласием, и вторым, после подписи неперменного секретаря академии С. Ф. Ольденбурга, поставил свою подпись академик А. А. Шахматов. «Академия,— говорилось в подписанной учеными резолюции,— всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства...»

Великий вождем революции стремится установить и личные контакты с учеными, чтобы узнать их мнение, определить политические позиции, рассказать о грандиозных перспективах науки в первом истинно народном государстве. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, первым из академиков, с кем долго беседует в Смольном В. И. Ленин, оказывается именно Алексей Александрович Шахматов. Владимир Ильич очень подробно расспрашивает ученого о нуждах академии. Хорошо помня о той важной роли, которую сыграло ее Рукописное отделение в деле спасения революционных архивов, вождем живо интересуется состоянием этого отделения и тут же дает указание обеспечить его рабочей силой и всеми необходимыми материалами.

Один из наиболее престарелых членов Российской Академии наук, человек, в течение многих лет так упорно, но почти безуспешно боровшийся за уважение достоинства ученого в царской России, покидает кабинет Владимира Ильича с чувством, какого ему не довелось испытать никогда раньше. Даже в это небойсильно трудное время Председатель Совнаркома думает о судьбе науки не меньше, чем вся старая «академическая курия», и он абсолютно убежден, что нигде в мире ученые не будут в таком почете, как в социалистическом государстве, где всем людям науки будут обеспечены для работы самые лучшие условия. Чего же большего может хотеть ученый? Академику вспоминается далекий январь 1905 г., гневные строки подписанной им тогда «Записки 342-х ученых»: «Правительственная политика в области просвещения народа... является тормозом в его развитии...» «Академическая свобода несовместима с современным государственным строем России...»

Еще совсем недавно, в 1915 г., газета «Московские ведомости» обвиняла Ф. Е. Корша и А. А. Шахматова в укра-

инфильтриве, в агитации за белорусский сепаратизм, а сегодня сам глава государства требует справедливого решения национального и языкового вопроса в стране!

Позже А. А. Шахматов приезжает в Москву с ходатайством перед правительством о возвращении из Саратова фондов Академической библиотеки и дважды видится с В. И. Лениным. «Владимир Ильич, — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, — очень внимательно отнесся к тому вопросу, лично обсуждал план эвакуации этих величайших научных ценностей и сделал распоряжение о предоставлении права начальнику экспедиции с любой станции от Саратова до Петрограда соединиться лично с ним по прямому проводу для улаживания всех недоразумений, которые могли встретиться в пути. Алексей Александрович Шахматов был крайне доволен всей организацией этого сложного дела...» (Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве. М., 1966, с. 31).

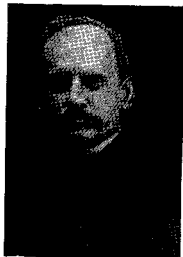
Многие народы в России до революции не имели своей письменности, а большинство населения страны было неграмотным, и, чтобы осуществить истинную, как понимают ее марксисты, культурную революцию, нужно было сразу же начать обучение грамоте десятков миллионов людей. Перед учеными встала задача разобраться во всем многообразии этнических групп и языков России, определить строго научные принципы создания алфавитов для бесписьменных языков, выработать, наконец, сами алфавиты и тем самым дать народам первой в мире Страны Советов величайшие орудия культуры — письменность и грамотность. С этой целью после Октябрьской революции начинает свою деятельность в тесном сотрудничестве с Наркоматом по делам национальностей созданная еще весной 1917 г. Комиссия Академии наук по изучению племенного состава населения России. Руководителем Европейского отдела и заместителем председателя комиссии назначается академик А. А. Шахматов. Он не только прилагает большие усилия к активизации и координации всей многообразной деятельности отдела, но совершает поездки по стране, углубленно изучает местные статистические отчеты, извлекает нужный комиссии материал из местной печати. В мае 1918 г. Академия наук привлекает А. А. Шахматова к работе по составлению племенной карты России.

Верный своему долгу русского ученого, члена Академии

наук, А. А. Шахматов в послереволюционный период весь отдается делам, не оставляя времени на передышку.

Кажется, что в послереволюционный период ни одно центральное научное и культурно-просветительное учреждение, ни одно большое начинание академии не обходится без участия в нем академика А. А. Шахматова: в феврале 1918 г. он входит в состав Комиссии по разработке предложений в связи с предстоящим 200-летием Академии наук, в апреле его избирают в комиссию для выработки нового устава Пушкинского Дома, в мае Алексей Александрович становится представителем от академии в Комитете Публичной библиотеки, в конце октября он один из трех представителей от академии на совещании Совета высших учебных заведений университетского типа, в январе члены ОРЯС доверяют ему участие в Комиссии по рассмотрению нового Устава Академии наук, в апреле 1919 г. А. А. Шахматов становится представителем от академии в коллегии Института истории искусства, в октябре ученому поручается временное заведование II отделением Академической библиотеки, а также председательствование в Библиотечной комиссии; с наступлением декабря Общее собрание Академии наук избирает академика своим представителем в комиссию при Книжной палате.

Избрание в первые советские учреждения выдающегося ученого, сумевшего активно включиться в строительство социалистической науки, в атмосфере революционного подъема действует на окружающих вдохновляюще. Ведь А. А. Шахматова знают все ученые страны, у него учатся, в него вряют. Посмотрев на этого маленького, худенького человека со всегда строгим, но в то же время добрым лицом, подумаешь, что он никогда не устает.

А. А. Шахматов
(с фотографии, сделанной
1 октября 1918 г.)

И несмотря на огромную загруженность делами Академии наук, участием в различных комиссиях, А. А. Шахматов находит время для продолжения интенсивной научной работы, продолжает чтение курсов в университете. В 1918—1919 гг. А. А. Шахматов публикует ряд работ: «Волохи древнерусской летописи» («Известия Табрической ученой архивной комиссии»), «Заметки об языке волжских болгар» («Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук», т. V, вып. 1), «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг., 1919), подготавливает к печати «Лекции по фонетике старославянского языка» своего учителя и друга Ф. Ф. Fortunatova. В университете Алексей Александрович читает курсы и ведет просеминарий.

Но самое главное — в этот период А. А. Шахматов обратился к непосредственному анализу системы современного русского литературного языка. Конечно, и ранее во всех работах по истории русского языка, диалектологии ученых всегда касался вопросов современного русского языка, привлекая данные современного русского языка в качестве источников исторических объяснений и рекомендаций. Но это были лишь материалы, факты для обобщений исторического характера. С материалами современного русского языка ученый имел дело и при подготовке Словаря русского языка, когда он возглавил работу по составлению и редактированию этого общезначимого издания. Работая в Комиссии по вопросу о русском правописании, А. А. Шахматов также анализировал факты, особенности современного русского языка. Но все это было лишь попутное обращение, не было анализа системы современного русского языка.

Сейчас же А. А. Шахматов приступает к систематическому, углубленному рассмотрению синтаксиса, в котором ученый нашел богатый материал для обобщения.

Несколько ранее, в 1911/12 учебном году, А. А. Шахматов читает в университете курс «Очерк современного русского литературного языка», где наряду с изложением истории русского литературного языка дается характеристика фонетической и морфологической систем современного русского языка, хотя и не столь широко и полно, как это будет сделано в последующем в отношении синтаксиса.

В 1916/17, 1917/18 учебных годах А. А. Шахматов читает в университете курсы «Краткий очерк синтаксиса русского языка», «Очерк синтаксиса русского языка». Ученый стре-

мится показать студентам, что предложение является основной речью для выражения коммуникации, общения.

Летом 1919 г. Шахматов приступил к написанию огромного труда «Синтаксис русского языка», ставшего в дальнейшем выдающимся лингвистическим исследованием, без знания которого даже в наши дни невозможно научное изучение синтаксиса русского языка. В русской лингвистике до Шахматова не было подобного труда, в котором бы русский синтаксис представлял перед читателем в таком разнообразии синтаксических конструкций.

К сожалению, Алексей Александрович не успел подготовить к печати «Очерк современного русского литературного языка», который в 1913 г. был издан литографическим способом студенческим издательским комитетом университета, и лишь в 1925 г., как уже говорилось в самом начале книги, в ознаменование двухсотлетнего юбилея Академии наук, впервые был опубликован по рукописи автора, дорабатывавшего курс, предполагая его публиковать.

«Синтаксис русского языка» остался незавершенным. Но и в этом незавершенном виде он представляет огромный том и занимает одно из важнейших мест в лингвистической литературе о русском языке. Выдающийся лингвист нашего времени, ученик А. А. Шахматова академик В. В. Виноградов отмечает: «...значение синтаксических работ Шахматова в истории русского языкознания очень велико. В Синтаксисе Шахматова впервые собран колоссальный материал, характеризующий поразительно разнообразие синтаксических конструкций современного русского языка, особенно в кругу разных типов простого предложения. Шахматовым впервые была сделана попытка найти в этом разнообразии систему, тщательно описать и подвергнуть грамматическому разбору разные виды предложений. Многие конкретные соображения Шахматова в области современного русского синтаксиса предложения и синтаксиса словосочетаний сохраняют всю свою ценность, все свое значение и для нас. Ценно и то обстоятельство, что нередко, анализируя систематические конструкции современного русского языка, Шахматов прибегал к широкому сравнительно-историческим сопоставлениям и параллелям» (В. В. Виноградов. История русских лингвистических учений. М., 1978, с. 123).

Впервые «Синтаксис русского языка» был опубликован по рукописи в двух томах (т. I — Учение о предложении и

словосочетаниях; т. II — Учение о частях речи. Дополнения) в 1925 и 1927 гг. в ознаменование двухсотлетнего юбилея Академии наук.

Итак, мы видим, что ученый, не щадя себя, не думая о своем здоровье, отдает себя работе в академии, активно включается в деятельность Советского государства, направленную на поднятие культуры, просвещения, создает новые работы, читает лекции в университете. Удивительно, как мог человек найти на все это время, нигде не быть только присутствующим, везде принести пользу, помочь, активизировать, подсказать решение.

Летом 1919 г. А. А. Шахматов принимается за работу над учебником русского языка для университетов, для тех, кто придет в студенческую аудиторию от крестьянской сохи, заводского станка и умолкнувшего пулемета.

...Сурова для А. А. Шахматова зима 1919/20 г., ставшая для ученого последней. В тесных служебных комнатах Академической библиотеки температура нередко стоит на отметке 5 град. сов. ниже нуля, а в хранилищах мороз достигает 10 град. сов. Электричества нет: его давно заменили керосиновые лампы. Каждый вечер дома академика ждет изнуряющая работа: слабейшими от голода и каждодневной усталости руками носит он на свой третий этаж тяжелые поленья дров, пилит и колет их, чтобы не окоченеть, чтобы продолжать работу, писать.

В середине декабря 1919 г. в Петрограде умирает ставшая матерью для Шахматова и его сестер тетя Ольга Николаевна Шахматова. «С ужасом жду то время, когда я вас лишусь! Кто будет тогда порицать, кто хвалить, кто гладить по головке?» — вспоминается Алексею Александровичу. Шутка ли, сорок два года пролетело, как он, московский гимназист, написал эти строки тете и дяде.

11 февраля, менее чем через два месяца после смерти тети, умирает Ольга Александровна — горячо любимая младшая сестра. Умирает и одинокий курьер Илья, которого Алексей Александрович несколько месяцев назад взял в свою семью. Шахматовы делили с ним все, чем жила в то время семья академика.

Алексей Александрович трудно переживает смерть близких людей, но старается подавить в себе чувство горя, уходя целиком в работу, дело. А. А. Шахматов старается утаить от близких всю невыразимую словами горечь этих утрат. Но одно за другим обрушиваются на него известия

о разграблении и гибели петроградских библиотек, ценных частных книжных собраний. И это тоже горе для ученого. И это в то время, когда Библиотека Академии наук по крупицам собирает повсюду книжные уникалы, скупает книги у петроградцев, организует с этой целью поездки в другие города и даже за границу. Лишь недавно вернулся из Киева библиотекарь А. А. Бем, приобрел там 340 названий ценных книг, брошюр, журналов. Командированный за границу Э. А. Вольер прислал из Вильны издания последнего времени на немецком, польском, белорусском, литовском и украинском языках. Рукописному отделению также удалось стать обладателем большого числа рукописей и рукописных книг. Однажды во дворе Воронцовых, куда переселился какой-то военный госпиталь, в куче мусора работники Академии наук обнаруживают столбцы рукописей XVI—XVII вв. Алексей Александрович, впервые в жизни, наверное, не доверяя никому, сам бережно извлекает из-под груды битой посуды и тряпок ветхие, сплошь исписанные листки старых писем.

А. А. Шахматов лично руководит перевозкой в Академию наук книжных сокровищ из домашних библиотек известных петроградских ученых. Академик собственными руками разгружает подводы, переносит на плечах невероятно тяжелые токи с книгами. Это благополучно повторяется пока день, другой, многие дни...

Встретившись на памятом для обоих диспуте в 1883 г., А. А. Шахматов и А. И. Соболевский всегда шли рядом. Оба они отдавали свой талант одной и той же цели — служению русской науке. И так случилось, что даже уход из жизни младшего из них по возрасту оказался связанным с жизнью другого: 30 июля 1920 г., когда Алексей Александрович, уже заметно уставший, даже несколько постаревший, хлопочет над перевозкой библиотеки Алексея Ивановича Соболевского, это окончательно подрывает его силы. В изнеможении возвращается домой после работы, он чувствует, что какая-то властная сила бросает его из стороны в сторону и давит, давит... Через десять дней консилиум хирургов ставит диагноз: инвагинация кишок. Всего несколько часов спустя Алексею Александровичу делают сложную операцию, но, к несчастью, и это уже слишком поздно: через четыре дня у него обнаруживается воспаление брюшины.

Даже в последние часы перед смертью А. А. Шахматов

проявляет поразительную силу воли. Истинно великий ученый, необычайно сильной воли человек, он в последние минуты жизни более всего стремится сохранить способность к ясному мышлению, активному восприятию мира. Академик С. Ф. Ольденбург, бывший у постели умирающего друга одним из последних, вспоминает: «Он лежал слабый, временами как будто забываясь, но лицо его носило отпечаток твердой решимости, точно он считал, что обязан бороться со смертью до конца, пока только есть силы. И он стал рассказывать: «Странное было со мною вчера, мне начало казаться, что я постепенно лишаюсь рук, ног, всего тела, осталась одна только голова, которая создала еще себя. И вдруг я увидел Владимира Андреевича²², и он сказал, что я должен понять путем математического анализа, что я весь существую, и показал ряды, блестящие ряды двадцаток, и я стал делать усилия и заметил, что постепенно сознаю опять свои руки, ноги, всего себя».

Но бушевание в этом человеке прежде, казалось, неисчерпаемые жизненные силы скоро совсем угасают: он умирает на рассвете, когда над любимой им Россией рождается новый день — 16 августа 1920 г.

Горечью невозможной утраты звучат в это утро первые строки некролога своему великому сыну русской науки... «Маленький ушел от нас растом человек, а большую оставил по себе пустоту», — сказал в связи с кончиной академика Алексея Александровича Шахматова один из его учеников — В. Сиротинин.

Весь филологический, и не только филологический, мир России оплакивает своего великого сына, руководителя и вдохновителя многих направлений в отечественной науке. С горечью говорят ученые о смерти Алексея Александровича Шахматова. «Родная наука не забудет Шахматова. И... когда будет приведено в известность все оставленное им ученое наследство, тогда каждый будущий ученый, изучивший работы Алексея Александровича, проникнутый сознанием высокой ценности его научных заслуг, с глубоким уважением к его памяти, с большим еще основанием повторит наши слова: «Да, Алексей Александрович Шахматов был, поистине, великий ученый», — пишет академик В. М. Истрин. Известный филолог, один из младших современников умер-

²² Стеклов В. А. (1863—1926) — выдающийся русский математик, академик, с 1919 г. — вице-президент Академии наук СССР.

шего ученого — П. А. Лавров, начиная статью о Шахматове, отмечает: «В лице А. А. Шахматова русская наука понесла невознаградимую утрату. Академия наук лишилась деятельнейшего и заслуженнейшего председательствующего в Отделении русского языка и словесности, которое ведало высшие национальные задачи нашего русского просвещения. Университет потерял замечательного профессора по важнейшему предмету историко-филологических наук... Шахматов достиг тех успехов, которые сопровождали его ученую деятельность и поставили его так высоко, что не скоро найдется другой, кто мог бы его заменить». Полные светлой верой в то, что наследие и дела А. А. Шахматова останутся навсегда в сознании трудящихся, звучат слова академика С. Ф. Ольденбурга: «Верится... что грядущие поколения настоящих, сильных рабочих русских людей в светлые будущие дни новой России вспомнят с любовью и благодарностью о большом настоящем русском ученом и работнике Алексее Александровиче Шахматове».

А. А. Шахматова называют «гениальным исследователем», «великим подвижником нации», «удивительным и прекрасным человеком». И все эти и многие другие слова о А. А. Шахматове не были преувеличением заслуг ученого. Это была лишь истинная характеристика великого патриота, труженика во славу отечественной науки.

21 января 1921 г. с целью увековечения памяти А. А. Шахматова Академия наук обращается в Совет Народных Комиссаров с ходатайством о национализации имени академика в селе Губаревка и превращении его в дом отдыха для работников академии. В. И. Ленин одобряет это решение и принимает все необходимые меры для скорейшего осуществления его. «Надо двинуть, я думаю, сразу в Малый Совет и через Малый Совет назначить запрос и обследование», — пишет он 27 января 1921 г. управляющему делами СНК РСФСР Н. П. Горбунову (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 57).

В том, что земля, сыгравшая в жизни великого русского ученого роль исключительную, земля, на которой сформировалось его мировоззрение, родилась любовь к природе и неотделимому от нее простому русскому человеку с его горестями и скудными тогдашними радостями, с многотрудной, но славной историей его отчества, земля, где Алексей Александрович Шахматов с юношеством создавал многие свои труды, ежегодно приезжая в родные места для недолгого,

но трепетного общения с природой, что эта земля по-прежнему служит Академии наук, кроется поистине глубочайший смысл: все, что принадлежало А. А. Шахматову, что создавал этот великий труженик, предназначалось народу горячо любимого им Отечества. И оно, это наследие, служит советской науке, помогает ее развитию, движению вперед и в наши дни. Всем, кто хочет знать и понимать русский язык, кто стремится проникнуть в глубины истории образования русского народа и его языка, кто интересуется культурой восточных славян, необходимо читать, изучать, анализировать труды А. А. Шахматова, его многочисленные работы, сохраняющие огромную научную ценность и для нас, его потомков.

Вы прочитали книгу, рассказывающую о жизни и деятельности Алексея Александровича Шахматова, выдающегося русского лингвиста, разностороннего ученого, поднившего нашу науку о русском языке на новую ступень, организатора нашей отечественной, и не только отечественной, славистики в конце XIX — начале XX в. Вы увидели, что многое из намеченного А. А. Шахматовым до настоящего времени является предметом исследования как советских, так и зарубежных славистов, что работы ученого не только не потеряли своего значения, но являются основополагающими при решении тех или иных вопросов, связанных с жизнью, развитием славянских языков.

Ниже приводится автобиография А. А. Шахматова, подготовленная им для издания: «Императорская Академия Наук 1889—1914. III. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии Наук. Часть вторая. М — Я» (Пг., 1917, с. 230—232). Эта автобиография была перепечатана дважды в изданиях, ставших сейчас малодоступными: Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1920 г. Т. XXV. Пг., 1922, с. 3—6; Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920. Л., 1930, с. 4—7. По тексту последнего печатается автобиография в этой книжке.

Эта автобиография ученого, несмотря на ее краткость, дает представление о том, как, в каких направлениях определял свою деятельность сам А. А. Шахматов, какими он видел основы своей работы ученого и организатора лингвистической науки в России.

Можно предположить, что юные читатели с интересом ознакомятся с этими страницами, написанными самим А. А. Шахматовым.

Дополнимся к нашему рассказу о замечательном деятеле отечественной науки являются также отрывки из статьи «К характеристике

стике личности А. А. Шахматова», которая принадлежит известному русскому и белорусскому советскому языковеду и педагогу, доктору филологических наук Расторгуеву Павлу Андреевичу (1881—1959). Эта статья впервые была опубликована в посвященном памяти А. А. Шахматова специальном выпуске «Известий Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1920 г.» (Т. XXV, Пг., 1922).

АВТОБИОГРАФИЯ

Шахматов Алексей Александрович, родился 5 июня 1864 г. в Нарве. Отец и дед — саратовцы. Раннее детство провел в Москве и Одессе, где служил по судейскому ведомству его отец. В Одессе лишился матери в 1870 г.; в январе 1871 г. умер его отец. Вместе с обеими своими сестрами взят был на попечение дядей, братом его отца; дядя и его жена своими заботами и своей любовью заменили ему родителей. С 1871 до 1876 г. семья жила почти безвыездно в деревне близ Саратова. Здесь началось учение. Влияние сначала известной книги А. Ф. Петрушевского «Откуда пошла Русская земля», а затем «История государства Российского» Карамзина вызвало в Ш. сильный интерес к истории; тогда же его стало занимать изучение языков и их взаимоотношений; из книги А. С. Хомякова о родстве славянских языков с санскритом он познакомился с первыми санскритскими словами. В 1876 г. поехал за границу с дядей, отравившимся в Гаштейн (Австрия) лечить большую ногу. Из Гаштейна дядя с племянником переехали в Лейпциг. По дороге, в Мюнхене, Ш. занимался в университетской библиотеке Страбона и Помпонием Мелой для извлечения из них данных о древнейших обитателях России. В Лейпциге Ш. думал продолжить эти занятия в великолепной университетской библиотеке, но по настоянию дяди поступил в гимназию (Nikolai-Gymnasium) и там убедился в своей плохой подготовке по немецкому языку, в особенности когда подал учителю Бругманну (брату известного лингвиста) сочинение о скифах, написанное им по-немецки. Вскоре в Лейпциг прибыла и остальная семья. Но уже в январе 1877 г. вся семья переехала в Париж и в марте вернулась в Россию. Весной 1877 г. Ш. был принят в Московскую частную гимназию Фр. Креймана. Он пробыл здесь до лета 1878 г. Лето этого года и зиму 1878/79 г. он провел с семьей в деревне. Осенью 1879 г. поступил в V класс Московской

IV гимназии, среда и обстановка которой пришлись Ш. по душе. В Москву он прискал из деревни с сочинением о происхождении различных плем, навеянным отчасти чтением Макса Мюллера. Для выяснения интересовавших его вопросов Ш. решился обратиться к помощи профессоров. Через учителя английского языка г. Годжеса, встретившегося с Ш. в знакомом доме, он познакомился с П. И. Стороженко, который направил его сначала к В. Ф. Миллеру, затем к Ф. Ф. Фортунатову. По совету В. Ф. Миллера Ш. бросил свои тетрадки и принялся за изучение Compendium'a Шлейхера, а кроме того, занялся «Житием Феодосия» по рукописи Успенского собора, доставленной, по его прошению, в Синодальную библиотеку. Ф. Ф. Фортунатов отнесся к Ш. с отеческою заботой и принял его всецело под свое руководство. Вскоре затем произошло знакомство Ш. с Ф. Е. Коршом, имевшим не малое влияние на дальнейшее развитие его научных интересов. Ш. стал усердно изучать в Синодальной библиотеке, Типографской библиотеке и Румянцовском музее древние рукописи, ренившись сосредоточиться на истории русского языка. К 1881 г. относится знакомство с И. В. Ягичем: с этого года Ш. состоит с ним в постоянной переписке. В 1883 г. Ш. окончил гимназию и с радостью поступил на историко-филологический факультет Московского университета, продолжая работать под руководством Ф. Ф. Фортунатова и постоянно поверяя результаты своих работ в беседах с Ф. Е. Коршем. В 1884 г., получив из Академии наук за «Исследование о языке Новгородских грамот» 100 руб., Ш. отправился в Олонекскую губ. для изучения говоров Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского у_. В 1886 г. он повторил эту поездку для проверки результатов первой поездки.

В 1887 г. Ш. окончил университет и предложен Ф. Ф. Фортунатовым и Н. С. Тихонравовым к оставлению по кафедре русского языка и словесности. Готовясь к магистерскому экзамену, заинтересовался несколькими отделами древнерусской литературы, в особенности летописью. Весной 1890 г. выдержал магистерский экзамен и прочел две пробные лекции, одну по вопросу о составе «Повести временных лет», а другую об окупании именной падежа множественного числа имен существительных в русском языке. Осенью 1890 г. начал, в качестве приват-доцента Московского университета, читать курс истории русского языка, приняв вместе с тем на себя уроки

латинского языка в VII гимназии, по предложению директора ее, покойного К. К. Войнаховского. Но в конце 1890 г., в связи с некоторыми душевными переживаниями, решил оставить Москву и взять место земского начальника Саратовской губ., где эта должность предназначалась ко введению с 1 июля 1891 г. С увлечением Ш. стал изучать крестьянский быт и формы крестьянского землевладения. 1891 год оказался неурожайным, и для пострадавшего населения потребовалась продовольственная помощь. В 1892 г. Саратовскую губ. посетила холера, и там начались холерные беспорядки. Ш. всецело отдаваясь сложным обязанностям земского начальника, Ш. только осенью 1892 г. нашел время для написания диссертации, напечатанной в начале 1893 г. в «Русском филологическом вестнике», благодаря любезности редактора, проф. А. И. Смирнова. Весной 1893 г.²³ имел место диспут: оппонентами выступали Ф. Ф. Фортунатов, Р. Ф. Брандт, В. Ф. Миллер и Ф. Е. Корш. По великому снисхождению факультета Ш. был удостоен степени доктора. Отправившись затем в деревню, он продолжал свои служебные обязанности по должности земского начальника. В мае 1894 г. Ш., незадолго перед тем предупрежденный об этом И. В. Ягичем, получил официальное предложение от председательствующего в Отделении русского языка и словесности А. Ф. Бычкова занять место адъюнкта Академии наук по названному отделению. 12 ноября 1894 г. состоялось избрание Ш. в Общем собрании.

В декабре 1894 г. Ш. переехал в Петербург. Первые годы его академической деятельности были почти всецело посвящены работе над Словарем русского языка. В 1895 г. изучал говоры Мещовского и Мосальского уу. Калужской губ. С 1896 г. он состоял соредактором, вместе с А. Ф. Бычковым, возобновивших Известий Отделения русского языка и словесности. В марте 1896 г. он женился на дочери покойного профессора А. Д. Градовского; летом этого года побывал в некоторых южнославянских землях и изучал черногорские и герцеговинские говоры. В 1897 г. (3 мая) избран экстраординарным академиком, а в 1899 г. (4 декабря) избран ординарным академиком. В 1899 г.²⁴ избран членом Археологической комиссии, где стал работать над

изданием летописей. В марте 1899 г. назначен директором I отделения Библиотеки Академии наук. В 1900 г. ездил в Архангельск и Холмогоры для подготовки издания Двинских грамот XV в. В 1905 и 1906 гг. изучал мордовский язык в двух селах Саратовского у. и после того неоднократно принимался за изучение других финских языков. В 1907 г.²⁵, после смерти А. Н. Веселовского, избран председательствующим в Отделении русского языка и словесности. В 1908 г. был приглашен историко-филологическим факультетом С.-Петербургского университета читать лекции по русскому языку; в 1909 г. избран сверхштатным профессором этого университета. В 1908 г. ездил в Борисовский у. Минской губ. для изучения белорусского языка. В 1911 г. и 1912 г.²⁶ ездил в Егорьевский и Спасский уу. Рязанской губ. для исследования живой местной речи

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ А. А. ШАХМАТОВА

Я не беру на себя смелости дать исчерпывающую характеристику личности покойного Алексея Александровича Шахматова; я могу лишь в немногих словах поделиться тем впечатлением, какое производил на меня Алексей Александрович, непосредственным руководством которого в моих научных занятиях я пользовался некоторое время, а потом находился, правда, не в частой переписке с ним. Поэтому свое сообщение я озаглавливаю «К характеристике личности Алексея Александровича Шахматова. (Из личных впечатлений и воспоминаний)».

Я не могу пожаловаться на то, что мне мало приходилось встречать людей, вызывавших у меня положительными сторонами своей души чувство глубокого уважения и представлявших по себе хорошую память. Но то впечатление, какое осталось у меня от знакомства с Алексеем Александровичем Шахматовым таково, что и в этом отношении, как и в области научных исследований, его приходится охарактеризовать, как личность особенную, исключительную. «Кристалльной души человек», сказал однажды о нем в разговоре со мной проф. Ап. Ап. Грушка. Это определение, на мой взгляд, как нельзя больше подходит к личности Алексея

²³ Поправка: диспут был 12 марта 1894 г. — *Ред.*

²⁴ Поправка: избран 16 ноября 1900 г. — *Ред.*

²⁵ Поправка: избран 8 ноября 1906 г. — *Ред.*

²⁶ Поправка: в декабре 1912 г. и в апреле 1913 г. — *Ред.*

Александровича. Глубокой искренностью и чем-то возвышенным, в высокой степени благородным веяло от него, — и всякий раз после встречи с ним у меня надолго оставалось такое впечатление, какое оставляет по себе великое художественное произведение с какой-нибудь высокой идеей, — словно в разговоре с ним я соприкасался с чем-то неизмеримо прекрасным. Это тем более характерно для личности Алексея Александровича, что во время моих встреч с ним у нас не поднимались вопросы нравственного порядка, не затрагивалась и повседневная жизнь — наши беседы были исключительно в области вопросов славяно-русской филологии. Так прекрасна была душа Алексея Александровича, так одухотворена она была светом вечной Правды! Этот свет исходил из самой глубины ее, согревал тебя, его собеседника, и заставлял ярким пламенем вспыхивать где-то далеко в тайнике твоей души тлеющую твою собственную искорку Добра и Правды, и от этого света кругом становилось тепло и уютно — забывались невзгоды и горечи окружающей жизни...

Начало моего личного знакомства с Алексеем Александровичем относится к той поре моей жизни, когда мне было за 30 лет, ...несколько лет спустя по окончании мною Московского университета.

Осенью 1913-го года мною были приобретены «Курсы лекций по истории русского языка», читанные Алексеем Александровичем в 1909—1910 году в Петроградском университете. Знакомство с этими курсами было поворотным моментом в направлении моих научных интересов: с таким построением истории и диалектологии языка, какое было в курсах Алексея Александровича, мне до тех пор не приходилось встречаться в известной доле научной литературе ни по одному из славянских языков, которыми я тогда преимущественно занимался; для меня тогда стало ясно, что на работах Алексея Александровича нужно учиться филологу, — и эти работы всецело поглощают тогда мое внимание. Обстоятельства далее сложились так, что вскоре я и лично познакомился с Алексеем Александровичем. Весною 1914 года я жил некоторое время на даче под Петроградом и часто приезжал в город. В один из таких приездов я решил пойти к Алексею Александровичу и попросить его руководства в моих научных занятиях. Заранее я был уверен в том, что Алексей Александрович не откажет в моей просьбе: его исключительная доброжелательность и моральная под-

держка всякого, работающего научно, хорошо были известны мне — об этом красноречиво говорили на протяжении долгого ряда лет предельно как в исследованиях и работах русских филологов; обиднее же была установившаяся за ним репутация «доброе гения молодых русских ученых». Однако чувство робости и невольного волнения испытывал я по дороге на Университетскую набережную. Но от того и другого не осталось и следа, когда я очутился в кабинете Алексея Александровича. Странное дело! Я впервые говорил с Алексеем Александровичем, к которому пришел, как робкий ученик, а между тем после нескольких его слов чувствовал себя совершенно непринужденно, словно был в обществе человека близкого мне, давно знакомого. Наша беседа затянулась долго и имела своим предметом мои занятия до тех пор в области славяно-русской филологии. В замечаниях Алексея Александровича, иногда очень кратких или сделанных мимоходом, сразу сказывался редкий руководитель в научной работе и тот выдающийся ученый, отмеченный печатью исключительного дарования, каким он представлялся мне до сих пор в своих многочисленных работах и рецензиях. Но совершенною новостью для меня была одна черта в личности Алексея Александровича: его какое-то благоговейное отношение к науке; чувствовалось, что видишь перед собой человека, который относится к науке своеобразно — как-то бережно, благоговейно; создавалось такое впечатление, что научная работа не была для него только профессией, а чем-то неизмеримо большим — исканием истины, я бы сказал. Чем больше потом мне приходилось впоследствии встречаться с Алексеем Александровичем, тем ярче выступала эта черта его исключительной личности. До осени 1915 года, когда я приступил в Петроградском университете к экзаменам на степень магистра русского языка и словесности, я несколько раз по мере накопления материала, по которому чувствовалась потребность побеседовать с Алексеем Александровичем, приезжал в Петроград и всякий раз встречал с его стороны ту же предупредительность и готовность дать свои указания. Во время этих приездов я ближе познакомился с личностью Алексея Александровича. Характер наших бесед в это время дал возможность ярко обнаружить той особенностью Алексея Александровича, которая, между прочим, проявляется обыкновенно в его рецензиях. При всей тонкости и глубине научной анализа

Алексей Александрович был необыкновенно мягок в своих суждениях о работах и выводах других исследователей: мне никогда не приходилось слышать от него даже резкого замечания в этом направлении.

Не менее привлекателен был Алексей Александрович и вне сферы научных отношений. После нескольких встреч с ним у меня сложилось представление, что мало сказать про него: «У него должен учиться филолог»; ближе будет к истине сказать — «У него следует учиться быть человеком». В его отношениях к людям, насколько это удалось уловить мне и испытать на себе, сказывалось необыкновенное благородство души, чуткость, искренность, отзывчивость, тонкость душевной организации и исключительная доброжелательность. И что всего характерно, проявление этих качеств сопровождалось необычайной скромностью. Для всякого, кто имел дело с покойным Алексеем Александровичем, эти черты его личности, мне кажется, настолько известны, что на них не приходится останавливаться...

...Человек исключительных дарований и редких душевных качеств, он пользовался той исключительной любовью и уважением окружающих, какие приходятся на долю далеко не многих...

Чарующее впечатление, как мне приходилось замечать, производил Алексей Александрович и на людей, которые, хотя мельком, встречались с ним и не в научных, а в других сферах жизни. Отмечу один из таких случаев. Весной 1920 года мне пришлось слышать в Нижнем Новгороде от одного педагога восторженный отзыв об Алексее Александровиче, с которым он встретился и познакомился летом 1917 года на выборах в Городскую Думу в г. Саратов. И здесь при мимолетном знакомстве, в атмосфере политических страстей кристалльная душа Алексея Александровича производит такое сильное впечатление, что три года спустя оно не забывается человеком, случайно с ним встретившимся...

Хочется, чтобы память о нем была передана потомству в иной, более соответствующей его личности форме, чем сохранится память об обычном рядовом ученом.

Перевернута последняя страница повествования о жизни и деятельности удивительного человека, истинно русского ученого, патриота, выдающегося лингвиста XX в. Алексея Александровича Шахматова. Вы прочитали его автобиографию.

Возможно, у читателей появилось желание больше узнать об этом ученом, о его деятельности и трудах, прочитать некоторые из них. Автор будет искренне рад этому, считая, что помог познакомиться с необычайным человеком, помог узнать нечто новое в истории отечественной науки, увидеть, сколь интересна наука о русском языке, какие ученые преданно служили ей, отдавая все свои знания, энергию родному народу, его культуре.

Для более полного представления о деятельности А. А. Шахматова в определенные периоды жизни можно ознакомиться с рядом публикаций документов, сделанных в последние десятилетия.

Из переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым. — Вopr. языкознания, 1958, № 3, с. 60—75 (это публикация писем, относящихся к 1889—1901 гг.).

Л а п т е в а О. А. Письма А. А. Шахматова и Ягича об историческом словаре русского языка. — Вopr. языкознания, 1961, № 1, с. 115—120.

К биографии А. А. Шахматова. — Научн. докл. высшей школы, 1965, № 2, с. 163—171 (документы из архива Ленинградского университета, рассказывающие о работе А. А. Шахматова в университете в 1908—1920 гг.).

Чернышев В. И. Из воспоминаний об Алексее Александровиче Шахматове (1864—1920).— В кн.: Чернышев В. И. Избр. труды. М., 1970, т. 2, с. 655—674.

Тем же, кто пожелает озабочиться с работами ученого, советуем прочитать отдельные главы и статьи в книге: Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. (Учение о частях речи). М., 1952.

Ниже приведен список работ в которых рассказано о А. А. Шахматове, ученом и человеке. Эти статьи написаны в основном современниками ученого, его учениками, ставшими также лингвистами, которые заняли высокое место в истории нашей науки. С именами некоторых из них вы встречались на страницах нашей книги, других вы узнали из учебника русского языка, а с третьими могли встретиться в книгах по истории науки.

Все эти статьи, конечно, требуют некоторой лингвистической подготовки, так как они написаны не для учащихся. Но все они интересны, дают много общекультурных сведений, помогают более полно представить, кем стал А. А. Шахматов для отечественной и мировой науки.

Березин Ф. М. История русского языкознания. М., 1979 (глава «Языкознание в начале XX века», с. 183—196).

Виноградов В. В. История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова — В кн.: Виноградов В. В. Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 216—236.

Карский Е. Ф. А. А. Шахматов как историк русского языка.— В кн.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 653—662.

Коротаяева Э. И. Учительская и школьная деятельность А. А. Шахматова. (К 100-летию со дня рождения).— Рус. яз. в школе, 1964, № 3, с. 93—99.

Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания.— В кн.: А. А. Шахматов. М.— Л., 1947, с. 253—293.

Обнорский С. П. Памяти академика А. А. Шахматова.— В кн.: Обнорский С. П. Избр. работы по русскому языку. М., 1960, с. 309—325.

Селищев А. М. Памяти академика Алексея Александровича Шахматова.— В кн.: Селищев А. М. Избр. труды. М., 1968, с. 213—218.

Чернышев В. И. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания. (По материалам архива Академии наук и личным воспоминаниям). — В кн.: Чернышев В. И. Избр. труды. М., 1970, т. 2, с. 557—652.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Язык может сделать меня поэтом.»	6
Первые научные дискуссии	21
За студенческой скамьей — ученый	38
Испытание верности	49
Самый молодой академик	63
Годы первой русской революции	70
Высокое искусство человечности	92
Добрый гений ученых	101
Летописец русской истории	116
«Такого не бысть в Руси прежде.»	135
Примечание. Автобиография А. А. Шахматова	149
Расторгуев И. А. К характеристике личности А. А. Шахматова	153
Список книг для дальнейшего чтения	157

Владимир Иванович Махвров

А. А. ШАХМАТОВ

Редактор Г. В. Карлюк
Художественный редактор Т. А. Никулина
Технический редактор М. И. Смирнова
Корректор А. А. Барнинова

ИБ № 5327

Сдано в набор 26.09.80. Подписано к печати 22.04.81. Формат 84×108¹/₂. Бум. типограф № 2. Гарн. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр. отт. 8,82. Уч.-изд. л. 8,20. Тираж 60 000 экз. Заказ № 1919. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано с матриц на Минском производственном полиграфическом объединении. 220005, г. Минск, ул. Красная, 23.